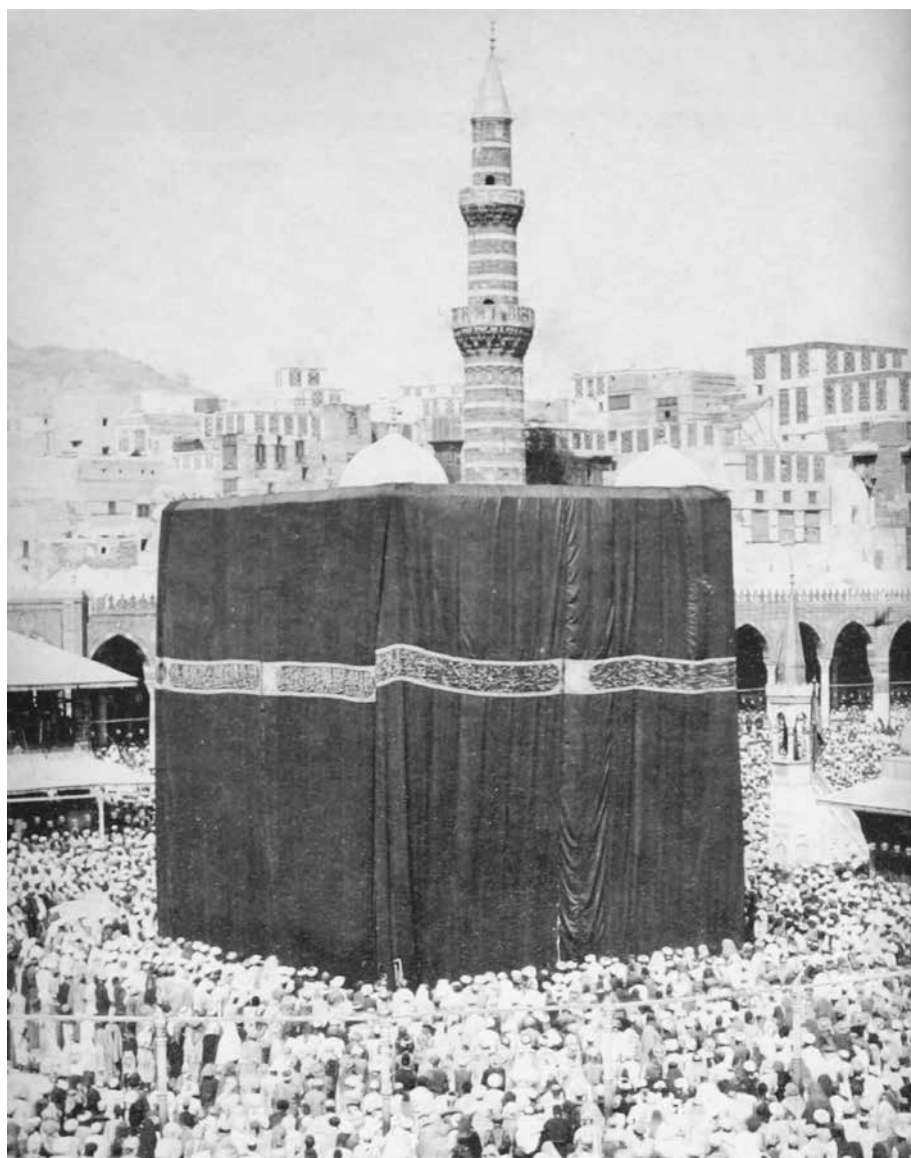


## СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	2
От составителя .....	4
Ричард Фрэнсис Бертон.....	8
<b>ИЗ ЛОНДОНА В МЕККУ</b> (Путешествие Бертона).....	9
<b>И. Нуриманов</b> Хадж-2009. Итоги.....	55
Интервью с Ильясом Умахановым .....	59
<b>Т. Атаев</b> Хадж – как же это много! Широко! Светло! И дающее надежду... ..	62
<b>Н. Мухарметова</b> Мой хадж .....	72
<b>М. Салимов</b> Умра в рамадан: путешествие из Саранска в Мекку .....	76



Издано  
при финансовой помощи  
Рустама Хайдарова,  
Фонда им. имама  
Абу-Ханифы  
и Фонда поддержки  
исламской культуры,  
науки и образования

**Нижегородский  
исламский институт  
им. Х. Фаизханова**

ББК 86.38  
УДК 287  
Н 90

Составитель и редактор  
**И.А. Нуриманов**

Под общей редакцией  
к. полит. н.  
**Д.В. Мухетдинова**

## **ХАДЖ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН № 3**

Ежегодный сборник  
путевых заметок о хадже.  
Н. Новгород –  
ИД «Медина», 2011. –  
98 с., илл.

Издание приурочено  
к 190-летию со дня  
рождения сэра Ричарда  
Фрэнсиса Бертона  
(1821–1890)

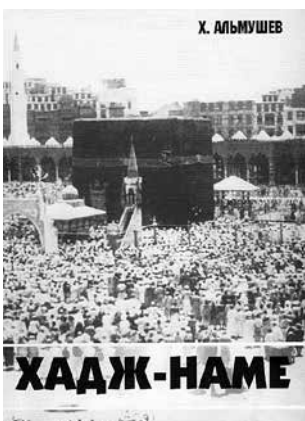
ISBN 978-5-9756-0061-5



Издательский дом  
«Медина»  
2011



Дамир Мухетдинов,  
председатель Совета улемов,  
ректор Нижегородского ислам-  
ского института им. Х. Фаиз-  
ханова, главный редактор ИД  
«Медина», к. полит. наук, доцент  
ФМО ННГУ им. Н. И. Лобачев-  
ского



Книга Х. Альмушева  
«Хадж-наме», выпущенная  
ИД «Медина» в 2006 г.

## ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Третий номер ежегодного сборника «Хадж российских мусульман» традиционно посвящен современности и прошлому священного для мусульман пути. Украшением данного выпуска являются путевые заметки капитана сэра Ричарда Фрэнсиса Бёртона «Из Лондона в Мекку». Их действие происходит в 1853 году, когда Российская империя, с одной стороны, и Великобритания, Франция и Османская империя (Высокая Порты) – с другой вступили в борьбу за обладание выходом из Черного моря в Средиземное. На Западе эта война, закончившаяся поражением России в 1856 году, носит название Восточной, а в России – Крымской. Поводом к ее началу стал вопрос о контроле за ключами от церкви Рождества Христова в Вифлееме. В начале декабря 1852 года ключи были переданы османскими властями Франции. В ответ российский канцлер Нессельроде от лица Николая I заявил, что Россия «не потерпит полученного от Османской империи оскорбления... *vis pacem, para bellum!*» (лат. хочешь мира, готовься к войне!). Началась мобилизация российской армии на границе с Молдавией и Валахией.

11 февраля 1853 года в Порту послом был отправлен князь Меншиков с требованием о признании прав Элладской церкви на святые места в Палестине и о предоставлении России протекции над 12 млн христиан в Османской империи, составлявшими около трети всего ее населения. Все это должно было быть оформлено в виде договора. В марте 1853 года, узнав о требованиях Меншикова, Наполеон III послал французскую эскадру в Эгейское море. 5 апреля 1853 года в Константинополь прибыл Стратфорд-Редклиф, новый посол Великобритании. Он убедил османского султана удовлетворить российские требования, но только частично, обещая в случае войны поддержку Англии. В результате Абдул-Меджид I издал фирман (указ) о нерушимости прав греческой церкви на святые места. Но он отказался заключить с российским императором договор о протекции. 21 мая 1853 года Меншиков отбыл из Константинополя.

1 июня российским правительством был издан меморандум о разрыве дипломатических отношений с Турцией. После этого Николай I приказал русским войскам (80 тыс.) занять подчиненные султану дунайские княжества Молдавию и Валахию «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». В свою очередь английское правительство приказало средиземноморской эскадре идти в Эгейское море. 21 июня (3 июля по новому стилю) русские войска вступили в дунайские княжества. 6 июля 1853 г. Ричард Фрэнсис Бёртон покидает Суэц, находившийся тогда, как и весь Египет, во владениях Англии, и непосредственно отправляется в хадж.

Было ли все это простым совпадением? Трудно сказать, но Бёртон намеревался пересечь весь Аравийский полуостров, который в случае получения Россией доступа к Палестине стал бы ключевым регионом для защиты путей Британии к жемчужине ее короны – Индии. Британские джентльмены викторианской эпохи умели хранить тайны. А уж эти конспиративные способности сэра Бёртона прекрасно показал во время хаджа.

Бёртон в отличие от последующих российских татарских деятелей в лице Давлетшина и Ибрагимова не вдается в статистичес-

кие подробности. Но он дает глубокую картину мира северо-запада Аравийского полуострова своего времени: здесь турецкие власти, и шериф мекканский, и шейхи бедуинских племен, и ваххабиты.

При всей критичности взгляда на арабийские беспорядки своего времени Бёртон дает на удивление точную картину внутреннего содержания святынь Мекки: «Мы вошли главным из входов спустились по двум длинным лестницам, прошли стену и очутились перед Святыней, этим центром всего магометанского мира. Мало на свете мест, так почитаемых и столькими вероисповеданиями. Нет здесь ни гигантских украшений самой отдаленной древности, как в Египте, ни остатков изящной и гармонической красоты Греции, ни дикой восточной роскоши Индии, и, несмотря на то, впечатление этого места поразительно. Не многим из христиан удавалось бывать здесь. Из всех почитателей святыни, которые в слезах умиления прикладывались к покрову или же припадали с трепетом сердечным к этому камню, кажется, место это ни на одного не произвело такого впечатления, как на меня, странника далекого Севера. Я перенесся мыслью в поэтические легенды арабов, и мне в самом деле казалось, будто движения крыльев ангелов, а не легкий утренний ветерок, надували покров Каабы. Впрочем, мною при этом руководила удовлетворенная гордость, тогда как другими – священный религиозный восторг.

Перед этим ступали бы здания даже вроде грандиозных пагод с их золочеными и лепными куполами. Перед глазами был только этот храм единому Богу, Богу Авраама, Измаила и его потомства».

В начале прошлого века классик тюркизма Юсуф Акчура в сборнике, посвященном Шигабетдину Марджани, писал о том, что дух возрождения религии, присущий протестантизму, близок именно мусульманской традиции. Слова Бёртона кажутся подтверждением этому. Поэтому данный текст во многом является ключом к тому, как Западная Европа середины позапрошлого века понимала мусульманский Восток и где она искала и находила точки соприкосновения...

*Главный редактор ИД «Медина»  
Дамир Мухетдинов*



Заповедная мечеть в Мекке



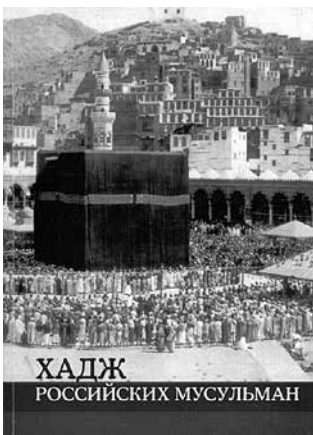
Мечеть Пророка в Медине



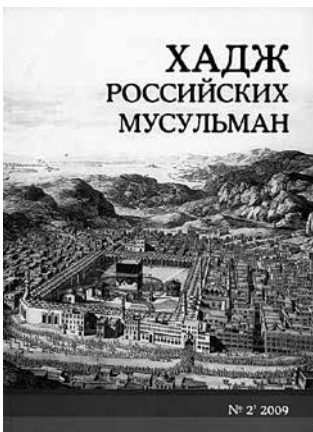
Мечеть Аль-Акса



Ильдар Нуриманов



Хадж российских мусульман №1. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже, ИД «Медина», 2008.



Хадж российских мусульман №2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже, ИД «Медина», 2009.

## ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

Мы рады снова приветствовать Вас со страниц нашего ежегодного сборника «Хадж российских мусульман».

Мир вам и милость Всевышнего Аллаха!

Радостно отметить, что заложенная издательским домом «Медина» традиция ежегодных сборников по хаджу продолжает свое существование. Каждый выпущенный номер содержит глубокий по анализу и выводами материал, а использование литературного жанра путевых заметок (хождения, сафар-наме, хадж-наме, сияхат-наме), отчетов служащих госаппрата уводят читателя в те далекие времена, когда не было ни телевизора, ни телефона, ни компьютеров, ни скоростных машин. Паломники годами шли к своей мечте, чем и интересен их судьба, проделанный путь и выдержанное ими испытание. Именно, читая книги и рассказы, слушая самих очевидцев событий, люди приобретали знания, добывали информацию и с интересом пересказывали другим. Несомненно, путевые заметки в те времена играли роль, которую сегодня играют блокбастеры, приключенческие сериалы, боевики и комедии. Более того, рассказы паломников о других странах, об увиденном и услышанном во многом интересовали и власть предержащих для установления дружеских связей с другими государствами или преследуя иные цели. Путевые заметки переводились на разные языки, увеличивая этим количество читателей и доказывая, что они являются первоисточниками информации о странах, людях, традициях, религиях и быте.

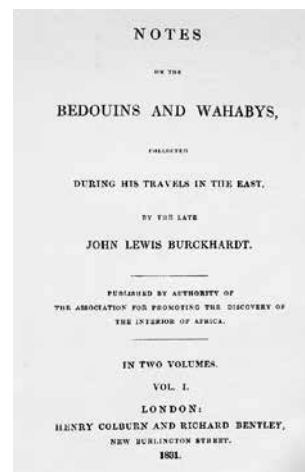
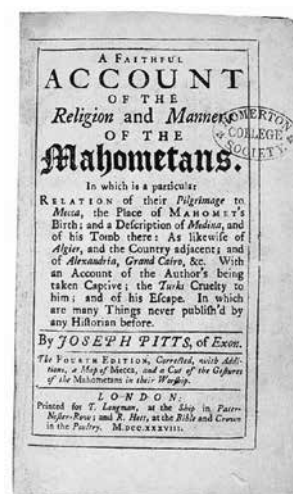
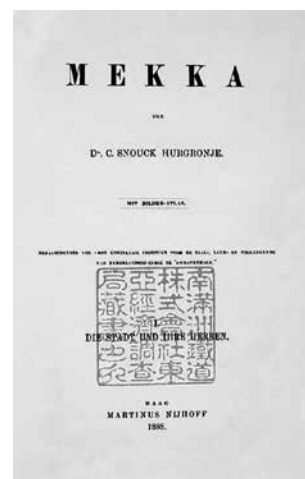
Выбранное нами «Путешествие Буртона» в 1853 году из Лондона в Мекку за основу третьего номера нашего сборника является ярким доказательством всему тому, о чем мы говорили выше. Капитан сэр Ричард Фрэнсис Бертон (1821–1890) был британским путешественником, писателем, поэтом, переводчиком, этнографом, лингвистом, гипнотизёром, фехтовальщиком и умелым дипломатом. Только лишь то, что его рассказ, хотя и не полностью, но все же, в 1872 году был переведен на русский язык и получил широкое распространение в имперской России указывает на то, что россиянам был интересен сам факт того, во-первых, как Р. Ф. Бертон будучи немусульманином, переодевшись в восточную одежду, показав мастерство владения языками, молясь и соблюдая все ритуалы хаджа не дал усомниться другим в его истинном следовании учению Корана и Пророка Мухаммада. Во-вторых, описанные автором города, народы, события и пути следования являются огромным трудом, несут исчерпывающую информацию. Вы, возможно, спросите, какое отношение имеет его путешествие к хаджу российских мусульман? Мы же приводим этот текст его путешествия для того, что бы вы увидели отношение немусульманина к людям, исповедующим Ислам, ритуалам хаджа, обычаям и традициям арабского Востока. Более того, одним из его попутчиков и другом в пути был Хаджи Вали из России, «по какому-то процессу приехавшего в столицу Египта», как сам автор пишет. Благодаря подсказкам и помощи россиянина он остался не замеченным. Р. Бертон рисковал жизнью играя роль мусульманина, так как въезд в священные города Ислама иноверцам запрещен и пойманного могли просто казнить на месте.

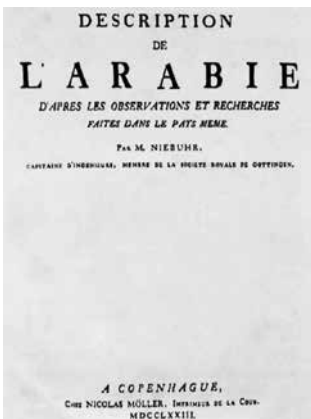
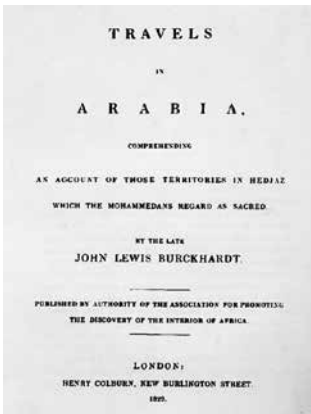
Отправившись из Суэца в Ямбо на палубе корабля, капитан Бертон знакомится еще одним россиянином из Дагестана Омаром эфенди, у которого дед был муфтием в Медине, а отец начальником каравана. Случайная встреча с российскими мусульманами и их помощь, дипломатический опыт, знание языков и энтузиазм во многом предопределили возвращение сэра Бертона в целостности и сохранности обратно домой.

Хотя Бертон и не был первым европейцем (и немусульманином), предпринявшим хадж, однако его паломничество было наиболее известным и лучше всего задокументированным в своё время в книге «The Pilgrimage to Al-Medinah and Meccah» (Паломничество в Аль-Медину и Мекку), вышедший в свет в 1855 г.

Тяжело сейчас сказать, кто и когда точно первым из европейцев посетил святые места Ислама. Ссылаясь на источники по средневековью, можем констатировать тот факт, что с началом великих географических открытий, Хиджаз также был в центре внимания чужеземцев. В особенности следует отметить, что все же португальцы, возможно, были первыми, кто пришвартовались к берегам Аравийского полуострова. Так, из исследованных нами материалов нам удалось собрать и систематизировать источники по первым посещениям европейцами немусульманами Хиджаза и святых мест Ислама. Началом первых посещений считается вторая половина XV в., а концом первая половина XX в. Более ранние визиты европейцев носили индивидуальный, личный и научный характер со всевозможными опасностями пути. Относительно более поздних посещений, то там прослеживаются помимо научных – разведывательные, военные, религиозные (призыв к христианству), торгово-экономические и политические цели. Ниже приводим список наиболее известных путешествий чужеземцами Аравийского полуострова:

- путешествие Кабута, который посетил Мекку между 1476–1490 гг.;
- посещение Мекки вместе с паломниками из Йемена Григория Да Куадра в 1500 г.;
- Людовик Ди Барфема (считался шпионом короля Португалии), совершил свой хадж в 1503 г. и он первый из европейцев, кто носил официальное название «Хаджи Юнус», ему же принадлежат первые записи о своем визите в Мекку и Медину, о ритуалах хаджа, водоснабжении городов и о том, что Запретная мечеть в Мекке, по его мнению, весьма похожа на римский Колизей;
- в 1685 г. святыни Ислама увидел британец Джордж Питс, будучи пленным и вместе со своим хозяином алжирцем посетил Мекку и Медину, описал мусульман, их одежду и религию;
- в 1762 г. в Джидду прибыл известный датский ученый, математик, картограф Карстен Нейбор, автор двухтомника своих научных открытий и путешествий, он первым использовал и ввел термин в научный оборот «ваххабизм» и «ваххабит» применительно к политическому движению в Исламе салафизму и его последователям, соответственно;
- в 1807 г. Мекку посетил Даминго Бадиа Лебиш, выдавая себя за Али Бея аль-Аббаси. Он первым предложил Западу идею благоустройства Мекки, определил границы, местоположение города, его ширину и долготу по астрономическим подсчетам, он также первый и единственный из европейцев, кто смог войти внутрь Каабы и участвовать в ее омовении. Али Бей был шпионом Наполеона в Хиджазе





и передавал ему всю нужную информацию. Британские спецслужбы подсунили ему яд, что стало причиной его смерти в 1818 г.;

– Джон Людвик Бергхард, швейцарец по происхождению, авантюрист, выучив в Халебе арабский язык, в 1841 году прибыл в Джидду, вступил в связь с Мухаммедом Али, который в это время вел военные действия против первого Саудовского государства в Хиджазе. Бергхард также посетил Мекку и Медину.

– Томас Кейт – первый европеец немусульманин, назначенный в 1815 году Тусун Пашой валием (управляющим) Медины. Он был шотландским офицером, который участвовал в египетской компании Наполеона.

– Кристиан Снок Хоргронье, голландец по происхождению, один из немногих христиан, кто обладал исчерпывающей информацией о Мекке и Хиджазе в целом, где прожил с 1885 г. более года. Он специализировался и был знатоком семитских языков, защитил докторскую диссертацию на тему «основы хаджа»;

– Гарри Сент Джон Филби – личность, которая отличительна от всех предыдущих европейцев посетивших Хиджаз. Бывший британский ставленник был отправлен в Неджд в 1917 г. для встречи с королем Абдель Азизом и для помощи ему в войне против турок. В итоге он принял Ислам и взял имя Хаджи Абделла Филби, женился и провел остаток жизни там. Изучил историю Хиджаза, оставил после себя содержательные сочинения и работы по истории Аравийского полуострова. На его надмогильной плите в Бейруте написано, что он «величайший путешественник Аравийского полуострова».

Приведенный выше нами список европейцев, естественно не является полным и точным. Было много европейцев, послов и шпионов, исследователей, которые посетили, работали на Аравийском полуострове. Однако следует отметить, что перечисленные выше люди были связаны с хаджем, некоторые приняли Ислам, третьи, невзирая на опасность быть пойманным и разоблаченным, переодевались в восточные одежды и совершали обряды мусульманского паломничества. Поэтому, в этом сборнике, возможно, впервые дан широкий список европейцев, посетивших Мекку и Медину, оставившие после себя путевые заметки своих впечатлений.

Ричард Бертон был одним из европейцев, совершивший авантюрное путешествие в Хиджаз, переодевшись в восточную одежду и выбрав для себя имя Хаджи Абделла. В его книге содержится детальное описание ритуалов хаджа, Запретной мечети в Мекке и Каабы, рассказ об общеизвестных святых местах Матери городов, широко рассмотрены социальная и экономическая жизнь. Собственноручно нарисованы им карты, люди и их одежды, здания, природа полуострова. Предлагаем вам ознакомиться с его путешествием «Из Лондона в Мекку» на страницах нашего сборника.

Ричард Бертон





## РИЧАРД ФРЭНСИС БЁРТОН

Капитан сэръ Ричард Фрэнсис Бёртон (19 марта 1821 – 20 октября 1890) – британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнотизер, фехтовальщик и дипломат. Прославился исследованиями Азии и Африки, а также исключительным знанием различных языков и культур. По некоторым оценкам, Бёртон владел двадцатью девятью языками, относящимися к различным языковым семьям.

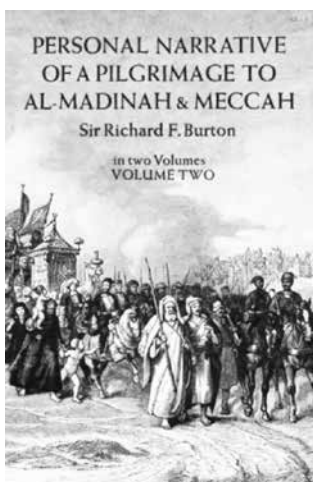
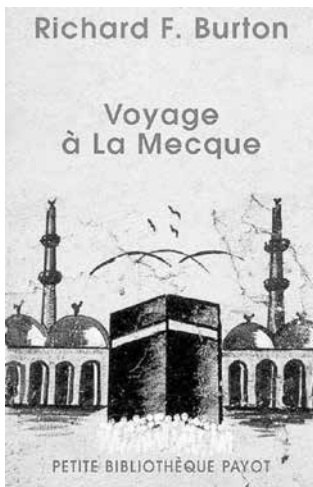
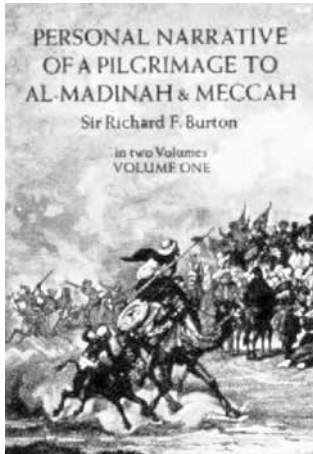
Наиболее знаменитыми подвигами Бёртона являются его путешествие переодетым в мусульманина в Мекку, перевод сказок «Тысячи и одной ночи» и путешествие вместе с Джоном Хэннингом Спиком в Восточную Африку в поисках истоков Нила. Он был плодовитым писателем, из-под пера которого вышло множество как художественных произведений, так и статей, посвященных географии, этнографии и фехтованию.

Бёртон служил в Индии в чине капитана в войсках британской Ост-Индской компании, а впоследствии на короткое время принял участие в Крымской войне. По инициативе Королевского географического общества он возглавил экспедицию в Восточную Африку, в ходе которой было открыто озеро Танганьика. В разные годы он исполнял обязанности британского консула в Фернандо-По, Дамаске и Триесте, где и скончался. Он был членом Королевского географического общества, а в 1866 году был удостоен рыцарского звания (КСМГ).

Движимый своей любовью к приключениям, Бёртон получил разрешение Королевского географического общества на проведение исследований и покинуть армию от ведомства руководителей Ост-Индской компании. Проведенное в Синде время послужило хорошей подготовкой к его хаджу, а семь лет, проведенных Бёртоном в Индии, расширили его знания об обычаях и поведении мусульман. Именно это путешествие, предпринятое в 1853 году, и сделало Бёртона знаменитым. Он планировал его еще во время своих путешествий среди мусульман Синда, ему приходилось постоянно изменять свою внешность, чтобы оставаться неузнанным, усердно готовился к суровому испытанию, учась и практикуясь...

Его паломничество было наиболее известным и лучше всего задокументированным в свое время. Бёртон усвоил различные методы сокрытия своей истинной личности, включая практикуемые патанцами (современные пуштуны), чтобы объяснить свою непривычную для ушей населения речь, но ему все же приходилось демонстрировать понимание запутанного исламского ритуала и знания со всеми мелочами восточных обычаев и этикета. Путь Бёртона в Мекку был опасным, на его караван нападали. Паломничество позволило ему получить титул «хаджи» и носить зеленый тюрбан. Отчет о проделанном путешествии можно прочитать в его книге *The Pilgrimage to Al-Medinah and Meccah* («Паломничество в Аль-Медину и Мекку», 1855).

Свободная энциклопедия Википедия:  
<http://ru.wikipedia.org>





# Из Лондона в Мекку (Путешествие Бёртона)

## Глава I Из Лондона в Суэц

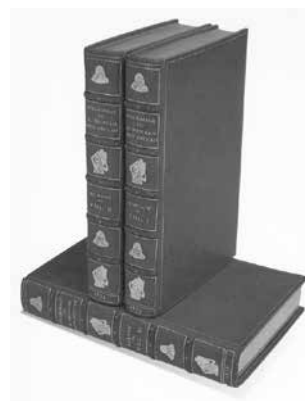
**Цель путешествия. – Отъезд из Лондона. – Я меняю роль индийского доктора на роль дервиша. – Я получаю паспорт. – Из Александрии в Каир. – Ускелэ «Джемалия». – Хаджи Уели (Haji Wali). – Я снова афганистанский доктор и благочестивый странник. Мои успехи. Отъезд из Каира. – Суэц. – Молодой Магомед и его друзья.**

Собираясь в путь, я предполагал исследовать неизвестные внутренние местности полуострова Аравии по прямому пути из Медины в Маскат или по диагонали из Мекки в Макалат, в страну Гадрамут (Хадрамаут)<sup>1</sup>. Но план этот не удался.

Третьего апреля 1853 года я, одетый по-восточному, выехал из Лондона и был на пути в Саутгемптон; весь мой багаж вообще носил по возможности восточный характер. На другой же день персидский принц, титул, под которым я предпринял путешествие на Восток, уже был на борте великолепного «Бениаля», винтового парохода восточной и аравийской Компании, а тридцать дней спустя мы стояли уже в устье Нила.

Через 13 дней, в такой короткий срок, мы уже были вне серой, туманной, кипящей деятельностью атмосферы острова Вайта (Уайт)<sup>2</sup>, где мы снялись с якоря и находились в чистом, прозрачном воздухе Средиземного моря, и наслаждались его глубокой синевой и золотистыми облачками, молча прислушиваясь к монотонной мелодией Востока, к меланхолическим звукам того ветерка, который так усиленно хорош по вечерам при глубоком звездном небе, в пышных, густых рощах.

В Александрии персидский принц превратился в индийского доктора, эликсиры и пилюли которого скоро вошли в большое употребление. Успеху содействовало и то, что жителям Александрии, презиравшим европейских докторов, никогда еще не случалось видеть у себя индийского доктора. Это было для них новостью, и новостью тем увлекательнее, что этот и без того удивительный доктор был еще волшебником факиром. Я, однако, не хотел бы, чтоб меня приняли за шарлатана, а потом замечу, что на Востоке медицина в такой тесной связи с суеверием, что не иначе можно надеяться на успех, как выдать себя за посвященного во все тайны волшебства. Сверх того, надо сказать, что усердно изучать медицину с ранней молодости; что практика особенно успешна в климатах, где болезни не имеют столько видоизменений, как в обществах более цивилизованных. В скором времени мужчины, женщины, дети и толпы клиентов осаждали мою дверь, и я лицом к лицу видел тот прекрасный пол, о котором европейцы могут иметь самое скудное понятие, по образцам довольно плохим. Там пов-



<sup>1</sup> Хадрамаут – историческая область на юге Аравийского полуострова. В настоящее время также название одной из провинций Йемена.

<sup>2</sup> Остров Уайт – островная территория на юге Великобритании.



Ричард Бертон

сюду решили, что я святой, одаренный сверхъестественными качествами и безграничными познаниями. Один старик мне даже предлагал жениться на его дочери, а одна молодая, в цвете лет, дама давала мне сто пиастров, т. е. около 25 франков, если я поселюсь в ее городе и возьмусь возратить давно потерянное зрение ее глазу.

Несмотря на это, под конец месяца усиленного труда я решил продолжить путешествие под видом странствующего дервиша. Одно духовное лицо посвятило меня в свой орден под громким именем короля во имя Бога (bismilla-cha); делаясь дервишем, я должен был отказаться не только от многих светских занятий, но также от светского имени, наконец, после известного периода испытания, получить степень муршида<sup>3</sup>, которая давала мне права начальника и позволяла иметь учеников. Таким образом, я довольно свободно мог следить за ходом действий многих обществ свободных масонов на Востоке.

К несчастью, я забыл запастись в Англии паспортом. Эта оплошность могла мне дорого стоить, если бы не влияние моего друга Ларкинга на местные власти. Не раз я должен был одеваться в грязные одежды и говорить ломаным английским языком, чтобы получить от александрийского консула свидетельство, в котором он бы подтвердил, что я английский подданный, индеец Абдулла, занимающийся медициной, тридцать лет отроду, без особенного отличительного устройства носа, глаза и щек. Это свидетельство стоило мне 5 франков 20 с. Наконец после довольно продолжительного времени, проведенного совершенно по-восточному, я получил позволение ехать в какую угодно часть Египта и носить при себе кинжал и пистолеты.

Я сел на корабль из Александрии, в канал Махмудие, самом дурном и скучном из всех каналов; к тому же вода в нем была низка, и вместо 30 часов прошло три дня и три ночи, убийственно долгих, пока мы приехали в Каир. Вообще от восхода и захода солнца наш корабль с удивительной точностью раз пять-шесть садился на мель, и мы ничего не видели, кроме грязной воды, песчаных берегов, неба молочного цвета и свинцового солнца. Это жалкое путешествие было для меня тем ощутительнее, что я ехал в третьем классе, т. е. на палубе.

Наш маленький пароход, называемый Астматик, был наполнен смешанной толпой, что на нем не было никакого порядка; два индийских офицера-армейца только и делали, что пили скверный чай, курили сигары и разговаривали между собой как истые англичане. Шумная толпа греков была положительно невыносима для церемонных мусульман своими кислыми напитками и табачным соком, грозившим ежеминутно запачкать узлы и мешки правоверных. Единственная на корабле красивая женщина, молодая испанка, казалась там так же неуместна, как роза между терниями. Важные итальянцы молча сидели на своих скамейках, они ехали по поручению закупить лошадей для сардинского короля. Там находились также немец, выпивавший по штофу пива утром и вечером, сирийский негодник<sup>4</sup>, самый богатый и самый безобразный житель Александрии, наконец живописец, декораторы, ехавшие из Франции работать во дворе паша в Шубре<sup>5</sup>. Эти последние, свободолюбивые монтаньяры<sup>6</sup>, беззаботные, как истинные дети парижских гостиных, были самые счастливые из нас. В продолжение целого дня они не сходили с палубы, не переставая болтать, как это умеет делать только их нация, играя в экарте из любви к игре, они пили, рассказывали разные интересные приключения или же пели, танцевали, спали и опять вставали, чтобы снова пить, болтать, танцевать, петь. Они были чужды той западной смеси, какую выказывают обыкновенно европейцы на Востоке, и

<sup>3</sup> Муршид — наставник, учитель

<sup>4</sup> Негоциант — оптовый купец, оптовый посредник, коммерсант, ведущий крупные международные торговые операции. В широком смысле «негодник» — синоним торговца.

<sup>5</sup> Шубра-Эль-Хайма — четвертый по населению город в Египте, расположен в губернаторстве Кальюбия. Дворец был выстроен в 1808 году для правителя Египта Мухаммеда Али.

<sup>6</sup> Монтаньяры — политическая партия, образовавшаяся во время Великой французской революции.

очень любезно предложили приготовить для меня какой-нибудь крепкий напиток. Далеко не везде меня так радушно принимали, а один офицер, служивший вместе со мной, даже проворчал сквозь зубы, что я, верно, негр, так как я задел его нечаянно локтем.

В Египте викелэ называют огромные здания, вокруг четырехугольного двора, то же самое, что в Константинополе – караван-сарай или постоянные дворы. Самый нижний этаж представляет род погребов, служащих лавками и магазинами. Первый и второй этажи разделены на квартиры в три или две комнаты, где обыкновенно помещается очаг для кухни с ванной, из которых одна выходит всегда в коридор или на легкую галерею, окружающую весь этаж.

Я поселился в Каире в гостинице «Джемалия», очень дурно и дорого, так как было время стечения путешественников; но, на мое счастье, я нашел себе там друга, Хаджи Уели (по англоязычному тексту Hajj Wali (Хаджи Вали)), александрийского негоцианта, по какому-то процессу приехавшего в столицу Египта.

Видя меня на пароходе в стороне от всех, он подумал, я нахожусь в затруднительном положении, и, подсев ко мне, начал с большим участием меня расспрашивать. Ему казалось лет 45; он был среднего роста, с большой круглой головой, тщательно выбритый; шея его напоминала бычачью; все части тела выказывали силу; борода густая русая, красивое лицо дышало добродушием. Отличаясь большим любопытством, он был в то же время насмешливым, но это выходило у него так мягко, серьезно и любезно, что, не зная его хорошо, невозможно было заметить его иронии.

– Слава Богу, – горячо восклицал он несколько раз, – что мы путешествуем с доктором!

Выражение такой признательности решительно пленило меня, и я только спустя несколько дней понял настоящий смысл слов моего нового друга.

– Поглядите, – сказал он мне, когда мы ближе сошлись, – вот что вы все, доктора, делаете! Придет к вам кто-нибудь с воспаленными глазами, – вы ему кладете пластырь, пускаете капли в глаза. Будь лихорадка – вы, недолго думая, прописываете очистительное и хинину; еще что-нибудь – и вы опять очистительное и опиум. Клянусь Богом, я был бы лучший доктор из всех вас, к несчастью, не знаю ни цены лекарств, ни названий болезней.

Словом, он кончил тем, что посоветовал мне честно добывать свой хлеб, изучая языки. «У нас слишком много докторов», – прибавил он, и я увидел, что он не ошибся.

Живя под одной кровлей, мы скоро подружились, вместе обедали, проводили вечера в мечети или в каком-нибудь месте публичных удовольствий за трубкой, разговаривая вообще о мире житейском, с которым я был достаточно знаком.

Хаджи Уели (Hajj Wali) родился в России, много путешествовал и дорогой покинул многие предрассудки своих единоверцев.

– Я верю в Бога и Его Пророка, – говорил он, – и ни во что другое.

Он не признавал ни духов, ни алхимии, ни магии, и даже, совсем не по-восточному, не верил ни во что сверхъестественное.

По его совету я снял свою одежду дервиша, синие шаровары, короткую рубашку, одним словом, все, что мне придавало вид перса.

– Вы навлечете на себя множество неприятностей, – говорил он, – если захотите остаться персиянином, в Аравии побьют вас как еретика, везде вам придется платить втрое дороже других, а заболете – вас



Ричард Бертон

**Ильдар Нуриманов**  
магистр ИСАА МГУ,  
составитель и отв.  
редактор сборника  
«Хадж российских  
мусульман».

## **Хадж глазами паломников, госслужащих и улемов.**

Религиозное мировоззрение является во многом фундаментом, на котором строится развитие того или иного общества. Пережив невиданный террор, развязанный против всех религий в советские годы, религиозная традиция продолжала жить, принимая скрытые формы, и в тяжелейших условиях переживалась народом как исповедничество, подвиг стояния в вере. Первый удар приняли на себя монастыри и медресе, затем – храмы и мечети. К концу 1930-х годов большинство религиозных зданий были осквернены и разрушены. Во время второй мировой войны и в 1950-е гг. ситуация ненадолго изменилась, но в последующем хрущевская «оттепель» оказалась не менее тяжелой,

чем “безбожная пятилетка”.<sup>1</sup> Несмотря на долгие годы борьбы против веры в Бога, верующий человек остался на своем пути. Напротив, после распада коммунизма, где “религия была опиумом для народа”, все религии, существовавшие на территории современной России, пережили и переживают подъем.

Если все вышесказанное верно относительно современности, то для средневекового общества религиозное мировоззрение было фактически доминирующим, определявшим и политическую, и экономическую, и социальную сферы жизнедеятельности народов и государств. В ту эпоху религия являлась главным фактором жизненного пути и программы, как отдельного индивида, так и целого общества.

Одним из видов религиозного подвижничества является паломничество к святым местам. Этот вид поклонения тщательно разработан во всех мировых религиях. В их религиозной традиции святыне места расположены в непосредственной географической близости друг от друга, а именно — в регионе Ближнего Востока.

Паломничеству в «Святые Земли» во всех мировых монотеистических религиях придается особое

бросят умирать на дороге!

После долгих совещаний мы решили, что я буду выходцем из Афганистана, родом из Индостана, от родителей афганистанцев, положим, поселившихся в этих краях, был воспитан в Рангуне<sup>7</sup>, в Бирме, потом будто путешествовал с ранней молодости, как водится у этого племени. В дополнение моей роли надо было знать языки персидский, арабский и индостанский, но я достаточно владел ими в обычном разговоре, ошибки же и некоторые неподходящие выражения могли быть приписаны моему долгому пребыванию в Рангуне. Итак, я был спокоен насчет того, что мое переодевание не будет открыто.

Предосторожность необходимая, так как первый вопрос, предлагаемый вам в лавке, мечети или даже на верблюде, — «Как тебя зовут?», второй — «Откуда ты?». И это без всякого намерения наговорить вам дерзостей или обидеть вас.

С этого времени я старался принимать вкрадчивую наружность индийского доктора, одевался как эфенди<sup>8</sup>, как человек хорошего общества, не переставая быть дервишем, и в то же время, не упуская случая, посещал места, где собирались мои собратья.

— Но зачем, — говорил мне мой друг, — такому благочестивому человеку, как вы, заниматься политикой, статистикой всеми этими сведениями, которые вы собираете? Назовитесь лучше странствующим дервишем, давшим обет посетить все святыне места мусульманских стран. Поступая так, вы будете казаться человеком, скрывающим свое знание, и вас будут больше уважать... чем вы, можете быть, заслуживаете, — прибавил он смеясь.

И действительно, воспользовавшись этим замечанием, я мог только удивляться проницательности моего друга.

Хаджи Уели (Haji Wali) вознаграждал меня за послушание, повсюду восхваляя меня как доктора из докторов. Поприщем моих первых успехов в Каире была наша гостиница. Напротив меня квартировал араб, торговавший абиссинскими<sup>9</sup> рабами, которые были постоянно больны. Прежде всего я вылечил молодую девушку, которая стоила верных 400 франков. Ее владелец был очень благодарен и поручил вылечить шесть других от дурной привычки храпеть, что уменьшало их цену. Эти девушки принадлежали к самому характерному роду абиссинцев, они были широкоплечи, стройны и вообще хорошо сложены. Ни одна из них не была красавицей, но в их чертах было что-то острое и в то же время кроткое. Все их наивное кокетство единственно в том, что на все комплименты, которые им говорили, они отвечали: «Так отчего же вы меня не купите?» Не правда ли, очень наивно? А между тем разве не случается даже у нас на Западе видеть глаза с особенным им свойственным красноречием, говорящие: «Зачем вы меня не покупаете?»

Мне стоило много труда найти слугу, который бы мог сопровождать меня в моих путешествиях: египетские уроженцы мне скоро опротивели бы своей услужливостью. Наконец я решил удовольствоваться индийским мальчиком. Хвастун в Каире, трус в Медине, изнеженный, воришка, он отличался всеми недостатками своей расы, но выбор мой имел свои выгоды. Арабы принимали моего слугу за абиссинца, а заблуждение это благоприятствовало моему переодеванию. Мальчик охотно услуживал, подчинялся приказаниям, и так как у него не было никаких знакомств, то он не мог ни подсматривать за мной, ни рассказывать о моих делах.

По прошествии нескольких недель я решился уехать, простился

<sup>7</sup> Янгон (ранее Рангун, бирм.) — бывшая столица Мьянмы.

<sup>8</sup> Эфенди — господин (вежливое обращение).

<sup>9</sup> Абиссинскими — эфиопскими.

со всеми моими друзьями, говоря всем, что еду в Мекку через Джедду (Джидду), между тем как я уже порешил ехать в Медину через Ямбо, следуя, таким образом, арабской поговорке: «Скрывай свои планы, сокровище и путь».

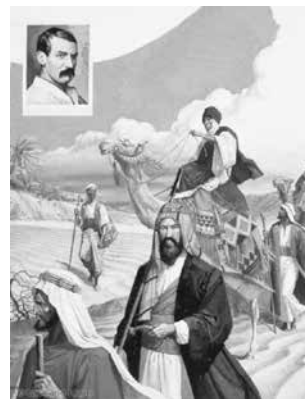
Так как навьюченные верблюды проходят пространство от Каира до Суэца в 60 часов, то я отправил вперед мой тяжелый багаж в сопровождении моего слуги-индийца. Оставшееся время до отъезда я провел у моего друга Хаджи Уели (Haji Wali). Он мне помогал запастись провизией, водой и табаком. В три часа пополудни бедуин Насар пришел мне сказать, что верблюды уже оседланы. Распростившись с моим другом и новыми знакомыми, я наконец отправился в дорогу, надеясь завтра вечером приехать в Суэц.

Благодаря распоряжениям Махмета-Али дорога эта была так же безопасна для европейцев, как дорога от Парижа в Сен-Клу<sup>10</sup>. Нам встречалось много турок, арабов, афганистанцев, даже несколько индусов, которые, подобно нам, шли посетить святы места. Все нам кланялись и желали счастливого пути, как и следует людям, имеющим религиозную цель.

Приближаясь к Суэцу, мы наконец заметили на голубоватом горизонте зубчатые горы, у подошвы которых проходит по глубоким пескам дорога в Хиджаз. Я как англичанин особенно был рад, когда открылся уголок моря, на волнах которого грациозно покачивался красивый пароход. Направо тянулась цепь холмов, вдоль которых мы шли все время от самого Каира. Ближайшая цепь из известняка и песчаника казалась коричнево-золотистого цвета от скользящих по ней лучей заходящего солнца, а места, где легла уже тень, были самого ярко-красного цвета, вдаль же виднелась вершина небесно-голубого цвета со светло-лиловыми полосами. Я не мог оторваться от этого восхитительного вида и пробыл здесь более получаса под тем предлогом, что поил моих верблюдов у суэцких колодцев.

Вода в них солодковатая и может быть годна только животным, так же как и в колодцах Моисея к востоку и отца Лествичника<sup>11</sup> к западу, несмотря на это, в Суэце не было пресной воды, кроме той, которую привозили из Нила на верблюдах через пустыню.

Была уже ночь, когда мы вошли в ворота суэцких развалин, а я должен был еще отыскивать мои вещи и слугу, который не являлся ко мне. Проблуждав почти по всем 36 постоялым дворам города, нечаянно услышал, что какой-то индеец поселился в гостинице копта Георгия. Когда я прибыл туда, вся моя радость исчезла: я узнал, что мой индеец запер дверь своей квартиры, уехал со своими товарищами на одном из кораблей, стоявших в гавани, это имело вид побега. Я сошел с верблюда и всячески старался уговорить трактирщика выломать дверь, но он отказался, угрожая мне полицией. Между тем один молодой араб из нашего каравана, по имени Магомет, которого я во что бы то ни стало решил оставить при себе за его ум и сметливость до конца моего путешествия, напал на своих друзей, жителей Медины, отправлявшихся на поклонения в святы места, после долгого нищества по Египту и Турции. Как водится при всяких встречах, начались шумные расспросы и жаркие объятия. Друзья Магомета предложили мне отужинать с ними и провести ночь на совершенно открытой платформе, простирившейся от галереи на весь двор. Но я не чувствовал аппетита и вовсе не имел желаний быть в обществе, а потому предпочел ночевать в пустой комнате, которую выхлопотал у привратника. Но я дурно провел ночь, 135 верст верхом на спине верблюда дали мне о



Ричард Бертон

значение, подкрепленное и доказанное Священными Божественными Писаниями (Кораном, Торой и Библией) и преданиями великих Пророков и Святых. Именно Ислам, Христианство и Иудаизм имеют общие корни, схожую историю, начиная от первого человека Адама и, конечно же, одного праотца Авраама (Ибрахим). Как-никак, а именно жизнедеятельность Пророков и Святых трех религий, их места обитания и исторических событий, запечатленных в тех же Священных Писаниях и преданиях, являются для верующего человека местами общего поклонения — «святыми». Людей, совершающих дальнейшее путешествие для поклонения святым местам, называют паломниками, богомольцами, странниками, пилигримами,

<sup>10</sup> Сен-Клу — западный пригород Парижа, расположенный на берегу Сены.

<sup>11</sup> Иоанн Лествичник (525–602 или 649) — христианский богослов, византийский философ, игумен Синайского монастыря. Почитается святым в Православной и Католической церковью.

хаджиями.

На протяжении более 12 веков последователи Ислама, проживающие на территории России, не считаясь с расстояниями, трудностями и большими расходами, спешили лицезреть вблизи величайшие святыни своей религии, душевно очиститься от грехов и заслужить особый статус – статус паломника, тем самым приобрести перед своим народом значимого уважения и авторитета. Более того, вольно или невольно способствовали сближению нашего Отечества с народами и государствами Ближнего Востока – Арабским миром. Это в равной степени относится и к православным, посещающим святыне места в Палестине, и к мусульманам, у которых, помимо Иерусалима, священными являются города Мекка и Медина.

Паломники вносили заметный вклад в установление политических, культурно-общественных, экономических контактов с иерархами и мирянами Востока, с арабским, турецким и еврейским населением, властями Арабского Халифата, государства Мамлюков и Османской империи. В результате этого происходило обогащение как древнерусской духовной и светской культуры, так и культуры волжско-камских булгар, монголов, кипчаков (в качестве носителей ислама) – предков современных татар и кавказских народов.

В позднее время Россия пользовалась этим каналом для возможности активизировать дипломатические

себе знать, все мои кости ныли, верхняя кожа во многих местах была содрана, и солнце прижгло остальную. Горько сожалел о последствиях такого ослабления моего организма во время четырехлетнего пребывания в Европе и вместе с тем недоумевая о судьбе моего багажа, я долго не мог заснуть, но и сон не освежил меня. Хорошо еще, что на другой день утром я отыскал моего шейха Нура (так звали моего индийца).

## Глава II Из Суэца в Ямбо

**Мои попутчики. – Они занимают у меня. – Исправление моего паспорта. – Отъезд на «Золотой нити». – Странники. – Сражение с варварами. – Наша победа. – Приезд в Ямбо.**

Имена товарищей, к которым я присоединился в Суэце, так часто будут встречаться в моем рассказе, что я нахожу необходимым описать эти личности.

Начну с Омара эфенди. Он родом из Дагестана, дед его был муфтий в Медине, отец – начальник каравана. Он небольшого роста, довольно полный, имеет совсем желтый цвет кожи, серые глаза и мягкие черты лица. На вид ему не более 15 лет, хоть он и уверяет, что ему 28. Вся его фигура выражает смирение, ходит он робко, говорит тихо, но зато когда рассердится, то просто ужасен – он свирепеет как бенгальский тигр, всегда хорошо одет, исправно молится Богу и, как истый араб, у которого всегда крайности, ненавидит женщин. Родители торопили его женитьбой, он отвечает им, что, несмотря на лета, еще ничего не знает. Это *idée fixe* и его обычная меланхолия принудили его бежать из родного дома в Медину, где он надеялся без помехи заниматься как бедный ученик в мечети Азара. Родители его и друзья были в отчаянии и послали за ним в погоню надежного человека, чтоб он волей-неволей привел его к ним. После небольшого сопротивления Омар все-таки должен был покориться, теперь он ждет удобного случая возвратиться, если удастся, даром в Медину.

Вышеупомянутый благонадежный человек, посланный родителями за Омаром, был негр Саад, прозванный в Медине *el Sinni*, что значит бес. Он был рабом в семье Омара эфенди, когда его отпустили на волю, он пошел в солдаты в Хиджаз, но, видя, что там ему только сулят жалованье, бросил службу и сделался негоциантом, много и долго путешествовал, был в России, на Гибралтаре и доходил до Багдада. Это настоящий африканец: бешено-шумно выражает свою веселость, молчит он – как будто сердится, любит вас и оскорбляет, храбр и хвастун, восторжен и хитер, любит поспорить, но неподозрителен. Хорошая сторона его характера высказывается главным образом в безграничной любви и уважении к молодому господину. Несмотря на это, Саад будет так же гневно бранить Омара эфенди, как и других. Он очень расточителен, постоянно занимает и никогда не отдает, одевается хуже последнего нищего, а имеет два огромных сундука с отличными платьями для себя и своих трех жен, ожидающих его в Медине, он дрожит над этими сундуками. С утра до вечера он бродит по базару, только и говоря, что о найме места на корабль да о деньгах для перевоза, хотя и решил во что бы то ни стало ехать даром, и вполне уверен, что ему удастся.

Шейх Хамид-эль-Самман принадлежит к одной знатной персидской фамилии, глава которой, какой-то святой, оставил после себя в Медине целый ряд всеми уважаемых потомков. Это чистейший тип араба-горожанина, затылок его окружен пучком густых черных волос, лицо грязно-коричневого цвета, борода, которой, кажется, никогда не касалась гребенка, похожа, скорее, на козлиную, он ходит всегда босиком, в желтой, очень грязной блузке, подвязанной в талии медным поясом, никогда не молится, чтоб только не быть обязанным вынуть из сундука чистое платье, курит с наслаждением, если только ему предложат табак, причем издает что-то вроде ворчанья, вероятно, вследствие сильно возбужденного состояния духа. Он умеет читать по складам и хранит на груди маленькую, очень измятую рукопись, в которой на каракулены какие-то молитвы без всякого смысла и старые романсы, изредка он вынет эту бумажку, взглянет на нее, набожно поцелует и опять спрячет со всем уважением простолюдина к книге. Петь песни, ловко задушить ягненка, громким криком созывать на молитву, брить бороды, стряпать, подражаться с кем бы то ни было, говорить чепуху – на это он мастер. Как Саад он только жмурит брови при слове «вино», но рот невольно выдает его, выражая противоположное. Пробыв несколько месяцев в Стамбуле, он хотя не выучил и 10 слов по-турецки, но зато успел отстать от многих предрассудков.

Тот, который целыми днями лежит на ковре и курит персидский кальян, называется Зели-Шекар. Он родом из Медины, турок по отцу, араб по матери, очень высокого роста и, несмотря на свои 16 лет, рассуждает как сорокалетний, до крайности жаден, эгоист и холодно-горд как истый турок, скуп как араб. Он чаще других молится, одевается поэтому лучше, подражает даже константинопольским модам, и по его бледно-желтому цвету лица его можно приять за какую-нибудь знатную особу. Дорогой мы с ним были в довольно коротких отношениях: он даже занял у меня денег, но потом в Медине вдруг скрылся, вероятно, после тщательных усилий отдать мне долг. Он был довольно начитан и в особенности изучал все, что касается «щедрости». Не раз говаривал он мне подобные истины: «Аллах любит великодушного, несмотря на все его недостатки, и не полюбит скупого, хоть бы тот был святым». Он объяснил мне также, что имя Фараона, этого прототипа нечестия, оттого удостоилось быть вписанным в Коран, что он был государь щедрый, между тем как о Нимвроде (Нимрод)<sup>12</sup>, который ничем не хуже был Фараона, только вскользь упомянуто за то, что он был скупым тираном.

Все эти описанные мною личности не замедлили обратиться ко мне с просьбою занять у меня. Положение их дало мне понятие еще о новой черте восточной жизни. Им всем предстояло ехать на корабле двенадцать дней да еще по суши четыре дня, кроме того, надо было позаботиться и об удовлетворении желудка, и о пошлине, и о переноске сундуков, а у них всех вместе было не больше 10–12 франков. Сундуки их были набиты оружием, платьем, обувью, трубками, сладостями и разными ценными вещами, и, несмотря на это, ни один не решился бы заложить малейшую вещицу из своего багажа, разве уж в случае сильного голода.

Рассудив, как выгодно для меня быть в их обществе, я внял наконец их медоточивым речам и молениям дать хоть самую маленькую сумму. Так, молодой магометанин получил с лишком 100 фр., Хамид – 125 фр., так как я надеялся расположиться у него в Медине, Омару эфенди я дал не больше 15, Сааду, по прозвищу бес, 10, и то вру-



Ричард Бертон

отношения со странами Востока, о чем можно судить по открытию дополнительных консульских учреждений параллельно с торговыми представительствами. Так, документ от 1851 г. говорит о необходимости создания консульского агентства России в Суэце и в одном из портов Красного моря – «как для распространения нашей торговли, так и в видах покровительства российским подданным магометанского исповедания, в большом числе посещающим берега Чермного моря для поклонения гробу Магомета...».<sup>2</sup>

Фактор паломничества является одним из особо значимых причин в установлении отношении

<sup>12</sup> Нимврод (Нимрод) – в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь. По родословию, приведенному в книге Бытие, – сын Куша и внук Хама. В различных легендах акцентируется образ Нимрода-тирана и богоборца; ему приписывается строительство Вавилонской башни, крайняя жестокость, идолопоклонство, преследования Авраама, соперничество с Богом.

между разными государствами в политической, экономической, культурной и духовной сферах, между простыми людьми и последователями того или иного религиозного мировоззрения. Российские хаджи, желая выполнить свой долг перед Богом, всегда стремились совершить хадж, не взирая на трудности пути. Более того, своей паломнической традицией они вынуждали власти, хотя они этого или нет, обращать свое внимание к их религиозной практике: сначала следовали запреты, потом разрешения, еще позже власти уже помогали русско-подданным мусульманам в совершении паломничества.

Со временем появления ислама на территории нынешней России он прошел ряд этапов в определенные временные рамки, сталкиваясь с разными преградами и проблемами, но каждый раз отстаивая право на существование: в относительно собственном мусульманском государстве (IX – XVI вв.); в православном русском государстве (XVI – XX вв.); в советском государстве (нач. XX в. – кон. 80 г. XX в.); в постсоветской России.

История хаджа для российских мусульман всегда была рассказом о приходе и возвращении в основные регионы мусульманского мира (дар аль-Ислам). В эпоху до падения Казанского ханства хадж регламентировала общеполитическая ситуация и эпидемии. От времени независимости мусульманских тюркских государств у нас не осталось

чил их ему только в Ямбо, Зели-Шекар выманил у меня 50 пиастров, около 15 фр. Так как в этих краях вообще не принято давать в долг, а тем более отдавать занятое, то я имел полное право потребовать от каждого какой-нибудь залог. Первый вместо залога пошел ко мне в услужение, второй дал два богатых платья, третий – чудесную трубку, четвертый – ятаган и пятый – шаль под кашемир. Условия этой мены были очень выгодны для меня: я им дал египетскими монетами, а они должны были отдать по курсу в Хиджазе, так что я выигрывал почти 16%. Впрочем, я действовал так не из денежной выгоды. Чтобы окончательно приобрести расположение моих должников и прослыть великодушным, я сказал им, раздавая деньги: «Теперь довольно говорить об этих пустяках». И действительно, они просто осыпали меня похвалами. Мало того что я с тех пор обедал с ними, они непрерывно угощали меня своими сладостями, принимая меня, верно, за какое-нибудь важное лицо, путешествующее инкогнито, в этом их удостоверяло еще и мое звание дервиша. Одним словом, я мог надеяться на гостеприимство как в Мекке, так и в Медине. С тех пор мне всегда уступали дорогу, мое мнение спрашивалось раньше других и ничего не решалось без моего согласия, короче, Абдулла дервиш вдруг стал всеми уважаемым лицом.

Затем мы условились не теряя ни минуты занять места на каком-нибудь корабле, отправляющемся в Ямбо. Между тем оказалось, что паспорт, в котором я числился британским индусом, был неверен, товарищи посоветовали мне не мешкая отправиться просить суэцкого губернатора его подписать, сверх того, они меня предупредили, что если я представлю турецкий документ, выданный мне в Каире, то мне придется ждать каравана и таким образом я буду лишен их общества и дружбы. Итак, мне надо было опасаться какого-нибудь затруднения. Я не медля отправился к бею, взяв с моим паспортом и правильный паспорт шейха Нура. Бей внимательно разглядывал мои бумаги со всех сторон, повертел их в руках, как будто не решаясь их прочитать, и отослал меня к своему секретарю. Этот сейчас же нашел ошибку, а именно, что мой паспорт не был засвидетельствован в Каире – ошибка значительная, и, как уверял секретарь, ничто не может склонить бея согласиться на мой отъезд. Я возложил всю мою надежду на содействие господина Вест, вице-консула в Суэце, я отправился к нему в сопровождении только молодого магометанина, другим же я объяснил это, сочинив какую-то сказку, будто я оказал важные услуги англичанам во время моего пребывания в Афганистане. Г-н Вест между тем уже был предупрежден одним моим неосторожным другом о моем вероятном прибытии, и поэтому он легко узнал, кто я, несмотря даже на мой чистый жаргон. Он был очень любезен со мной, тотчас же поручил своему секретарю войти в сношение с поверенным бея, на все возражения он отвечал, что берется в качестве вице-консула доставить мне в случае необходимости ехать из Суэца в Аравию новый паспорт в качестве английского подданного. Благодаря его горячности я на другой день получил свой паспорт исправленным.

Между тем товарищи мои деятельно отыскивали корабль для переезда и торговались в ценах за места. На наше несчастье, корабль, за которым по Суэцкому уставу была очередь идти, должен был отложить свою поездку на неопределенное время, по своим громадным размерам он не мог набрать достаточно груза в Хиджазе, через него были задержаны и другие суда. Казалось, мы ввек не выберемся из Суэца! К счастью, Саад-бес, принимавший во всех наших хлопотах деятельное участие, несмотря на неудачу прокатиться за наш счет, сговорился-та-



ки с одним владельцем корабля «Золотая нить». Он нанял нам места на корме, самые лучшие для того времени года, нам, пожалуй, предстояло не очень-то удобное путешествие, так как судно было битком наполнено странниками-варварийцами<sup>13</sup>, но, говорили мы, Бог милостив!..

Наконец настал день отъезда. Так как корабль наш по своей величине должен был закинуть якорь в 5 или даже 6 верстах от берега, то нужно было подъезжать к нему на лодках. Я никогда не видал подобной суматохи, как в этот памятный для меня день.

Было жаркое, июльское утро. Мы стояли на плоском берегу, наблюдая за ленивой погрузкой нашего багажа. Вокруг неподвижно стояла толпа зевак, гордость которых не допускала унижения нагнуться и поднять ту или другую уроненную вещь. Пилигримы кидались, как полоумные, родные плакали, друзья громко напутствовали и прощались, лодочники торговались в ценах, лавочники неистово требовали уплаты догов, женщины рыдали или без умолку тараторили, дети кричали. В продолжение двух часов мы находились в этом адском концерте. Лодочники сумели увеличить еще этого гвалт, удалив свои лодки на 20 кабельтовых<sup>14</sup> от берега, содействуя тем носильщикам брать с путешественников вдвое больше обыкновенного. Турчанки пронзительно взвизгивали на руках чернокожих носильщиков, глядя на матерей, и дети пищали, мужчины тоже не отставали, громко клялись и спорили – есть минуты, когда никто не может не кричать. Только отчались, как каждый спохватится, что ему недостает трубки, ребенка, арбуза – словом, предмета последней необходимости, к тому же слуг не могли дозваться: все разбежались по базару.

С берега нас перевели на плотину, где стоял сам бей и последний раз осматривал паспорта, многие попались: одних наказали палками, другим велели возвратиться в Каир.

Наконец около 10 часа подняли паруса и начали спускаться по фарватеру. Мы могли уже заранее составить понятие о наших отношениях с варварийцами, нашими будущими спутниками, по одному случаю: одна из их лодок догнала нас, и не успели мы опомниться, как эти бездельники пересели к нам в лодку числом 20 человек, это проходило на вызов, им казалось, так и хотелось подраться, но их было слишком много против нас и все они были вооружены; видя наше замешательство, они только посмеивались над нами. На этот раз мы должны были без ропота перенести их наглость.

«Золотая нить» – корабль, на котором мы взяли места, – было судно в 50 тонн, имело палубу только на корме, которая по своей вершине при каждом сильном порыве ветра могла служить парусом. Две мачты с угрожающим видом раскачивались вперед, большая из них была значительно выше фок-мачты и снабжена косым треугольным парусом. На корабле не было ни компаса, ни лага, ни лота, не было даже карты, каюта походила на коробку, трюм – на индусские лодки, одним словом, были всевозможные неудобства. Корабль, на котором некогда Сезострис<sup>15</sup> совершал плавание по Черному морю, должен был проходить на этом, вероятно, и в 1900 году такие же суда понесут пилигримов из Суэца в Хиджаз.

С первого взгляда на «Золотую нить» было отчего прийти в отчаяние. Владелец ее, Али-Мурад, правда, обещал, что в трюме будет не более шестидесяти пассажиров, но оказалось, что число их увеличилось до 97. Груды сундуков и разного вида багажа загружали корабль от одного конца до другого, путешественники теснились, как мухи на сахаре. Даже корма, где мы должны были поместиться, была завалена

непосредственных свидетелей – рассказов о хадже (хадж-наме) с болгарских или золотоордынских территорий, хотя выходцы из этих земель, несомненно, совершали хадж. Так, классифицируя источники по мусульманскому паломничеству на Арабский Восток можно выделить их несколько групп. Первое – источниками раннего мусульманского паломничества служат, в основном, работы арабско-персидских ученых, географов и историков как ат-Табари, аль-Мукаддиси, аль-Идриси, аль-Мас'уди, ибн Фадлана, ибн Батуты и др. В их работах упоминаются паломники из России, говорится о городах и наличии в них мечетей и медресе, что свидетельствует о раннем приходе ислама на территорию современной России. Одно из первых сообщений о том, как болгары совершали хадж, относится к 1041/1042 годам. Об их приезде в Багдад упоминает арабский историк ибн аль-Джаузи: «И прибыл один человек из болгар, – говорят, что

<sup>13</sup> Варварийцы – племена, жившие на побережье Северной Африки.

<sup>14</sup> Мера длины в 120 саженей.

<sup>15</sup> Сезострис – наиболее популярное имя египетской политической истории у классических писателей. Сезострису приписывали не только завоевание всей Азии, Европы до Фракии, Ассирии, Мидии, Эфиопии, Скифов, Персии, Бактрии и т. д., но также и различные законы.

он один из больших людей того народа, со свитой из 50 человек, направляясь совершить хадж».<sup>3</sup>

Второе — основными и, на наш взгляд, самыми значительными источниками по хаджу в Новое время, являются путевые заметки, хождения паломников, хадж-наме, саяхат-наме или сафар-наме. Один из самых ранних и, возможно, первых хадж-наме, дошедшее до нас, принадлежит перу Муртазы бин Куллугуш ас-Симети — автор «Иман шарты» («Условия веры» — учебное пособие, объединившее овладение азбукой и основами веры).<sup>4</sup> В хадж-наме Муртазы ас-Симети, датированное 1110 годом хиджры (1697/1698 г.) говорится о пути из Бухары через Мешхед и Багдад. Наиболее интересным в нем является перечисление посещенных им могил пророков и шейхов. Таким образом, происходит возвращение татарского народа в культурное и географическое пространство мусульманского мира. Список, приведенный Муртазой ас-Симети, дает адекватное представление о тех персоналиях, которые наиболее уважались среди татар. Наиболее бесспорными здесь являются личности пророков, четырех праведных халифов, асхабов и родственников Пророка Мухаммеда (мир ему), а также таких факихов, как Абдаллах бин Аббас, Абу-Ханифа, Малик бин Анас и Убайдуллах Садрушшарит. Вместе с тем, автор приводит имена целого ряда шиитских имамов, включая Ризу, Хасана, Джафара

тюками, и некоторые самовольно располагались на ней.

При таких затруднительных обстоятельствах мы с восторгом обрадовались появлению Саад-беса, переодетого старым моряком, никто не принял бы его за обладателя двух больших сундуков с разными ценными товарами. Со своей обычной горячностью он не медля принял свои меры: столкнул незваных гостей вместе с их багажом вниз, в трюм, и таким образом живо очистил корму. Мы начали размещаться поудобнее, насколько это было возможно при ужаснейшей давке. Вся корма была не более 8–10 футов длины, а на ней помещались 3 сирийца, турок с женой и детьми, раис, или капитан корабля, с несколькими людьми из экипажа и нас семеро — всего 18 человек.

Каюта, очень неудобное помещение, по величине не больше кормы, в 3 фута высоты, тоже была набита порядочно, в ней помещалось до 18 женщин и детей, остальные 97 пассажиров находились в трюме: кто влез на багаж, кто прицепился к планширам. Благодаря моей зоркости я усмотрел деревянную кровать, привязанную к стенке судна. Я тотчас обратился к ее владельцу, дал ему за нее 5 франков, лишив, конечно, сладкой надежды спать на кровати. Я немедленно расположился на ней, предпочитая всевозможные неприятности пытке быть стиснутым как сельдь в бочке.

Покой наш, однако, скоро потревожили. Варварийцы были настоящие дикие звери из степей, окружающих Триполи и Тунис, за несколько недель многие из них, вероятно, при виде судна недоумевали, как оно увеличится до таких размеров, чтобы перевезти их в Александрию. Почти все они были молоды, сильны, высоки, широкоплечи, с круглыми головами, мускулистыми, глядели грозно и имели громкие, звучные голоса, грубые манеры и лица выражали презрение к окружающим, доходящие до нахальства. Старики между ними имели вид положительно коварный. Женщины выглядели также воинственно, а их красивые мальчики были всегда не прочь поиграть кинжалом. Женщины походили на ходячие свертки грязных беловатых тряпок, на некоторых только надеты был коричневые или полосатые плащи с капюшонами без тюбанов; они, вероятно, надеялись защититься от солнца своими густыми, вьющимися волосами и значительной толщиной кожи. Ни у кого из них не было башмаков, зато все были вооружены, к счастью, только кинжалами в 25 сантиметров длины. Эти африканцы испытывали всевозможные лишения и страдания по дороге, так как они все надеялись достигнуть цели путешествия единственно милостынями, шли, как сказал бы русский, на «авось» и «как-нибудь». Немудрено, что они пользуются всяким удобным случаем обокрасть кого-нибудь; понятно также, что все самые ужасные убийства сваливаются заслуженным или незаслуженным образом на этих несчастных.

На корабле они, естественно, старались каждый поудобнее расположиться, ну и дело не обошлось без драки. Первая стычка была с несколькими угрюмыми стариками-турками, которые всячески и локтями, и бранью старались отвязаться от них. Варварийцы не заставили долго себя ждать, отвечали тем же, так-то через несколько минут все смешалось в нестройную двигающуюся массу людей, которые тащили друг друга, били наудачу куда попало, царапались, кусались, опрокидывали один другого, поднимались и опять падали, и все это сопровождалось яростными, иступленными криками. Один сириец, бывший с нами на корабле, имел неосторожность в пылу патриотизма броситься в самую середину на помощь своим соотечественникам; с большим трудом вытащили мы его оттуда с обнаженной головой, с жалкими остатками

бороды и глубокой раной от зубов в ногу. Эти разбойники нападали пятеро или даже шестеро против одного; дело приняло более серьезный оборот, обнажили кинжалы, и в несколько минут пятеро было положено на месте.

Пока удовлетворялись этим; очевидно, не было места для большого числа путешественников, поэтому мы решили во избежание новой драки отправить нескольких предупредить об этом хозяина судна.

Али-Мурад заставил нас прождать его добрых три часа, наконец показался в барке, остановившейся в почтительном расстоянии от судна, и объявил, что желающие могут покинуть судно, причем получают свои деньги. Никто не двинулся, и Али-Мурад, посоветовав вести себя хорошенько и положиться на милосердие Бога, отправился в обратный путь. Отъезд его был сигналом новой затеи. В продолжение первой мы были только наготове, но не вмешивались в дело, в этот раз варварийцы настойчиво требовали от нас принять на корму шестерых из них. Услышав это, Саад-бес поднялся и с проклятием бросил нам несколько ясеневых поленьев с кулак толщиной и длиной с 6 футов и закричал: «Если вы не хотите быть перевязанными этими разбойниками, то защищайтесь!» И потом, обращаясь к неприятелю: «Собаки, – сказал он, – мы вот покажем вам, что такое сыны Аравии!». Угроза эта не подействовала на неприятеля; как разъяренные звери, бросились они на корму с криком: «Велик Бог!». Мы стояли на 4 ф. выше их; это много помогло нам; их пальмовые палки и короткие кинжалы не могли противодействовать нашим дубинкам. Неудачи все более и более раздражали их, и они новыми усилиями взять корму приступом увеличивали только число своих убитых.

Опасаясь моей дубиной убить человека, я сначала ударял ею слегка, но вскоре оказалось, что головы и плечи наших противников требовали всех усилий с моей стороны. Вдруг мне пришла в голову славная мысль: на корме находился глиняный кувшин с водою, который вместе с его деревянным ящиком весил верных 50 кило. Самая сильная драка происходила прямо под ним; я незаметно проскользнул к нему и быстро столкнул его плечом в самую густую массу. Все в ужасе вскрикнули: несколько голов и частей тел были раздавлены; варварийцы отхлынули назад, опасаясь чего-нибудь худшего. Спустя несколько минут, которые мы провели в глубоком молчании, к нам подошли несколько депутатов в окровавленных плащах просить о мире: мы согласились с условием, чтобы они первые не смели нарушить его. Поцеловав нам головы, плечи, руки, они отправились перевязывать им раны. Таким образом, победа осталась за нами. В этом сражении кроткий, тихий Омар оказался самым пылким.

Наконец 6 июля 1853 г. в 3 часа утра мы снялись с якоря. Я не мог удержаться, чтобы не взглянуть с сожаленьем на британское знамя, гордо развевавшееся над домом суэцкого консула, впрочем, это было не более минуты: моя страсть к приключениям пересилила, и я радостно покидал Египет. К тому же я жил там бедно, мой персидский костюм навлекал на меня только нападения, тамошние чиновники выказывали мне презрение и, несмотря на мои частые сношения с соотечественниками, я не мог пользоваться их обществом.

Через 12 дней около полудня мы высаживались в Ямбо.

Конечно, я мог избежать большей части неудобств этого путешествия, наняв отдельное судно с каютой, чтобы проводить ночь и иметь убежище от солнца и вместо 12 проехал бы 5 дней. Но, во-первых, я хотел видеть, как живут пилигримы на корабле; во-вторых, наем стоил бы

ас-Садыка. Наибольший интерес вызывает знакомство с личностями виднейших суфиев, начиная с момента существования тасаввуфа: Зу-н-Нуна ал-Мисри, Абу-Йазида Бистами, Суфьяна ас-Саури, Абу-Бакра аш-Шибли, Абу-Хурайры. Симети известны и такие выдающиеся шейхи накшбандийи, как Баха ад-Дин Накшбанд и Абд ал-Халик ал-Гидждувани, и среднеазиатские шейхи ордена кубравийи Пехлеван Махмуд и Неджметдин ал-Кубра.<sup>5</sup>

Из хаджа улемов в XIX в. ключевым источником является «Рихлат ал-Марджани» («Путешествие Марджани»), опубликованное Ризой Фахретдином в 1902 г.<sup>6</sup> Его прекрасный перевод сделан А.Н. Юзеевым.<sup>7</sup> Шихабдин Марджани (1818–1889) – знаменитый теолог, философ, историк, религиозный реформатор и просветитель. По пути следования он следил и изучал паломников из разных стран, слушал их чтение корана, смотрел, как читают намаз последователи той, или иной религиозной школы отмечая, что, например, «(..) в Медине нет общего намаза отдельно для ханбалитов. Ханафитские и маликитские муэдзины говорят: «Господь наш. Хвала тебе». А шафиитские: «Да услышит Аллах того, кто его восхваляет». Маликиты и шафииты провозглашают слова второго призыва на молитву (икамата) только по одному разу. Маликиты во время намаза держат руки опущенными. Шафииты соединяют

руки на груди и поднимают их, когда наклоняются и выпрямляются в молитве. Они во втором ракаате утреннего намаза после поясного поклона громко провозглашают молитву: «О Боже, путеводи меня...», которую они читают вместе с имамом. А иранцы громко произносят: «Аллах велик». И касаются пальцами мочек ушей. После такбира в намазах, которые читают про себя, соединив руки, громко говорят «Бисмилла» перед «Фатихой» и перед (любой) другой сурой. В обоих ракаатах читают суру «Ихлас» (112 сура). Во время поясного поклона три раза говорят: «Да будет славен Аллах». А во время земного поклона говорят: «Да будет славен Всевышний господь и хвала Аллаху — да благословит Аллах Мухаммеда и его род». А когда встают, немного поднимают руки. Они читают Коран также слабо, как сарты (узбеки). После каждого аята делают паузу. Мне так и не удалось увидеть и услышать, как они провозглашают азан и читают дополнительную молитву и молитву витр. (В шиитских книгах, которые мы видели, говорится, что азан и икама не обязательные, но поощряемые действия. В них есть некоторые отличия от наших. Поэтому для уточнения отличий следует обратиться к их книга.)».

<sup>16</sup> Сантим — разменная монета и счетно-денежная единица Франции, Бельгии, Швейцарии и некоторых других государств, равная сотой доле франка.

мне 1000–1200 франков, а это повело бы меня к большим издержкам и в остальное время моего путешествия, потому что в этих краях благоразумный человек обыкновенно начинает свое путешествие так, как хочет его продолжать.

## Глава III Из Ямбо в Медину

**Гавань и город. — Население Ямбо. — Носилки и верблюды. — Саад-разбойник. — Воры нападают на нас в ущелье. — Медина. — Превращение шейха Хамида. — Его прием. — Арабы-гости и дети. — Дом Хамида и жизнь, какую здесь ведут.**

Жар солнца, сильная роса и частое омовение морской водой имели очень неприятное действие на мои ноги; уезжая из Ямбо, я едва мог стоять, но я все-таки не ударил в грязь лицом, не изменил своему названию путешественника, и между тем как шейх Хамид с остальными спутниками отправлялся в таможню, я, презирая боль, вменил себе в обязанность идти осмотреть город, опираясь на плечо моего благоприобретенного раба.

Ямбо с моря (Брюс принял этот город за Ямбо Птолемея) имеет большое значение и вполне может назваться, подобно другим гаваням, «гаванью священного города». Многие путешественники оставались здесь в нанимаемых для того магазинах свои товары, или слишком тяжелые для переноски, или слишком дорогие для риска в дороге. Ямбо есть такая же гавань для Медины, как Джедда (Джидда) для Мекки: это довольно значительный пункт привоза и отвоза товаров по западному берегу Черного моря. Здесь-то, как говорят, предел власти паши египетского и начало власти султана; между тем здесь не увидишь ни одного солдата-пехотинца из низама, а начальник города — шериф (т. е. арабский князь). Я встретился с этой личностью на большом базаре; он красивый молодой человек, бледнолицый с благородным профилем; на нем кашемировая чалма, великолепное платье, сабля и кинжал; за ним следуют два негра свирепого вида, вооруженные огромными палками.

Город сам по себе не имеет ничего замечательного. Если смотреть на него с рейда, то он представляет собой длинный ряд строений безукоризненной белизны, еще разительнее от темной синевы неба и моря. Внутри улицы довольно широки, и дома находятся на значительном расстоянии один от другого везде, исключая гавани и базаров. Здания грубо построены из известковых и морских камней, изрытые стены крошатся как пирог, окна огромной величины, одним словом, сравнительно с магометанскими кварталами Каира дома эти кажутся очень незавидными. Рынок такой же, как и везде на Востоке: это просто длинный и узкий переулок с навесом из пальмовых листьев и с лавчонками в стенах домов по обе стороны улицы. Ресторанов много, но они всегда в беспорядке и в них необходимо иметь веер, чтобы отогнать великое количество мух. Таможня находится против пристани; она содержится турецкими чиновниками, которые целыми днями лежат на диване у окон и никогда не затрудняются лично узнавать количество и состав товаров, а наугад назначают на каждую кипу обычную таксу в 3 пиастра, т. е. 90 сантимов<sup>16</sup>.

Есть, впрочем, пункт, в котором Ямбо может помериться с другими

городами Хиджаза, именно в том, что там есть вода, которую можно пить. Ее привозят на верблюдах с соседних ключей, где дождевая вода собирается и сохраняется в цистернах или водоемах; эту воду получают, естественно, те, которые могут платить за нее. Между тем здесь, как и в Суэце, некоторые старики по привычке предпочитают солоноватую воду городских колодцев; о них говорят в насмешку, что если бы они переехали в Каир, то, верно, посолили бы воду Нила для вкуса.

В Ямбо особенно поражает странный дух его народонаселения, самого лицемерно набожного и самого задорливого во всем Хиджазе. Начальник в Ямбо, следуя моде, которая владычествует в пустыне, равно как и при дворе, должен отличаться от других многосложностью костюма и оружия. Каждый образованный путешественник, приехавший из Медины, носит за своим широким поясом заряженный пистолет, украшенный обыкновенно малиновым шелковым шнурком, причем прячет приклад до половины под куртку. Солдаты на улице представляют нечто вроде ходячего арсенала. Наводящий ужас бедуин тоже в дополнение своего величия вооружен с головы до пяток. Мирная часть мужского населения никогда не выходит из дому без дубины на плече; размеры этой дубины соответствуют ее назначению, и действительно, управляя ею с удивительной ловкостью, арабы легко наносят смертельные удары. Женщины одеваются так же, как и египтянки, прибавляя только к этому костюму густую вуаль, большую частью белую, с отверстиями для глаз. Население имеет здоровый вид и не подвержено воспалению глаз, болезни, встречающейся почти везде в низовьях Нила.

Вечером, в день нашего приезда, мы послали за владельцем верблюдов и с помощью одного почтенного человека, который возвращался на свою родину в Медину и служил нам в дороге переводчиком, мы начали разговаривать с ним и бедуинами, которых он с собою привел, об условиях за наш проезд. Как они, так и мы горячо стояли за самую маленькую монету; спор поэтому продолжался очень долго; наконец мы условились: мы должны были заплатить 3 доллара, т. е. 15 фр. с лишком, за каждого верблюда, одну половину в Ямбо, а другую в Медине; отъезд назначали на следующий день вечером, вместе с караваном, который вез зерна под конвоем иррегулярной кавалерии, условие, необходимое при переезде через деревни племени хашими<sup>17</sup>. Эта новость сильно встревожила шейха Нура и Магомеда, так что я не мог удержаться, чтобы не пристыдить их. «Как, – говорю я, – вы, которые были храбрыми как львы в Каире, сделались в Ямбо мокрыми курицами». Я нанял двух верблюдов: одного – для моего багажа и для шейха Нура, а другого – для Магомеда и для себя с условием, чтобы у меня были лучшие верблюды и что если один из них околеет в дороге, то его должен заменить другой одинаковой цены.

В назначенный день в 6 часов вечера наши верблюды были навьючены и в ожидании отъезда нетерпеливо били ногами землю. Моя двойная ивовая подстилка, сложенная в виде кибитки, положена была на спину большого сильного животного; концы были опущены по бокам; кибитка эта качалась, следуя каждому его движению, и казалось, того и гляди, что она съедет вперед или назад. Для того чтобы вкарабкаться на это импровизированное седло, как мне объявил хозяин верблюда, я должен был влезть на шею верблюда, но так как этого решительно не позволяла большая нога, то я сказал, чтобы заставили верблюда наклониться, что очень неудобно; во-первых, потому что кибитка может скоро сломаться, а во-вторых, животное сильно устает подниматься

Выводы, приводимые Ш. Марджани в своих путевых записках, указывает на то, какими великими знаниями обладал он, как находил ошибки у других и исправлял их. Даже, читая как-то Коран, заметив, что там пропущено слово или буква, написано другое слово вместо другого он отмечал: « (...) Мы вошли в мечеть прочитать пятничную молитву. Совершив приветственную молитву, я прочитал одну часть Корана. Коран, который я читал, был написан красивым почерком. Аяты заканчивались в конце страницы. Ввиду того, что некоторые части букв не сохранились, графика была несовершенной и сложно было правильно определить места соблюдения пауз. В суре «Худ» в словах «Не делайте ей вреда» (11:67) была пропущена частица «ля», а в словах «Не опирайтесь на тех, которые живут незаконно» (11:115) вместо «аллязина» было написано досточтимое слово «Аллах». Я исправил эти две ошибки (...).»<sup>8</sup>

Уникальным стало издание путевых записок нижегородца Хамидуллы Альмушева.<sup>9</sup> Эта книга по своему оформлению и целостности не имеет равных в России. Кроме того, известен рассказ о хадже, написанный драгоманом

<sup>17</sup> Хашимиты – потомки Хашима ибн Абд ад-Дара, деда пророка Мухаммада, включая его самого.

консульства Российской Империи в Джидде в 1895 г. Ш. Ишаевым, который совершил паломничество в священные города ислама в Мекку и Медину.

Он прекрасно описал весь свой путь, все происшествия, описал места, опасности и болезни, ожидавшие «гостей Аллаха», недостатки по организации и обеспечению путников всеми нужными вещами и неудобства перевалочных пунктов. Яркими красками в своем «Рассказе паломника» Ш. Ишаев показал всю беспорядочность местных арабов, и неспособность властей Османской империи навести порядок в организации хаджа. Как выражается автор заметок, что « (...) все построено на вымогании денег с паломника за любые услуги». В его работе мы встречаем упоминание о первом российском консуле в Джидде Шагимардане Ибрагимове, как отмечал драгоман о нем — «(...) умерший от холеры в первый же год своего назначения в 1892 году. На его могиле поставлен камень с надписью на русском и арабском языках его преемником консулом господином Левицким (...). Покойный Ибрагимов, будучи консулом, как рассказывают, относился к своим обязанностям ревностно и вел дело энергично, а потому его до сих пор со злобою вспоминают разные далили, вакилы, те наши туркестанцы, которые в Джидде берут от легковых паломников деньги на сохранение на время поездки в Мекку, и вообще все проходимцы, живущие исключительно

так тяжело навьюченным. После некоторого замедления гавани с закатом солнца мы разместились и отправились. Шейх Хамид рассказывал о чудесной крепости стен и башен в Ямбо; в 1802 году они отразили не одну атаку ваххабитов; может быть, но я утверждаю, что в 1853 году они не устояли бы против батареи нашей полевой артиллерии. Взошла полная и великолепная луна, ее свет казался ослепительным после темных улиц города; только что мы вступили в пустыню, как почувствовали уже приятный контраст между восхитительным чистым воздухом пустыни и душистой атмосферой города. По арабскому обычаю мои попутчики запели. Это было вечером 18 июля.

Мы имели уже несколько стычек с разбойниками, как на четвертый день нашего путешествия мы услышали, что к ним присоединились их главные начальники, Саад и брат его.

Саад – начальник племени сумеидов и мехамидов, двух самых сильных колен племени Бени-Гарб (бану харб). Он добивался быть начальником всего племени, и тогда он был бы действительно владыкой всей святой земли; поэтому шериф Мекки и турецкий правитель Ахмед-паша сочли необходимым противопоставить ему соперника в лице шейха Фада, тоже мошенника в своем роде; этот называет себя начальником Бени-Амров и третьей части племени хемидов. Тогда союзники Саада, в числе 5 тыс., оскорбленные в лице своего начальника, начали свои нападения на союзников Фада, которых было только 800, но они, поддерживаемые правительством, легко отражали противников. Эти две беспорядочные партии (как и все претендующие на свободу на Востоке), как водится, всегда загораживают дорогу, грабят путешественников и расстреливают конвой. Таковы следы их соперничества.

Саад – бедуин маленького роста, черноватого цвета кожи, вообще жалкой наружности; слава о его храбрости и присутствии духа слишком хорошо всем известна. Много раз он подвергался опасности быть убитым, он едва не умер от яда, если бы случайно после него не выпил полный горшок топленого масла; это спасло его, но зато он потерял все зубы. С тех пор он питался только фруктами, которые сам собирал, и кофе своего приготовления. Однажды султан прислал ему туго набитый кошелек с тем, чтобы он сам открыл его; это возбудило его недоверие, и из предосторожности он велел открыть кошелек своему рабу, который был тотчас же убит выстрелом пистолета, изменчески скрытого в кошельке. С тех пор, говорят, он раздает все подарки, присылаемые ему из Константинополя: почетные платья – своим рабам, а семена – своему клану. Одни рассказывают о нем как о друге и благодетеле бедных, другие говорят, что это тигр, жаждущий крови, который более других своих соотечественников и сребролюбив, и немолчим в своей мести.

По мере того как мы приближались к холмам, которые служили ему притоном, мы переставали говорить о Сааде; верно, одна тень этих холмов бросала моих спутников в холодный пот. Вскоре нам прислали сказать, что мы можем не опасаясь пройти через ущелья, так как мы были выходцы из городов св. Земли, но с условием, чтобы конвой наш воротился. Нечего было делать: наш конвой, около 200 человек, поворотил коней и поскакал галопом к своим казармам.

Около полудня, когда мы отдыхали у колодцев Аббаса, нас настигли два маленьких каравана; один, который шел за нами следом и привел солдата, убитого бедуинами, другой – прибывший с противоположной стороны, состоял из богомольцев-индусов, которые не могли со 100 голов собрать и 25 фр. Таким образом, Саад был настолько

великодушен, что дал им проехать. Поступил бы он так же с нами, которых не стоило труда ограбить?

Ночью слышна была перестрелка вдали, и на другой день мы не смели тронуться. Наконец около 11 часов следующей ночи раздался сигнал к подходу, и скоро мы отправились в путь вместе с тремя или четырьмя другими караванами, чтобы соединенными силами пройти через владения этих наводящих ужас хемидов. Каждый старался доказать свою храбрость, предлагая пройти в главе каравана; но если никто не хлопотал остаться сзади, то это понятно; там, без сомнения, опасность грозила больше всего, потому что приходилось служить прикрытием арьергарда.

Итак, среди ужасной темноты мы шли по дну высохшего потока: заря застала нас в ущелье Проход пилигримов, о котором шла дурная слава. Но никто не смел не только говорить, но и думать об этом. Скоро на верхушках высоких скал налево от нас показались густые облака дыма; вслед за этим в скалах направо от нас раздалось эхо от выстрелов горцев. Толпа бедуинов, как стая трутней, высыпала со всех сторон и покрыла уступы; молодые мальчики были так же тяжело вооружены, как и взрослые; карабкаясь как кошки, они заняли позицию высоко над ущельем в совершенной безопасности для себя и открыли по нам огонь; их прикрывал род вала из огромных камней и служил опорой стволам их ружей. Ничто не могло бы вызвать этих бедуинов сойти сражаться с нами, как с людьми; то, что принято на востоке Аравии, совсем не в употреблении в Хиджазе. Нам нельзя было стрелять по неприятелю, спрятавшемуся за камнями. К тому же убей мы хоть одного из разбойников, то все другие числом от 3–4 тыс. человек легко могли бы перестрелять всех нас до последнего. При таких обстоятельствах бедуины удовлетворились тем, что метились в албанцев, из которых составилась наш новый конвой. Они требовали посредничества шейхов, которые нагнали нас у Аббасских колодцев; но эти почтенные старцы, посоветовавшись между собой, важно отказали нам, не переставая курить свои трубки. Нам оставалось только как можно больше стрелять, чтобы дымом скрыться от неприятелей. Наконец мы прошли, оставив за собой, кроме нескольких верблюдов и другого навьюченного скота, 12 человек убитых. Мои спутники, казалось, смотрели на это как на блестящий подвиг.

На другой день мы достигли крутого холма, с вершины которого увидели на горизонте Медину. Как по команде мы разом остановили наших верблюдов. И, забыв усталость и голод, сошли на землю, чтобы насладиться видом св. города. «О Боже! Вот Храм Твоего пророка; да избавит Он нас от вечных мучений, от огня ада! Отверзи двери Твоего милосердия, чтоб мы могли пройти ими в землю радости!». Тут только я понял настоящий смысл мусульманского молитвенника: «Когда очи пилигрима увидят деревья Медины, он возвысит голос и из глубины сердца будет благословлять пророка». Действительно, в прекрасном пейзаже, который открывался перед нами, кажется, ни в чем не было недостатка после той печальной страны, где мы путешествовали. Я, так же как и мои спутники, был очарован видом рощ и фруктовых садов, окружающих городок; но когда через несколько минут мы опять сели в свои кибитки, то чувство путешественника взяло верх: я начал срисовывать вид города и записывать показания моих товарищей, слушая их разговоры и ответы на мои вопросы.

В продолжение восьми дней мы проехали 230 верст и 25 июля вошли в Медину.

обиранием паломников, всячески их (паломников) эксплуатируют. Он, как русский консул, старался защищать своих соотечественников от этой саранчи, которая нападает на них в Хиджазе, и вообще помогал им по мере возможностей. Нужно заметить, что, хотя мусульманская политика в Хиджазе и кажется с вида очень простой и невинной, но на самом деле она весьма мудреная и лукавая. Наше же консульство в Джидде — учреждение еще очень молодое и очень слабо гарантированное, что видно, например, из нападения арабов на консулов христианских держав в Джидде в 1895 году. Европейскому консулу здесь нужно быть чрезвычайно осторожным (...).<sup>10</sup>

Первый консул статский советник Ш.М. Ибрагимов обязывался не только следить за порядком, вести учет русско-подданных, сообщать об известных «фанатиках»<sup>11</sup>, уходящих обратно в Россию, чтобы установить за ними надзор, совершить хадж самому с целью добывания информации, но и выяснить политическое значение святых городов ислама, изучить состояние торговли, по возможности завязать торговые связи российскому купечеству с туземцами, наладить связи с шейхами племен, предпринять поездки во внутреннюю Аравию с целью узнать политическое положение племен, выяснить значение портового города Ямбо и необходимость назначения туда

агента и др.<sup>12</sup> Сама личность первого консула, татарин по национальности, мусульманин по вероисповеданию, играла важную роль. До открытия консульства в донесениях отмечалось, что назначение мусульманина подданного российского государства на роль агента не считается возможным. Однако в этом случае мы видим, что только такой человек, одной веры, близкий к культуре ислама арабского региона, сможет наладить связь, установить дружеские отношения и войти в доверие. Это была далеко идущая политика России, направленная на то, что подданные-мусульмане всегда были на службе государству. (Сюда мы можем отнести и драгомана консульства в Джидде в 1895 г. татарина Ш. Ишаева, написавший прекрасный отчет о своем хадже, штабс-капитана А. Давлетшина, специально командированного на хадж для выяснения ситуации, первого посла Советской России в Саудовской Аравии К. Хакимова и многих других). Назначение на работу мусульман в российские консульства в мусульманских странах практиковалось раньше

<sup>18</sup> Неджд (дословно «возвышенность», араб.) – территория в центре Аравийского полуострова.

<sup>19</sup> Гора Ухуд – северо-западная часть Аравийского полуострова близ Медины.

<sup>20</sup> Кисейный – кисейка, тонкая, редкая ткань, раньше из индийской крапивы, ныне из хлопка; бумажная рединка.

На восточной стороне всходило солнце над низкими холмами, усыянными густыми деревьями; утренним туманом придавал им гигантские размеры; земля как бы покрывалась пурпуром и золотом. Перед нами расстилалась широкая долина, прямо виднелись волнистые уступы Неджда<sup>18</sup>; влево – темная изгородь образуемая скалами. Знаменитые скалы! Их называют горы Оход (Ухуд)<sup>19</sup>.

Подошва их окружена зеленью, украшенной двумя белыми соболами. Направо от нас расстился густой лиловатый туман, там и сям уже рассеянный лучами восходящего солнца; он носился также над рощами и финиковыми садами, изумрудная зелень которых резко отделялась среди угрюмой и пасмурной поверхности долины. Ниже на расстоянии 3–4 верст расстилалась Медина. На первый взгляд она кажется обширнее, чем есть на самом деле. На первом плане виднелись огромные утесы и базальтовые скалы; крутые тропинки спускались с них в долину; они были расположены как будто нарочно для того, чтобы ярче выказывать прелестный ландшафт.

По мере нашего приближения к городу на дороге показывалось все более народу, привлекаемого нашим приездом. Наконец мы добрались до дома шейха Хамида. Он опередил нас, чтобы избавить нас от первых порывов радостного свидания с матерью и племянницей, а также и для того, чтобы приготовить нам помещение.

В ожидании нас Хамид нарядился, надел кисейную<sup>20</sup> чалму, обвину вокруг новой шапки, сбрил брови и бороду в виде восклицательного знака. Вместо своего рубища он надел прекрасную коленкоровую рубашку, с шелковыми полосами и вышитый кафтан из дорогой материи; широкий шелковый пояс прикрывал 2/3 его бюста, шаровары были из той же материи, как и рубашка, а ноги, обыкновенно босые и совсем бронзовые от солнца, были теперь хорошо вымыты и обуты в кожаные оранжевые туфли, следуя константинопольской моде. В одной руке он держал жемчужные четки, а в другой – трубку с янтарным мундштуком и богато вышитый золотом кисет. Наши другие спутники подверглись также подобному преобразованию. Эти люди одевались нищими, когда не хотели, чтоб их заметили, а когда об их благосостоянии будут судить по одежде, то они очень тщательно одевались, чтоб все знали, что их путешествие не напрасно.

Манеры шейха переменялись вместе с одеждой. Из вспыльчивого и простого, каким я его знал, он сделался вежливым и положительным. Он взял меня за руку и ввел первый в чистый зал, меблированное для приема; за нами следовал молодой Мухаммед, совсем убитый горем и стыдом, что он был еще в своих лохмотьях, в которых каждый принял бы его за уличного мальчишку. Чтобы скрыть свое смущение, он забрался в угол, куда присоседился бы к нему и мой шейх Нур, одетый так грязно, как только может быть грязен индеец во время путешествия, если б я ему тотчас же не дал приказаний. Обычай требовал, чтобы родственники и друзья приходили навещать путешественника в самый день его возвращения, если только они хотят продолжать прежние отношения. Трубка была набита, диваны выставлены и кофе поставлен на затопленную в коридоре печку. Не успел я сесть на лучшее место, т. е. у окна, как начали появляться гости; шейх вставал, чтобы приветствовать входящих. Смотря по их относительной важности, одни входили и выходили тихо, незаметно, другие же с шумом, чтобы таким образом привлечь на себя общее внимание. День прошел так: много рассуждали о священной войне, говорили, что султан приказывал царю обратиться в магометанство; что этот просит мира, предла-



гая объявить себя вассалом и платить дань; но мудрая Порта отвечала: «Нет, я клянусь Богом! Сделайтесь мусульманином!» Царь не мог на это решиться без колебаний, но Аллах поражает неверных, и скоро Абдул-Меджид<sup>21</sup> делается правителем Москвы; после он обратит, конечно, свою победоносную армию и на других неверных, начиная с англичан, затем на французов и греков. Я постарался подделаться под их суждение, но я узнал несколько новостей, неблагоприятных для моего путешествия. Бедуины, желая также участвовать в разделе Европы, решили послать для этого нескольких нарочных от арабов к султану, и так как все имевшие более 10 лет, хотели идти, то начались ссоры, следствием которых было то, что этот миролюбивый народ начал резню.

После ухода гостей последовал прием арабских детей, в одно мгновение они прибежали и заняли пустые места, причем наступали нам на ноги, кричали как сумасшедшие, разбивали все, что только могли достать, и говорили таким языком, который употребляется только в казармах. Один постреленок (ему было не более 3 лет), которому я помешал наступить на мою больную ногу, погрозил мне перерезать горло саблей своего отца. Другой взял у меня незаметно один из заряженных пистолетов и начал прицеливаться в голову одного из своих соседей. Один величественного вида мальчик, лет 6, носивший на поясе чернильницу в знак научного воспитания, взял мою трубку и начал пускать огромные облака дыма, и так как я осмелился сравнить достоинство чубука с достоинством его особы, он швырнул трубку и грозно посмотрел на меня с раздувшимся от злости лицом.

Но все недостатки выкупались мужественной храбростью; они боксировали друг друга как истые англосаксы, а на улице они всегда готовы были драться камнями и палками.

Кончилось тем, что я, противно арабской вежливости, осмелился прямо сказать моему хозяину о душевных мучениях молодого Мухаммеда и прибавил, что и мне хотелось есть и спать, словом, что мне нужно было немножко отдохнуть, прежде чем отправиться в сбор. Добрый шейх, который было совсем уже собрался идти молиться на могиле отца, принес мне сейчас же завтрак и трубку, постлал мне кровать, погасил в комнате свечи, прогнал из нее детей и оставил меня одного, чего я больше всего желал. Я слышал после, как он поднимался наверх, чтобы позвать мать, жену и других родственников в комнату, где он тщательно спрятал свои сокровища; судя по радостным восклицаниям женщин, я мог догадаться, отчего он так или иначе, но всегда умел отговориться показать их своим гостям.

Нижний этаж дома шейха Хамида состоял из передней, загроможденной старыми носилками и другими негодными принадлежностями путешествия. На задней половине первого этажа находилась комната без окон, в которой помещались разные туалетные принадлежности, затем коридор, из которого вели две двери в комнаты, находящиеся в первой половине дома, из которых одна служила магазином, а другая – гостиной, куда меня сначала поместили. На втором этаже жили женщины, но я их не посещал. В гостиной и на север, и на восток были сделаны низенькие окна с амбразами, покрытыми подушками; утром и вечером там обыкновенно наслаждаются прохладой. Мебель состояла из дивана от одного угла до другого и ковра посередине. Третий угол был занят большим деревянным ящиком очень грубой работы, а в четвертом находился медный таз, наполненный горячими углями и вообще всякой утварью, необходимой для того, чтобы сварить кофе. По стенам настолько высоко, что дети не могли достать,

и сегодня, что облегчало диалог православной России и мусульманского мира.

В путевых записках нашего соотечественника Хамидуллы Альмушева, совершившего свое паломничество чуть позже Ш. Ишаева в 1899 г., так же рассказывается о бездействии турецких военных в защиту караванов и самих паломников от набегов бедуинов, грабежей и убийств. Его рассказ богат фактическим материалом: в нем упоминаются десятки имен собственных, географических названий, исторических событий, терминов, тесно связанных с реалиями жизни мусульман Ближнего Востока конца XIX века.

Временной разрыв между паломничеством Ш. Ишаева и Х. Альмушева составляет четыре года и особой разницы в ситуации с организацией хаджа в их путевых записках нет. Но они отличаются тем, что Ишаев, видимо, будучи работником русского консульства, не скрывая, описывает все вокруг, со всеми недостатками, в то время как Альмушев говорит, что не хочет писать о дурных вещах и отрицательных сторонах местности и жителей. Однако он с осуждением пишет о татарах, своих сородичах,

<sup>21</sup> Абдул-Меджид, 1823–1861, 31-й турецкий султан, сын и наследник (с 1839) Махмуда II, продолжал реформы отца.

в Медине, переселившихся на постоянное жительство: «(...) И хотя в Медине есть мухаджиры из наших татар, их нравы здесь не изменились. Ненависть и вражда их друг к другу день ото дня возрастают, они не постоянны в своих делах. Дела их не соответствуют ни священному шариату, ни элементарному порядку и закону. Хорошо бы их низкие нравы, происходящие от татарства, не перешли на жителей Медины! И все же эти нравы стали известны властям (...)».<sup>13</sup>

О своем хадже так же писали такие улемы как Мурад Рамзи (Мекки), Муса Биги, Абдуррашид Ибрагим. В том же столетии очерки создали Абдулманих Каргальи, Гали Чокрый (ал-Чукури).<sup>14</sup>

Как и в православной традиции хождения, так и в мусульманской хадж-наме содержат исчерпывающую информацию о хадже своего времени и являются ценным источником в исследовании паломнической традиции.

Вторая половина XVIII в. — это время образования российской мусульманской общины, консолидации мусульман. Все требования, направленные властвующей элите Российской империи, являлись единым для всех мусульман внутренней России.<sup>15</sup> Поэтому, в императорских указах периода правления Екатерины Великой содержатся документы, непосредственно, относящиеся к мусульманской общине того периода и отправлению религиозного долга, в том числе

висела пара пистолетов и полдюжины трубок с мундштуками из вишневого дерева.

Из восточного окна видны стены города, египетские ворота, высокие минареты собора и отдаленные очертания горы Охода (Ухуд); из северного — одна из пяти мечетей, которыми славятся предместья, а внизу — самая оживленная картина, с тех пор как прибыл караван из Дамаска. В этой гостинной большую часть дня прохладно, но после полудня невыносимо жарко.

Таково устройство почти всех жилищ среднего класса в Медине.

Я никогда не видал у Хамида женщины, исключая двух молодых африканок, бывших у него в услужении, да и они не сразу решились открыть при мне свое лицо, и то всегда с замешательством. Что же касается молодой хозяйки дома, то я ее не только никогда не видел, но даже не слышал ее голоса. Иногда только мать Хамида, стоя на лестнице, громко разговаривала со своим сыном, и если не было гостей, тогда и со мною. Мне случалось видеть во время моего последнего отдыха, как гости поднимались на второй этаж, одна из них даже остановилась протянуть Хамиду свою завернутую руку и поговорила с ним, но все они были так укутаны, что никогда я не мог увидеть ни одной черты их лица.

Вставали обыкновенно очень рано и, прежде чем выкурить трубку, съедали горбушку хлеба и выпивали чашку чая. Потом одевались и отправлялись из дому. Возвратясь домой до жары, мы садились курить и разговаривать и часов до 11 в ожидании завтрака, который состоял из прекрасного хлеба и разных кореньев, вареной говядины с зеленью, которую мы ели руками, потом подавали рис — его брали ложками — и, наконец, свежие финики, сливы, и гранаты. После завтрака под каким-нибудь предлогом я уходил в коридор и проводил самое жаркое время дня в дремоте или с трубкой или писал потихоньку — и так проводил время до захождения солнца. Тогда мы выходили делать несколько визитов, как, например Омару эфенди или Сааду-бесу. После вечерней молитвы подавали еще более сытный обед, после которого мы обыкновенно располагались на матрацах, разложенных на земле, на открытом воздухе перед дверьми шейха, тут мы принимали гостей и проводили время в веселой болтовне до тех пор, пока сон нас не одолевал. Каждый тут же засыпал невозмутимым сном, насколько это позволяла возня собак и лошадей.

## Глава IV Гробница Магомеда

**Посещение мечети Пророка необязательно. — Портики мечети. — Саад. Святылище; его гробницы и его зеленый купол. — Милосердие. — Сад Фатимы. — Колодец Пророка, или Зам-Зам. — Пустая гробница Магомеда.**

Мы совершили великое очищение, оделись в белое, любимый цвет Пророка, и отправились на поклонение святыне города. Так как у меня болела нога, то шейх Хамид послал за ослом, привели такого, что жалко было глядеть: с ободранной спиной, без одного уха и к тому же хромой, но делать было нечего, и я сел на него. Некоторые бедуины приняли меня даже за турка, и я волей неволей должен был притво-

ряться, будто не знаю по-арабски, так как ясно слышал, как вслед мне восклицали: «Что за проклятие на нас свыше постоянно прислуживать этим господам на ослах».

Мечеть Пророка, куда мы отправились, есть одно из двух святыщ правоверных и второе из трех самых замечательных в свете мест по воздаваемому им почтению и поклонению, другие две: мечеть со святыщем в Мекке, которой происхождение, по преданию, относится к временам Авраама, и мечеть аль-Акса в Иерусалиме, напоминающая храм Соломона. В продолжение всего пребывания в Медине странник обязан по уставу по пять раз в день приходить молиться в святыще, днем читать там Коран, а если можно, и ночь проводит в бдении и молитве.

Посещать мечеть Магомеда не обязательно для мусульманина; на это смотрят только как на похвальный подвиг, тогда как путешествие к гробу Магомеда предписывается непременно раз в жизни каждому правоверному.

Но род человеческий, особенно на Востоке, всегда любил крайности. Если, с одной стороны, правоверное учение Малика<sup>22</sup> и ставит Медину выше Мекки по причине хранящейся в ней святыни, гробницы Магомеда и чудес, изливаемых ею, то, с другой стороны, ваххабиты, отвергая заступничество Пророка в день Страшного суда, считают гробницу простого смертного недостойной такого возмутительного идолопоклоннического обожания, а потому решили ограбить эту святыню и положительно запретили правоверным приходить издалека в Медину, оттого составилось такое общее мнение, что в Мекке храм имеет преимущество над храмом в Медине, которая, однако, тоже не перестает считаться самым почитаемым местом не только в сравнении с Меккой, но и со всей страной<sup>23</sup>.

Мы прошли несколько улиц, непроходимо грязных благодаря обильным орошениям накануне, и опустились перед одним из входов в мечеть. Вокруг нее, как и в Мекке, находится несколько жалких построек, которые или прямо примыкают к священной ограде, или отделены от нее только узким переулком. Мы поднялись по пяти ступенькам к воротам Прощения, я просто поражен был жалким и несколько театральным видом места, так почитаемого исламизмом. Осматриваясь, я все более и более находил сходство этого храма с каким-нибудь музеем, и то второстепенным, или, лучше, с магазином всякой всячины, наполненным украшениями, которые ему вовсе не к лицу и которые как будто ярче выказывают скудное великолепие общего.

Мечеть составляет параллелограмм в 120 метров длины и 102 метра ширины, длинные стороны приходятся по направлению с севера на юг. Как большая часть мечетей, она без крыши, в середине тоже дворик, осыпанный песком и окруженный портиками, которые многочисленностью своих колон напоминают итальянские монастыри. Между колоннами наверху образуются по прямой линии маленькие купола в роде полу-апельсина, как в Италии. Колоннада разделяется на четыре части узкими проходами, которые прорыты на четыре или на три ступени ниже поверхности пола. Во всю длину северной стены проходят колонны Абдуль-Меджида, постройка которых началось еще шесть лет назад и не окончена до сих пор. По западной стене колонны ворота Прощения, прямо против – ворота Женщин. Наконец по южной стене портик втрое ниже первых. Это место называется Садам, потому-то здесь именно та земля, на которой расположен был сад Пророка, это и есть святыще, где хранится все, что снаружи, вид арок, поддержи-

и хаджа. Эти материалы дополняют источниковую базу.

Следующей группой источников в исследовании паломнической традиции мусульман России являются отчеты служащих госаппарата о хадже, географической и эпидемиологической обстановке в Хиджазе. В конце позапрошлого века была предпринята попытка получить комплексный анализ ситуации с хаджем. В итоге был написан секретный «Отчет»<sup>16</sup> русского штабс-капитана Абдульазиза Давлетшина, созданный на основе наблюдений хаджа 1898–1899 гг. Помимо этого, дополнительную информацию мы находим, так же, в отчете врача Д. Заболотного об эпидемиологической ситуации в пунктах сбора мусульманских паломников на территории Аравии.<sup>17</sup>

Последнее десятилетие XIX и начало XX века внимание правящей православной императорской семьи, кроме огромного количества других проблем, решать которые требовалось незамедлительно, было также приковано и проблемам совершения хаджа из России в Аравию. Свидетельством этому, помимо командировки Абдульазиза Давлетшина

<sup>22</sup> Малик – Малик ибн Аббас, основатель маликийского мазхаба.

<sup>23</sup> Мнение автора почерпнуто со слов местных жителей. Тема носит дискуссионный характер.

в Хиджаз, являются и открытие в 1891 году консульства в Джидде, и отчет о хадже уже упомянутого консульского сотрудника Шакирзяна Ишаева в 1895 году. К этому списку следовало бы добавить, возможно, мало кому известный отчет Моздокского городского врача Магомета Ильясовича Тулатова о его «поездке в Мекку и Джидду» в 1899 году.<sup>18</sup> В тот же год выходит «Сборник материалов по мусульманству»<sup>20</sup> под редакцией поручика В.И. Ярового-Равского. Он был составлен по распоряжению и указанию Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духавского и включал материал по хаджу, составленный на основании двух отчетов консула в Джидде Левитцкого за 1893 и 1894 гг.

<sup>24</sup> Они суть: по южной стене святилища, где умер Магомет, окно Пророка, окно Абу Бекра, окно Омара, решетчатая дверь, которая ведет туда: по восточной стене святилища: врата правоверной Фатимы и западный угол стены; затем по восточной стене мечети: врата Прощения, место, где нисходил Архангел Гавриил, угол около минарета Рюизия; другая станция на возвратном пути против окна Пророка и ниши Османа в южной стене мечети, и в Саду, колонна Беглецов, где наконец кончаются все станции (Р. Бёртон).

<sup>25</sup> Аббас-паша (1813–1854) – внук Мухаммеда Али.

<sup>26</sup> Аиша – одна из жён пророка Мухаммеда, дочь халифа Абу-Бакра.

ваемых колоннами, из которых одни из порфира, другие – гипсовые. Южная колонна, где находится святилище, устлана мозаикой и чудесными мраморными плитами, покрытыми в некоторых местах грубыми циновками, на которых разостланы грязные ковры, довольно-таки потертые ногами правоверных.

В эту мечеть, как и в другие, вступают с правой ноги. Осмотр начинается с ворот Спасения, которые находятся в юго-западном углу здания, потом идут по Саду, по южной стене, поворачивают к восточной (стене) до ворот Гавриила и оттуда возвращаются в святилище Пророка; осмотр оканчивается в Саду у колонны Беглецов. При этом все должны идти в самом смиренном сосредоточенном настроении, твердя молитвы и особенно на двенадцати священных местах<sup>24</sup>.

Место, называемое Садам, хотя и убрано лучше других в мечети, но все-таки не может похвалиться великолепием. Оно имеет около 24 метров в длину и театрально украшено, чтобы более походить на сад. На коврах цветы, места между колонн в стене покрыты черепицею ярко-блестящего зеленого цвета и украшены на высоте роста человеческого арабесками с самой удивительной и оригинальной растительностью, что вовсе не подходит ко всем этим украшениям, как и чудесные канделябры из граненого хрусталя, проданные, если не ошибаюсь, одним лондонским домом покойному Аббасу-паше<sup>25</sup> египетскому, который пожертвовал их в храм. Особенен эффект игры света, который отражается в них через разноцветные оконные стекла, тоже подаренного египетским султаном. Этот Сад оканчивается к востоку решеткой Святилища; решетка эта превосходной плетеной работы из позолоченной меди; она особенно хороша вблизи, издали же напоминает клетку какой-либо гигантской птицы. Совсем другой вид представляет этот храм ночью, когда ослепленный свет от висячих ламп и громадных восковых свечей падает на толпы прихожан, которые в своих нарядных платьях чинно строятся за местами богачей и знаменитостей города. Впрочем, и во время этой службы только истинный мусульманин может допустить, что этот Сад действительно похож на сад.

В этом святилище когда-то жила Аиша<sup>26</sup>; оно расположено в юго-восточном углу здания и представляет неправильный четырехугольник в 16 квадратных метров, отделенный со всех сторон от стен мечети проходом шириною около 87 метров от южной и 6 метров от восточной стены. Внутри, говорят, находятся три гробницы, обращенные к югу и окруженные, по словам одних, каменной стеной без отверстий, а по словам других – только крепкой дощатой перегородкой. Они скрыты за плотными занавесами. Над Святилищем возвышается зеленый купол, украшенный наверху большим золотым полумесяцем, так же и другие купала, расположенные под ним. Бойкая фантазия мусульман украсила этот полумесяц огненным небесным столпом, который будто бы виден в воздухе за три дня до Медины, но он не виден – увы! Только людям святым, которых материальные чувства настолько же остры и проницательны, насколько невещественно само видение.

Когда, наконец, мы кончили наши молитвы, шейх Хамид позволил мне приблизиться к одному из окошек Святилища, называемому окном великого Пророка, причем тщательно следил за каждым моим движением, боясь, вероятно, чтоб я не осквернил чем-нибудь святыни подобно некоторым шиитам, которым удавалось это иногда; так, например, они кидали в окно на гробницы Абу-Бакра и Омара, как будто в подарок гробнице, или прекрасную свернутую шаль, или что-нибудь в этом роде какую-нибудь дрянь. С большим трудом я разглядел за окном занавес

с тремя надписями из больших золотых букв, которые гласили, что за ним покоился великий Пророк и его два первых халифа. Место гробницы Магомета, кроме того, отмечено еще большими жемчужинами четками и особенным укрощением, называемым «Созвездие Жемчужин», которое прикреплено на занавесе, на высоте немного ниже человеческого роста. Народ предполагает, что это одна из драгоценностей рая Магомеда; я же принял это за пробку от графина, да и действительно днем все это не имеет никакого вида; другое дело ночью, когда лампы в проходе тускло освещают мраморный и мозаиковый пол и золотые надписи на массивных занавесах.

В народе есть предание, что здесь есть еще одно место для гробницы, назначенное Иисусу, Сыну Девы Марии в Его втором воплощении<sup>27</sup>.

На мое горе, молодой Магомед был одет в свое длинное великолепно вышитое платье. Едва успели мы отойти от Святилища, как нас обступили евнухи этой мечети со своими приветствиями. «Да будет благословенно ваше посещение!» – говорили они, выпрашивали милостыню; за ними пришли еще люди, разносившие воду из Зам-Зам, или колодца Великого Пророка; эти тоже любезно предлагали мне взять сосуд воды из священного источника; скоро меня осадили нищие всех видов: были и короткие, и красивые, и отвратительные, и раздражительные, и требовательные, инвалиды и больные. Без моего ведома мои спутники выдали меня за какое-то важное лицо, и я поневоле должен был оплачивать за это внимание с их стороны. Магомеду было поручено раздать милостыню, и он в своем прекрасном наряде исполнил свое поручение с некоторым достоинством. Это первое посещение обошлось мне 25 фр., т. е. вдвое более, чем я предлагал истратить, в другие разы мне никак не удавалось уйти оттуда, не истратив 12–13 франков.

Единственно, что достойно внимания на песчаном дворике под открытым небом, – это квадратное место земли, хорошо политое и окруженное деревянной решеткой и называемое Садам правоверной Фатимы<sup>28</sup>. Там растет около дюжины фиговых деревьев, плоды которых посылаются евнухами в подарок султану и другим знаменитостям. Простонародье считает это за особенную честь, но не так глядят на это улемы, тем более что во многих других мечетях, например в Каире, находятся подобные сады.

В юго-восточном углу этого пространства построен колодец Пророка, под деревянной крышей, на деревянных же столбах; некоторые говорят, что вода в нем солодковатая, но большая часть утверждает, что она превосходна, так как имеет подземное сообщение с Зам-Замом в Мекке, или еще потому, что она течет прямо из источника, который находится в гробнице Магомета. Этот колодец и колоннада у ворот Женщин есть именно то место, где собираются утром и вечером группы учителей с их воспитанниками. Немного дальше на юг находится подвижной деревянный палисадник, выкрашенный зеленой краской; он имеет около метра в высоту и служит для того, чтобы отделять прихожан от имама, когда тот произносит свои молитвы.

Уже смеркалось, когда мы кончили наш осмотр. Выходя из мечети, мы не забыли ступить с левой ноги и воротились домой другой дорогой, как повелевает Сунна, или предание, относящееся ко времени великого Пророка.

Ас-Самхуди<sup>29</sup>, пользующийся особенным авторитетом в описании этих предметов, описывает где-то даже гроб Пророка; по другому поводу он тоже рассказывает, что раз, когда переделывали Святилище при

и дополненный материалами из сочинения М. Миропиева «Религиозное и политическое значение хаджа», изданного в Казани 1877 г.<sup>21</sup> Работа содержит огромный материал по хаджу того времени, показана статистика и динамика религиозной практики, количественное соотношение паломников из регионов Российской империи. Кроме всего этого, в книге четко преследуется попытка негативно выказать отношение к хаджу, говорится о недопустимости разрешения мусульманам совершать паломничество. Например, автор с презрением пишет, что «(...) какие крупные денежные средства непроизводительно расходуются хаджиями ежегодно из народного достояния, переходя безвозвратно к чужеземному населению и делаясь добычей иностранных властей. (...) Не менее существенный ущерб хадж приносит... народному благосостоянию и общественному здравью, ежегодно вырывая из жизненного строя

<sup>27</sup> Вероятно, лишне напоминать читателю, что мусульмане не признают страданий Спасителя; они верят в то, что Господь снова воплотиться, чтобы служить предтечей Магомету, который явится также за несколько времени до страшного суда.

<sup>28</sup> Фатима – четвертая дочь пророка Мухаммеда, жена 4-го халифа Али, мать Хасана и Хусейна.

<sup>29</sup> По другой версии: Ас-Саманхуди.

тысячи паломников (...).<sup>22</sup>

В 1901 году выходит сборник консульских донесений «Русские мусульмане в Хиджазе» под авторством Тухолки С., где приводится количество и занятия паломников из России.<sup>23</sup> Работа известного российского востоковеда Никольского М.Э. «Паломничество мусульман в Мекку», напечатанная в Историческом вестнике в 1911 году представляет немаловажную информацию о маршрутах паломников из России и Туркестана, содержится описание Каабы и религиозных обрядов и празднеств.<sup>24</sup> Сюда мы можем включить работу Соколова Д.Ф. «Поездка в город Джедду», которая вышла в Историческом вестнике в 1902 году, где он описывает прием паломников и условия их жизни. Этот список можно продолжить, но поразительно то, что весь данный комплекс отчетов и рапортов последнего десятилетия XIX и начала XX века в высшие органы власти об обстановке вокруг хаджа представляют

<sup>30</sup> Так называются те, которые дали убежище Магомету во время бегства его из Мекки.

<sup>31</sup> Смотри «Год в Аравии» Палгрева. То, что говорит этот путешественник о всех этих событиях, не вполне согласуется с рассказом Бёртона; этот последний, например, утверждает, что это Абдула, а не отец его Сауд взял и разрушил Медину.

<sup>32</sup> То есть около 795 т. франков (сноски переводчика).

<sup>33</sup> Возможно, это город Дарайя, расположенный в Сирии.

египетском султানে Саид-бее, он вошел туда и видел внутри только три глубокие ямы, но ни следа гробниц. Так что, несмотря на суеверие мусульман, надо предположить, что останки Магомета превратились в прах, что очень вероятно, так как со времени его погребения прошло лет 900, или же, что также очень вероятно, что они были похищены схизматиками-шиитами, которые, как известно, хранили их у себя в продолжение многих веков.

Вообще нельзя не усомниться в той истине ислама, будто тело Магомета находится в святилище Медины.

## Глава V Медина

**Происхождение св. города Пророка. – Его разграбление ваххабитами. – Святилище. – Город. – Главные роды суннитов и шиитов. – Мечеть Куба. – Кладбище Аль-Бакия, или Святых. – Я отказываюсь от путешествия в Маскат, или Я изменяю план путешествия. – Мы отправляемся в Медину.**

Медина, по определению арабов, была основана Амлаком, или Амаликом, внуком Сима, все потомки которого были истреблены своею славою и благоденствием пришествию Магомеда и ансарийцев<sup>30</sup>, когда он бежал из Мекки. Но ваххабиты овладели ею и разграбили ее.

Город сдался; Сауд со своими офицерами вошел в мечеть Пророка, даже в Святилище, но не посмел войти за занавесь посмотреть гробницы; однако не побоялся забрать все сокровища, находящиеся здесь: Созвездие жемчужин и все дары, присланные из разных стран, исповедующих ислам<sup>31</sup>. Половина этой добычи была продана Галибу, начальнику Мекки, за 150 тыс. долларов<sup>32</sup>; а другая половина перенесена в Дерей<sup>33</sup>. Только благодаря счастливому случаю здание не подверглась большому опустошению. Соблазняемые мыслью, что купола и полумесяц над зеленым куполом золотые, ваххабиты хотели их сбросить на землю; но двое из них, которые попробовали влезть на эту крышу, состоящую, говорят, из муравьиных черепиц, поскользнулись и убились, этот несчастный случай возбудил суеверный страх в их товарищах и остановил их от дальнейшего разорении храма. Но особенно разорительны для Медины были подати, наложенные ваххабитами на жителей, и запрещение странствий к гробнице Пророка. Поэтому немудрено, что на этих ваххабитов смотрят здесь с ужасом и ненавистью.

По заключении мира в 1815 г. между Абдуллой, сыном Сауда, с египетским генералом Туссун-пашой этот последний за сумму около 52 тыс. франков возвратил Медине те из ее золотых ваз, которые не успели еще расплавить. Хотя этот факт и отрицают, но настоящий вид мечети и Святилища служит ясным доказательством того, что это справедливо.

Город Пророка (Мадина ан-Набий) стоит у края Неджа, этой огромной низменности, составляющей центр Аравии. Границы, определенные Магометом для святой земли, могут также служить границами для всей территории Медины. К северу почти на расстоянии 5 верст находится гора Оход (Ухуд), составляющая один из последних уступов, и окаймляет Аравию обширной гранитной цепью от Акабы до Мока и

от Мока до Маскала (возможно: Маската. – Ред.) к юго-западу, также на протяжении 5 верст, равнина оканчивается возвышенностями из базальтовых скал и скалистого предгорья, называемой горою Аир. С других сторон граница воображаемая; она образует вокруг города неправильный круг, диаметр которого равняется 16–20 верстам. Это именно и составляет Святую землю. Кто здесь умирает и хоронится, тот надеется на заступничество и ходатайство Пророка в день Страшного суда. Здесь менее чем где-либо можно вести безнравственную жизнь, пить опьяняющие напитки, убивать других, кроме врагов, неверных или святотатцев. Некоторые законники утверждают даже, что здесь нельзя ни срубить дерева, ни убить животного.

Медина состоит из крепости, построенной на севере, предместья на юго-западе и города на юго-востоке. Она составляет только половину Мекки и вместе с тем в целую треть больше Суэца. Стены ее представляют неправильный овал с четырьмя воротами, из которых лучшая – ворота Пятницы на востоке и Египетская на западе. Эти здания массивны, состоят из двух башен, выкрашенных яркими красками, дают широкую тень и снабжают обильной водой и солдат, и вожakov верблюдов, и бродяг. Этим последним всегда там можно найти в достаточном количестве. В этой улице, которая ведет от Египетских ворот к мечети Пророка, находится большой базар. Между предместьем и Египетскими воротами, против дома шейха Хамида, на север расположен фруктовый рынок, на юг – хлебный. Там во многих местах видны шалаши из пальмовых листьев, совсем почерневшие от ветра и солнца, – это рестораны; они своим жалким видом портят вид этой части города. Стены выстроены из кусков гранита и лавы, расположенных правильными рядами, бойницы, зубцы наверху, полукруглые зубчатые башни, также с бойницами, удобными для перекрестного огня, – все это свидетельствует, что они содержатся в отличном порядке. Улицы, как и должно быть в жарких климатах, глубоки, узки и темны, главные ведут к мечети. Кроме пяти мечетей, в Медине мало публичных зданий: отличные бани, посредственные рестораны и четыре больших постоянных двора, которые, впрочем, скорей служат складочным местом, чем гостиницами. Жилища хорошо выстроены из пальмового леса, обожженного кирпича и базальтовых камней, большей частью в два этажа, с плоской крышей, при знатных домах находятся большие дворы и маленькие садики с колодцами. Балконы везде обнесены решеткой, окна – точно дыры в стенах, но всегда со ставнями.

Крепость, так же как и город, украшена постройками, еще более прочными; несмотря на это, не думаю, что она устоит против батареи гаубиц и других осадных орудий.

Стены предместья в очень плачевном состоянии: того и гляди, что упадут в тех местах, где они еще не обрушились.

Население города, включая предместье, простирается до 18 тыс. душ. Вообще это смесь представителей народов, исповедующих исламизм. Самые благородные расы считаются между суннитами, т. е. между правоверными.

Потомки Абу-Бафра (Siddikias) очень немногочисленны.

Потомки Аббаса – только одно семейство, из которого выбирают имамов (священников) в Святылище и сторожей к гробнице Хамзы<sup>34</sup>.

Потомки Абу-Айюба, умершего в 628 г. при осаде Константинополя и род которого ведется чуть не пятнадцатый век, пользуются тоже особенным положением; из них тоже выбираются имамы Святылища: у них же хранятся ключи от мечети Кубы; но, несмотря на это, они мало

собой огромный пласт малоизученных документов, в которые вложен значительный труд, что свидетельствует о том, что государство действовало в этом вопросе целенаправленно для выявления существовавших проблем и их решение. В этом можно удостовериться, прочитав отчет штабс-капитана А. Давлетшина. Выводы и меры, которые он предлагал для улучшения обстановки, пусть не в полной мере, но начали осуществляться. Так, если в 1898 году было всего около 450 русско-подданных хажиев, как отмечает Давлетшин, то есть всего 10% паломников от обычного числа в тот год, то в начале XX в. их количество дошло до 15 000. Так, говоря о мерах, необходимых для улучшения обстановки вокруг хаджа штабс-капитан отмечал, что «(...) вышеприведенные меры, конечно, далеко недостаточны, чтобы создать более или менее удовлетворительный санитарный порядок в Хиджазе; меры эти большей частью кажутся отдаваемыми турецким правительством крайне неохотно, под чужим давлением

<sup>34</sup> Хамза ибн Абд аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммада. Хамза был самым сильным и могучим воином из курайшитов, за что и был прозван «львом Аллаха». Он принял ислам в месяц зуль-хиджа шестого года с начала осуществления Мухаммадом его пророческой миссии. Погиб в битве при Ухуде.

и исполняемыми еще более небрежно, чтобы только отделаться. Если не будут приняты более радикальные и энергичные мероприятия для упорядочения санитарного положения паломничества, Хиджаз всегда будет служить угрозой для других стран».

Предлагаемый читателю документ — отчет штабс-капитана А. Давлетшина — сочинение, которое не только удачно дополняет воспоминания паломников о трудностях поездки в хадж, но и дает представление об истинном положении вещей, связанных с хаджем с точки зрения государственной политики в конце XIX — начале XX вв.<sup>25</sup>

Надо отметить, что такие документы как отчеты госслужащих рисуют несколько иную картину происходящего, нежели путевые записки, написанные в жанре хадж-наме обычными паломниками. В них выявлены и ярче отражены проблемы, предлагаются пути их решения. А хаджи, совершивший путь из родной земли до Мекки и обратно, все сложности видит как Божье испытание его веры. Его основная цель — совершить хадж

могущественны, так как не имеют состояния.

Из потомков Абу-Жуда, тоже выбираемых в Святылище, осталось только два представителя и, как говорят, девочка и мальчик.

От Шааба происходит многочисленное потомство служителей в Святылище, и между ними бывают и негоцианты, и путешественники.

В роде Карсани большей частью купцы.

Что касается до потомков Али, то те из них, которые не от Фатимы, бесспорно, принадлежат к суннитам, их всего 200 семейств, которые не отличаются от прочих обитателей Медины никаким наружным знаком, они служат при храме или занимаются торговлей.

Потомки Али и Фатимы происходят от сыновей Хасана и Хусейна, двух почитаемых шиитами святых. После смерти Али Хасан сложил с себя священнический сан и, подобно Хусейну, удалился в Медину, где и оставался до своей смерти, Хусейн же был убит в знаменитой битве при Кербеле<sup>35</sup>. Те, которые имеют своим родоначальником Хасана, выбираются в шерифы и занимают преимущественно административные и военные места. Потомки 12 внуков Хусейна, пережившее поражение при Кербеле, главным образом занимаются изучением наук и религий.

Долгое время эти Фатимиды охраняли гробницу Пророка, теперь они перенесли свой квартал на восток Медины в пустыню «Савуркию» (Al-Suwayrkiyah), на расстоянии 23 дней от города, так что хоть они и насчитывают до 94 семейств в своем лагере, в Медине же их не больше 6 или 7. Несмотря на то что они свободно могут селиться в городе и хоронить своих умерших в Святылище, они предпочитают жизнь за стенами города. Многие считают их за суннитов, даже уверены, что многие из них действительно сунниты, другие же уверяют, что они шииты, только тщательно скрывают это. Фатимиды небольшого роста, черноволосые, очень похожи на бедуинов и одеждой и образом жизни напоминают древних арабов.

В Медине есть также отчаянные еретики, это некуалисы — шииты, которые открыто уважают семейство Али. Эта секта имеет особенных священников, женятся там только между своими; исполняют только низшие должности. Как при жизни, так и после смерти они исключены из Святылища, они — предмет порицания и всеобщих злоречий. Чтобы их унижить, говорят, будто они ведут свой род от ансарийцев или от Удида, сына Муавии<sup>36</sup>, их религиозные убеждения, хотя и не допускают этого предположения, но они все-таки могут быть названы сынами Удида (Йезид), их одежда и арабский язык — они сильно напоминают сирийских метуалисов.

Главные посещаемые пилигримами места в окрестностях Медины — суть мечеть Куба, кладбище Аль-Бакия и у подошвы горы Охода (Ухуд) гробница мученика Хамзы.

На некотором расстоянии от ворот Кубы (так называется выход в стене, через который мы должны были пройти, чтобы попасть из Медины в мечеть) расположены пальмовые рощи, которые мало того что служат украшением местности, но дают еще свежую тень. Деревья наполняли воздух благоуханием своих цветов, птицы звонко пели. Стволы пальм показались мне здесь выше, чем где-либо. Что касается до их плодов, то было бы святотатством сказать, что они превосходят пальмовые плоды в Мекке. Деревья эти вообще могут расти и на сухой почве, обыкновенно же их видно на берегах ручьев и рек, больше в сырых местностях. В Медине же надо было бы по три раза в день поливать их, чтоб плоды были такие же, как в Мекке.

В этих садах есть лук, порей, морковь, бобы, редиска, брюква,

<sup>35</sup> Кербала — священный город шиитов в Ираке в 100 км на юго-запад от Багдада.

<sup>36</sup> Муавия — основатель и первый халиф династии Омейядов с 661 года, перенес столицу халифата в Дамаск. Сын Абу Суфьяна.



огурцы, много плодов, пять видов виноградников, из которых лучший дает белый виноград, вкусом напоминающий тосканский, грудная придорожная игла, любимая ягода народа, персиковые деревья, плоды которых тверды и крепко приросшие к зерну, бананы, арбузы, винные ягоды и яблоки, но нет ни абрикосов, ни груш. Что касается гранат, то их три сорта, из которых лучший – так называемый сирийский, может быть, это самый лучший плод на Востоке.

У входа в мечеть нас осадил толпа маленьких безобразных нищих и их матерей, которые живо напомнили мне гарпий.

Вот что рассказывают о происхождении Кубы. Во времена Хиджры верблюд, который привез Пророка из Мекки в Медину, встал на этом месте на колени. Магомет просил своих спутников сесть на него. Абу-Бакр и Омар попробовали, но верблюд не вставал, как только на него сел Али, он встал и пошел. На том месте Магомет велел построить первую в свете мечеть. Место это принадлежало ансарийцу Абу-Айюбу и после него перешло во владение его потомков, которые делают до сих пор между собой милостыню, оставляемую правоверными. Перестроенная Абдул-Хамидом, мечеть эта теперь похожа скорее на замок, чем на часовню.

Она окружена другими молитвенными местами, между которыми находится также место, где Фатима молола хлебные зерна на ручной мельнице; мы туда не вошли, боясь, чтоб нас опять не обступили нищие.

Измученный жгучим жаром (а было еще только 9 часов), я сел у одного колодца, который наполняется водою одного ручья, и там, убаюканный журчаньем, запахом гранатовых и лимонных деревьев, я заснул, и удивительно, мне приснилось, что я стою у окна, украшенного виноградными лозами, и смотрю в долину реки Лианы<sup>37</sup>, на ее темно-зеленую воду, серое небо и берега, покрытые там и сям снегом.

Несколько дней спустя мы ходили поклониться гробнице мученика Хамзы. Неправоверному сюда не стоит и ходить, разве для того, чтобы увидеть ту пыльную и опаленную солнцем землю, на которой бились Магомед с Абу-Суфьяном<sup>38</sup>.

Что касается кладбища Аль-Бакия, то особенно набожные посещают его каждый день илу уж непременно каждую пятницу после молитв у гроба Пророка. По преданию, в день Страшного суда 100 000 или уж по крайней мере 70 000 святых с сияющими, как солнце, лицами отворят все стороны гробницы. Говорят, будто здесь похоронены 100 000 сподвижников Пророка, исключая его многочисленных потомков. Далее предание говорит, что первым из похороненных здесь воскреснет Магомет, второй – Абу-Бакр, третий – Омар, потом похороненные в Аль-Бакии, а за ними те, которые похоронены в Мекке. Есть стих в Коране, где подтверждается вечное спасение умершим в обоих святых городах, это еще более возвысило оба эти места.

Первый из мохагрийцев<sup>39</sup> (мухаджиров) Осман бен Мазем, умерший в Медине, был первый похоронен в Аль-Бакии. Тогда на этом месте росли еще деревья, называемые Gharkad, их срубили, уровняли поле и похоронили Османа на самой середине нового кладбища. Магомед собственноручно поставил стоймя два больших камня: один – в головах, другой – в ногах своего верного товарища.

Это кладбище святых представляет неправильный овал, окруженный стенами и роскошными пальмовыми рощами. Оно далеко не так велико, чтоб вместить всех приносимых покойников, и там, наверно, не достало бы места, если б не принимали при погребении известных

ради Всевышнего, исполнить свою обязанность перед Ним.

Говоря об источниках по хаджу XX в. отдельной строкой следует отметить рассекреченные в последнее десятилетие архивные документы, переписки российских консулов и послов, которые представляют значительный интерес и раскрывают тонкости российской политики по отношению к Хиджазу и российским паломникам. Здесь нужно упомянуть работы В.В. Наумкина «Советская дипломатия в Хиджазе: первый прорыв в Аравию (1923–1926 гг.)», где описываются малоизвестные подробности советской дипломатии в Хиджазе 20-х годов и сборник статей, очерков и докладов под общим названием «Ислам и мусульмане: культура и политика».<sup>26</sup>

Нужно отдать должное Арапову Д.Ю., доктору исторических наук, профессору, члену Всероссийской ассоциации востоковедов, который посвятил себя изучению

<sup>37</sup> Речка во Франции, которая впадает в Па-де-Кале.

<sup>38</sup> Абу Суфьян ибн Харб – правитель Мекки в 622–630 гг., с 614 по 630 год был одним из самых непримиримых врагов Мухаммада, поэт. В 630 году сдал Мекку Мухаммаду и принял ислам. Его сын Муавия стал халифом в 661 году.

<sup>39</sup> Верные спутники пророка во время его бегства из Мекки в Медину (автор). Мохагрицы – мухаджир (редактор).

ислама в Российской империи и современной России. Среди работ следует выделить «Систему государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.), «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)», «Мусульмане и ислам по материалам Восточного отдела ОГПУ», «Россия и мусульманский мир», «Императорская Россия и мусульманский мир», «Россия в Средние века и Новое время» и многие другие публикации, где автор непосредственно затрагивая тему ислама в России приводит информацию и о хадже мусульман. Однако отдельной исчерпывающей работы, посвященной теме хаджа российских мусульман, не существует. Его работы – фундаментальны с использованием разнообразных источников, глубоки по анализу материала и выводами.

Другой известный доктор исторических наук, иранист, профессор Резван Е.А. основные научные достижения достиг в изучении архивных и рукописных собраний Санкт-Петербурга. Результатом изучения архивных коллекций стала серия

мер, ускоряющих разложение. Вход на кладбище низкий, почти незаметный. Внутри нет ни деревьев, ни цветов, памятники разрушены фанатиками-ваххабитами, и только на некоторых заметны жалкие следы недавних поправок. Я вступил туда с правой ноги и босиком, чтобы меня не приняли за еретика.

Это сборное место нищих. У дверей старые, а иногда и молодые женщины стоят толпой и наперерыв с бранью и ссорами между собою предлагают свои услуги подержать обувь, случается, что они оставляли ее у себя, верно, на память. Внутри на кладбище мальчишки-нищие пускают в ход всю свою ловкость и назойливость, чтобы выпросить что-нибудь, опять на мое горе, всем этим нищим известно было, что шейх Хамид сопровождает обыкновенно богатых путешественников, и в этот день также в моем кошельке недосчитывалось по крайней мере 4 долларов. В награду за эту щедрость около 50 женщин в то утро пообещали мне в своих молитвах не забыть попросить Аллаха о выздоровлении моей ноги, но увь! От их молитв мне не помогло.

В то время на Востоке появилась громадная комета, она предзнаменовала, по словам жителей Медины, как обыкновенно, или войну, или голод, или чуму. И действительно, по самому ничтожному поводу началась сильная распря между семействами Хамида и Хацами де-Бени-Харб (возможно: Хашими. – Ред.). Были жестокие нападения с обеих сторон. В продолжение целого дня 30 августа в городе ясно была слышна перестрелка в горах; на улицах не было прохода от бедуинов, которые с саблей или ружьем или просто с дубиной на плече торопились принять участие в этой битве. Жители города *in petto*<sup>40</sup> посылали им проклятия, надеясь на одно – что вся эта сволочь перебьет друг друга до последнего. Пилигримы были в большом страхе, и было отчего: каждую минуту они должны были ожидать исчезновения владельцев их верблюдов или же что эта небольшая стычка взорвет, как маленький бочонок, все население.

На дороге из Ямбо в Медину я вошел в тайные отношения с одним бедуином Бени-Харбом, прозванным грешником (муджрит). Он вообразил, что я предпринимаю путешествие из Медины в Москат с какой-нибудь тайной целью, путешествие довольно опасное, вследствие чего Осман уже несколько лет не посылал караванов в Хиджаз, а потому он предложил мне навести справки и передать мне все около полудня, т. е. в то время, когда весь дом моего хозяина погружен в глубокий сон. Он почти согласился ехать со мною теперь же, т. е. в конце августа. Предполагалось тихонько уйти из дома шейха Хамида в костюме бедуина, направиться к Индийскому океану, но когда началось это восстание в городе, храбрец начал отговариваться, ему не хотелось покинуть своих братьев из семейства Хашима, самого малочисленного, он предложил отложить поездку до конца декабря. Я, однако, так пристал к нему, что он откровенно сказал мне, что он колеблется еще оттого, что ни один путешественник, даже бедуин, не решится зря на это путешествие хоть бы только до Кайбара (Хайбара)<sup>41</sup>. Вот вследствие чего я должен был отказаться от проекта пройти Аравийский полуостров с северо-запада на юго-восток.

Мне приходилось довольствоваться путешествием в Мекку, и я решил терпеливо ждать отъезда «летучего каравана» (называется так по быстроте своих переходов), который отъезжает 3 сентября. Но 30 августа единственный друг Саад-Разбойника прибыл в Медину с ужасной вестью, что начальник шайки никого не пропустит через ущелья, если не внесут неимоверно большого выкупа. На следующий день рано

<sup>40</sup> *In petto* – скрытно, тайно. Имеется в виду, что один из каких-то городов.

<sup>41</sup> Хайбар – город на северо-западе Аравийского полуострова (в исторической области Хиджаз, входящей ныне в состав Саудовской Аравии) в 150 км от Медины.

утром шейх Хамид прибежал запыхавшись с базар и едва выговорил: «Ну, эфенди, собирайтесь сейчас же, летучего каравана не будет, все пилигримы уезжают завтра. Да хранит вас Бог от всяких напастей. Крепки ли ваши бурдюки? Помните, что вам придется проходить Дарб и Шарки, где в продолжение трех дней вы не найдете ни капли воды!».

Эта новость, которая приводила в ужас Хамида, была мне несказанно приятна, ни одному европейцу не приходилось еще идти по той знаменитой дороге, по которой Гарун-аль-Рашид<sup>42</sup> (Харун ар-Рашид) шел в Неджд.

Мы решили ехать на следующий день очень рано, следовательно, мне нечего было терять времени в долгих сборах. Магомеду удалось достать нам на дорогу за 20 франков двойные носилки с койками, чтобы спать на них. Они прослужили нам во все остальное время путешествия и за 3 франка 75 сант. как постель шейху Нуру, который не мог спать на сундуках. Наш молодец неумоимо работал целый день, сбивал носилки, починял внутри снаружи, пришивал большие мешки, прятал провизию и глиняную посуду с водой.

Шейх Нур и я тоже не отставали; оказалось, что из наших мехов два были проедены крысами. В этот день немисливо было отдать их починить: никто ни за какие деньги не взялся бы, потому я сам принялся за работу. Шейх Нур в это время закупал провизию на две недели: муки, рису, луку, фиников, пресного хлеба, творогу, лимонов, табаку, сахару, чаю и кофе.

Хамид взялся за самое трудное и необходимое: доставить нам верного жоака верблюдов. Он привел мне одного хамида, по имени Мезуд, с седой бородой и множеством шрамов. Условившись с нами насчет путешествия, бедуин со своим сыном ушел, шейх Хамид советовал мне хорошенько кормить их и не забывать раз в сутки разделять их хлеб-соль, это для того, чтоб поддерживать правила гостеприимства. Кроме того, чтобы они не могли пользоваться моей водой, мне надо было остерегаться навьючивать мехами верблюда впереди шейха, а хорошенько завязывать отверстие и не класть их, как обыкновенно, вниз, дном вверх.

Вечер прошел в уплате маленьких долгов. На востоке это откладывают всегда до последней минуты. Шейх Хамид рассыпался в извинениях передо мной, благодарил, что я не требовал от него 25 франков, занятых им у меня еще в Суэце. Три его брата получили каждый от 5–6 франков. Это очень понравилось некоторым кузенам, что они мне и объявили.

Наконец мы сложили наш багаж в кучу у дверей, чтобы его прямо навьючить по первому призыву. Поговаривали, что мы выедем в полночь, было уже два часа, а мы не слышали ни пушки, не видели верблюдов, а потому и заблагорассудили проспать те несколько часов, которые нам оставалось провести в Медине.

## Глава VI из Медины в Мекку

**Жизнь пилигримов. – Вид, порядок и шествие каравана. – Три или четыре расы в Аравии. – Бедуины и лучшие черты их характера. – Их храбрость. – Влияние учения и девство Фатимы. – Поэзия, религия, честь бедуинов. – Три племени. – Право прохода. – Одежда**

монографий, посвящённых русско-арабским отношениям, среди которых и «Хадж из России».<sup>27</sup> Работы содержат богатый архивный материал, однако комплексного исследования по тематике хаджа так же не существует.

Относительно становления мусульманского паломничества из России следует выделить несколько этапов.

Начальным этапом становления традиции хаджа из России следует считать не время с официального принятия ислама волжскими булгарами в 922 г., а более ранний период. Завоевание Дербента арабами еще в далеком 732 г. и распространение ислама в других регионах обязывал мусульман отправляться в паломничество. Записи путешествия ибн Фадлана в Волжскую Булгарию в 921 г., где он отмечал, что там уже были мечети и медресе говорит о том, что ислам уже бытовал у народа.<sup>28</sup> К VIII веку он уже проник в Поволжье через Хазарский каганат, следовательно, мусульмане уже исполняли свой религиозный долг. Более четкой информации невозможно привести за отсутствием источников. Паломничество продолжалось в этот период в собственно мусульманском государстве

<sup>42</sup> Харун аль-Рашид – арабский халиф, правитель Аббасидского халифата с 786 по 809 гг.

до середины XVI века, до тех пор, пока Иван Грозный не захватил ханства.

Следующий этап охватывает период с середины XVI — до начала XX вв. До середины XVIII столетия притеснения на мусульман со стороны русского православного государства имели массовый характер. Каких-либо официальных документов по паломничеству, статистики и данных не существует. Об организованности паломничества также не может быть и речи, не говоря уж о количестве. Однако, по свидетельству работы Ризаэтдина Фахретдина «Асар», где он перечисляет известных в Поволжье религиозных деятелей, улемов и имамов рассматриваемого периода, то в их биографиях он четко обозначил, что тот или иной совершил хадж, или умер по пути.<sup>29</sup> По результатам его исследования можем сделать вывод, что каждый считавший себя правоверным мусульманином, имевший в обществе религиозный статус, совершил хадж в святое место ислама.

Второй период — с середины XVIII в. до 70-ых годов XIX в. В это время, во-первых, происходит юридическое оформление государственно-исламских отношений в целом и отношения правительства к мусульманскому богослужению. Этот процесс начинался с момента «воинствующей христианизации», игнорирования ислама, запрета на богослужения в мечетях, постепенного перехода

### **и обряды пилигримов. – Встреча каравана из Багдада. – Нападение разбойников на караван. – Хвастовство. – Вид Мекки.**

В среду 31 августа 1853 года в 8 часов утра мы сидели, только что позавтракавши, у окна дома Хамида, как вдруг увидели шейха Мезуда, который бежал что было силы со своим сыном лет 14 и с племянником, ленивым, противным, мальчиком с лицом, изрытым оспой. Он торопил нас как можно скорее навьючить верблюдов. Все живо принялись за работу, и к 9 часам я был уже перед Египетскими воротами и прощался с друзьями, проводившими меня пешком до этого места. Когда кончилось, наконец, прощание и обнимание, шейх Нур влез в свою койку, а Магомед и я — на носилки. Так как у Мезуда было своих десять верблюдов, то мы проехали маленькие ворота в сопровождении нескольких турков и жителей Мекки и направились к северу. Направо от нас город скрывался за пальмовыми рощами, налево вдаль виднелись купальные мечети Хамзы, у подошвы Охода (Ухуда) перед нами по бесплодной каменистой равнине вилась дорога, по которой там и сям стояли и шли странные группы.

Мы продолжали наш путь, несмотря на жгучий удушливый полдень, вьючные животные едва тащились. По сторонам дороги валялись трупы только что околевших ослов, лошадей и верблюдов, многие из них оставлены были на добычу коршунам, а около тех, которых убивали, столпились пилигримы из Судана — негры и усердно вырезали себе лакомые кусочки, с тем чтобы нести их сырыми до тех пор, пока не представится удобного случая их сварить. Я не видывал более жалких людей. Они несли с собою только чаши и сосуды, и изредка какой-нибудь сострадательный проезжий наливал им туда воды. Их единственное оружие — маленький ножик в медных ножнах, привязанный повыше локтя. Одеты они в какие-то лохмотья, на ногах — сандалии из медных пластинок, большая часть хромали от усталости или от ран, нанесенных терновником, многие едва дышали.

По крайней мере спустя час по наступлении ночи начали раскладывать огни и располагаться лагерем. Он был очень удобно помещен в одном углублении. Палатки солдат и стражи окружали павильон пашей, и часовые тщательно оберегали его. Тут мы встретили одного из наших людей, посланного вперед, он нас привел на место, выбранное им для нашего ночлега. Мы разбили палатки, развьючили верблюдов, развели костер и начали готовить ужин, а после него — постель.

Жизнь в подобных путешествиях непривычна и проста. Провизия и вода в больших мешках внутри и снаружи носилок всегда под рукой, в известные часы дня походные торговцы предлагают шербет, лимонад, горячий кофе и трубки, набитые очень старательно, есть поверье, что можно судить о достоинстве человека по тому, как он набьет трубку. На привале прежде всего спрашиваешь трубку, которая благодетельно унимает усталость и боль и вместе с чашкой кофе чудесно возбуждает аппетит.

На следующий день, когда мы проходили по низкой равнине, мне удалось увидеть весь наш караван во время его шествия. Насколько можно было судить о нем в массе, он состоял по крайней мере из 7000 человек пешеходов, верхом и в носилках на великолепных сирийских верблюдах. Некоторые бедняки шли опираясь на свои дубины, другие же, смотря по средствам, ехали на ослах, на верблюдах и на лошадях. Большая часть людей познатнее, особенно между арабами, ехали на дромадерах<sup>43</sup>, а солдаты — на лошадях. Женщины, дети и убогие-боль-

ные сидели на одеялах и на сложенных вместе кусках материи на двух больших сундуках, составляющих ношу верблюда. Чудесная пестрота костюмов, разнообразие типов составляли прелестную и оживленную картину. Нельзя было уловить ничего однообразного ни в лошадиной сбруе, ни в верблюжьих пополах и в одеждах людей. Полунагие негры из Судана смешались с великолепно одетою прислугою пашы, бородатый персиянин в своей конической шапке разговаривал с бритым турком в его обыкновенной феске.

Вечером, как только разбили палатки, начался водопой верблюдов, потому что прошло уже 90 часов, как они не пили. Колодцы находились далеко, и надо было пройти по крайней мере три версты до них, и то едва можно было пробраться, потому что вся дорога к ним была наполнена и солдатами, и не солдатами, которые завладели ими и только за деньги позволяли накачивать воду. Можно ли их винить? Это их единственное средство не умереть с голоду. Магомед, отправившись туда с Мезудом, поистине с триумфом принес оттуда два полных меха пресной воды почти за 2 франка 95 сантимов<sup>44</sup>.

Прежде чем заснуть, час или два я разговаривал с шейхом Мезудом, беседа которого мне все более и более нравилась. Наши спутники подсмеивались и с презрением смотрели на то, что я мог расспрашивать этого шейха о ручьях, холмах, бедуинах и о топографии страны. На это Мезуд говорил: «Усатый отец больше вас всех смыслит в этом, он любит бедуинов и имеет право спрашивать и разузнавать о них». Но это замечание вызвало только новый хохот, потому что насмешники вспомнили, что имя, которым он меня назвал, носил уже проклятый еретик-ваххабит Сауд.

В этих больших караванах существует порядок снимать платки по первому пушечному выстрелу, а по второму – отправляться в путь. Пушкой означаются еще четыре привала по полчаса: на заре, в полдень, в 4 часа и при заходе солнца под предлогом молитвы. Перед последним правилом для ночлега уже заранее видно особенное движение в караване, люди, которые ставят палатки, бросаются еще до пушки вперед, чтобы первыми достичь лагеря или же колодца.

По Библии юг Аравии населен потомками Иоктана<sup>45</sup>, а Синайский полуостров и его окрестности – сынами Измаила (Исмаила) и его жены-египтянки. К этим двум коленам должны присоединить еще и туземцев, и таким образом арабские племена разделены как по наблюдению современной физиологии, так и по преданию страны на три главных колена.

Первое колено, по моему мнению, – туземцев или первобытных жителей, они состоят из племен некавказских, которые еще встречаются под именем Аль-Морасов главным образом по всему берегу от Маската до Гадрамута (Хадрамаута). Несмотря на их малочисленность, они могут считаться истыми арабами.

Главные переселенцы – потомки Ноя, большое халдейское племя, которое пришло из Месопотамии в Аравию около 2200 лет до Р. Х., вытеснило оттуда мало-помалу прежних обитателей и овладело лучшими частями полуострова. Анизы и род Неджда – типы этой чисто кавказской расы. Это те арабы, о которых упоминалось восточными историками.

Третье – такой же древности и благородства, оно ведет свое начало еще за 1900 лет до Р. Х. и известно в истории под именем израильтян. Эти арабы никогда не переходили за границу северо-западных гор, они и теперь еще там живут и сохраняют дикие обычаи и неукротимый

к признанию легитимности мечетей и сотрудничеству с мусульманами. Это – время образования российской мусульманской общественности, консолидации мусульман. Все требования, направленные престолу Российской империи, являлись единым для всех мусульман внутренней России. Во-вторых, восстание под руководством Батырши, затем и Пугачевское восстание 1773–1775 гг., в котором активное участие приняли татары и башкиры, вынудили Екатерину II изменить свое отношение к “иностранцам” – магометанам. В-третьих, императорским указом от 22 сентября 1788 г. было учреждено ОМДС, аналогичное по своим функциям Синоду, как орган из избранных выборных на определенный срок мусульманских духовных лиц во главе с муфтием и губернских, областных администраций – что говорит о организации и учете действия религиозных объединений. В-четвертых, происходит включение мусульманских территории в состав России. Следовательно, властям уже приходилось

<sup>43</sup> Одногорбый верблюд.

<sup>44</sup> Разменная монета многих стран того времени.

<sup>45</sup> Иоктан – сын Евера, потомки которого поселились на юге Аравии. Он почитается арабами отцом всех древних арабских племен.

считаться с интересами своих подданных мусульман.

С 70-ых годов XIX в. до начала XX в. проблемы хаджа мусульман-подданных России, активно обсуждаются во внешнеполитических ведомствах — министерстве иностранных дел, посольстве в Константинополе, консульстве в Джидде, открытом в 1891 г. Более того, к этому вопросу были привлечены главы администрации тех регионов, где компактно проживали мусульмане. Соответственно, в конце XIX в начале XX столетий количество паломников-мусульман увеличилось, велась статистика и появилась возможность следить за развитием паломнического движения.<sup>30</sup>

Следует отметить, что именно российские мусульмане, хотели они этого или нет, стали проводниками культур, мировоззрений Арабского Востока в Россию и наоборот. До появления поездов и пароходов паломники пешком и верхом добирались до Мекки, и представьте себе, сколько впечатлений, новшеств, особенностей местности и людей они видели и, по приезду в Россию, передавали своим сородичам, издавались хадж-наме. Особым моментом,

нрав своих предков. Некоторые характеристические черты обитателей долины Нила указывают на их смешение с египтянской расой и потому всегда отличают их от всех других арабов, это арабы нечистокровные.

Восточная этнография признает за четвертую расу тех, которые смешаны с варварами, например, арабов из Мекки, которые смешались с усманитами и евреями.

Лучшая черта характера бедуинов есть действительно достойное удивления — благородное сочетание решительности, кротости и великодушия. При детской и наивной простоте они чувствительны до щекотливости, добры, важны и дерутся с достоинством и любят при этом шутки. Веселый смех, ласковое слово их успокаивают, вместе с тем они вспыльчивы и жестоко мстят за обиду, про них можно сказать, что между ними нет человека, который мог бы быть особенно хорошим человеком, не будучи буйным поджигателем. Они составляют какое то особенное общество, в котором самый храбрый, сильный и лукавый господствует над другими. Их общая черта — это упорная родовая месть, которую самый высокомерный остерегается навлечь на свое потомство. Коран неудовлетворителен здесь, в пустыне, он не существует для них, зато они строго и в точности придерживаются обычаев и привычек своих предков, переходящих из рода в род.

Смешно даже глядеть на их битвы, оканчивающие всегда при первом нападении: побежденные спасаются бегством до тех пор, пока ночь не скроет их от победителей. На это они имеют основательный повод, для них нет ничего драгоценнее их членов и жизни. Арабы хорошо знают, что по заключении мира каждая сторона считает трупы, и ценою крови заплатится той стороне, где окажется больше убитых. Победа обходится дорого. Таким образом, понятно благоразумие и умеренность бедуинов. Они не трусы. Постоянные опасения за свою жизнь от родовой мести, опасности в пустыне, на охоте, трудная жизнь, беспрестанное упражнение с оружием и управление лошадьё — все это приучает их видеть смерть лицом к лицу, право, они способны быть героями. Англичане, говорят, охотно сражаются за свою свободу, французы — для славы, испанцы — за религию и честь, ирландцы — только для того, чтобы драться, арабами же руководит страсть одержать победу и отомстить. Они сражаются охотно, но не с беспечною храбростью французов и не упрямством англичан. Чтоб сделаться настойчивыми, надо, чтобы была и в частных случаях задета или их честь, или чтобы ими руководил фанатизм. Насмешка над женщиной и страх быть, как трусы, обесчещенными приводят их в бешенство и делают способными на самые отчаянные средства. Не один фанатизм, возбуждаемый религией, придает им эту твердость, но и врожденное геройство. В их истории много есть тому доказательств.

Одна из причин, смягчающая их дикость, есть уважение к женщинам. Все мусульмане признают Фатиму безгрешной. Встречи и разлуки в их пастушеской жизни возбуждают пламенную любовь, преодолевающую все препятствия. Нет ничего нежнее и трогательнее описания провозждения времени во время долгой разлуки в арабских поэмах, и отчего бы не предположить, что эта рыцарская любовь в арабских легендах, так же как и христианство в средние века, послужила, так сказать, преддверием современной чистой и пламенной любви.

В песнях Антара<sup>46</sup> говорится, что «рыцарь из рыцарей» любит Иблу<sup>47</sup> не только за ее физическую красоту, но также за ее нежность, веру и чистоту. Рыцарь избрал ее как за душевные, так и за физические качества, словом настоящие сыны Антара до сих пор еще славные

<sup>46</sup> Антара ибн Шаддад (ок. 525 — ок. 615) — арабский поэт доисламской эпохи. Автор одной из муаллаков.

<sup>47</sup> Ибла — персонажи арабского рыцарского романа «Жизнь Антара» (ок. XII в.), переведенного в Европе в XIX в.

кавалеры.

До ислама случалось, что бедуины, как настоящие рыцари, страдали, вздыхали и ездили повсюду, совершая чудеса храбрости, в надежде тронуть этим предмет своей страсти. Изменил ли их Магомед? Рассказывают, что калиф (халиф) Мотазем<sup>48</sup> услышал раз, как придворные его рассказывали об одной женщине из семейства Саида, взятой в плен одним варваром, греком из Аммории<sup>49</sup>, когда тот ее бил, она закричала: «На помощь! Мотазем!» – и что будто злодей на это отвечал: «Дождись! Он так сейчас и придет на своем пегом коне тебя освободить». Тогда Мотазем, как истый рыцарь, приложив печать к чаше, которую он держал в руке, поклялся, что он будет ее спасителем. На следующий день он уже шел к Аммории во главе 70 тыс. человек на пегих лошадях. Прибыв на место, он воскликнул: «Вот я пришел на твой зов!» Тирану он велел виночерпию принести чашу с приложенною печатью и, выпив ее, сказал: «Вот теперь вино действительно вкусно».

Эта черта характера бедуинов объясняет, отчего путешественники так интересуются судьбою и жизнью бедуинов, вот почему доктор Валлин так наивно жалуется на то, что принужден находиться в не-носном обществе персиян или грязных трусов – городских арабов после свободных детей пустыни с их возвышенным, рыцарским чувством.

Выше сказано, что закон Корана для бедуинов – мертвая буква. Дело в том, что до сих пор у них почти совсем нет религии, я не говорю про тех, которые живут поблизости городов или в городах. Их обычаи, законы, характер и нужды, страна и климат – все как было у предков. Существовая до пришествия Пророка, они будут жить и тогда, когда не останется и следа Каабы. Я не удивился бы, если б между племенами, блуждающими на границе большой пустыни, показались какие-нибудь новые следы идолопоклонничества.

«Мы не молимся, – говорят они, – потому что пьем воду, назначаемую для омовений, не подаем милостыни, потому что сами просим ее, не постимся в посту, потому что голодаем целый год, и не странствуем по святым местам, так как весь мир есть дом Божий».

Чтобы жить между ними в безопасности, иностранец должен как можно меньше расспрашивать их, никогда ничего не рисовать и не писать публично, кроме заговоров или колдовства, не иметь хорошего оружия и довольствоваться медными часами. Избранный спутник не должен быть очень склонен к родовой мести, кроме того, он должен принять небольшую сумму как поруку в его верности, часто обедать с вами, потому что как ни уважаются на Востоке права гостеприимства, но все-таки лучше, по крайней мере у многих племен, возобновить их каждый день, т. е. угощать каждый день, иначе они говорят, что сегодня вашего хлеба-соли уж нет в желудке. Словом, про бедуина можно так сказать: «Доверяя их чести, можно быть спокойным», но и это одинаково справедливо: «полагаясь на их вежливость», можно быть уверенным, что они выдерут все волосы.

Племена не повинуются своим шейхам, и в их львином обществе, как сказано выше, сабля есть руководитель всего.

Мы прошли около 112 верст и были уже вне территории Медины, как однажды вечером увидели, что место нашей стоянки было уже занято караваном из Багдада. Он состоял из персиян и небольшого числа курдов.

Только что мы расставили палатки, как услышали вдали выстрелы

отличающим хадж в Новое время, является то, что мусульмане уходили в Мекку целенаправленно выбирая маршруты, чтобы путь их лежал через те места, где испокон веков учились мусульмане, чтобы приобрести знания в медресе и других учебных заведениях: либо через Среднюю Азию, где в основном Бухара, Самарканд и Хива, либо через Стамбул, Сирию, Египет. По сравнению с сегодняшним днем до Первой Мировой в большей степени мусульмане России умели читать и писать не только на своих родных языках, но также и на арабском и персидском, вследствие того, что хаджи, отучившись на пути в Мекку или обратно основам ислама, грамматике и языкам по возвращению, имея статус хаджия, что высоко ценится среди верующих, обучал своих сородичей, родных и детей. Сегодня же, перелет за 4–5 часов до Джидды, совершение обрядов хаджа за неделю и перелет обратно, облегчает паломникам путь. Однако, людей целенаправленно уезжающих на хадж, чтобы задержаться и приобрести

<sup>48</sup> Халиф аль-Мутасим (833–842).

<sup>49</sup> Амория или Амморей (греч. Αμορίον, лат. Amorigium, араб. Ammuriye) – византийский город во Фригии, в настоящее время его руины расположены возле селения Hisarköy, в 12 км от города Эмирдаг в Турции.

знания, почти и нет.

Как и у православных, так и у мусульман паломническая традиция в советский период претерпела упадок. Количество паломников резко упало, получить разрешение на поездку стало трудно, мечети разрушались, медресе закрывались. Известные 37–40-ые года сталинских репрессии, унесшие жизни религиозных деятелей и не только, лишило мусульманское общество авторитетных улемов, имамов, муфтиев, за кем и держалась мусульманская община. Все это сказалось и на связях мусульман России с арабским миром. Здесь следует напомнить, что хадж в советский период малоизучен, так как имеется малое количество источников, не рассекречены архивные материалы. В этом плане, хотелось бы отметить, большую ценность по изучению хаджа в советское время и ислама, в целом, представляет личный архив семьи муфтиев Бабахановых. ИД «Медина» уже издал книгу «Жизнь муфтиев Бабахановых: Служение возрождению ислама в Советском Союзе» и готовит к изданию переводы записей и отчетов муфтиев. Три поколения из рода Бабахановых были организаторами и руководителями Духовного управления мусульман

и странный шум. Все мои спутники разбежались в разные стороны узнать причину драки. Дело было в том, что багдадский караван, состоящий не более как из 2000 человек, включая женщин и детей, объявил дамасскому каравану, что он готов померяться с ним силами, если тот не желает уступить ему первенство. С тех пор оба каравана располагались лагерем отдельно.

Я не видывал людей задорливее этих, встретившихся нам на пути: одного взгляда довольно было, чтоб затеять стычку. Так, например, один ваххабит, который расположился против нас, показал нам кулак, не вынося трубок с длинными чубуками, которые мы мирно курили. Мы не могли устоять, не наказать эту наглость, предложив ему очень любезно одну трубку – предмет его отвращения. Он тотчас схватил свой кинжал, но, впрочем, сейчас же опять вложил его в ножны, как только увидел, что мы все направили свои пистолеты на него. Эти люди предпочитают сталь свинцу. Была уже ночь, когда мы совсем успели расположиться. Несмотря на то, бедный Мезуд пошел за водой, чтобы напоить своих верблюдов, не пивших уже трое суток, но он возвратился совсем не в духе: солдаты, овладевшие опять колодцами, вынудили его заплатить 10 франков.

Восьмого сентября между полуденными и вечерними молитвами мы переменили наши дорожные платья на платья пилигримов. Цирюльник обрил нам волосы, обрезал ногти и подстриг усы. Выкупавшись и надушившись, мы завернулись в два новых хлопчатобумажных куса материи, каждый около двух метров длины и в 96 сантимов ширины, белой с красной бахромой и узкими полосками. Один из кусков набрасывается на спину и не покрывает только правого плеча и правой руки, другой завязывается узлом посередине, сжимает бока и таким образом висит от пояса до колен. Головы были не покрыты, и ничего не надо было привязывать к подъему ноги. Этот костюм, который, вероятно, относится к глубокой древности, далеко неудобен. Потом шейх Абдулла, руководитель нашей совести, посоветовал нам вести себя, как следует пилигримам: избегать ссор, неприличных разговоров и безнравственности. Мы не должны были стрелять дичь, ни даже пугать животных, ни чесать в голове ногтями, а открытой ладонью, чтобы не уничтожить ни одного насекомого и не вырвать волоса, не только не дотрагиваться до деревьев, но даже не срывать травы. Масло, духи, помада – все было нам запрещено. Чтобы вымыть голову, мы не смели употреблять ни листьев мальвы, ни придорожной травы, не смели ни красить, ни брить, ни подрезать волосы, никогда не покрывать головы, хоть впрочем, не запрещалось пользоваться тенью или образовывать ее, сложив руки над головою. За каждое нарушенное правило должно было приносить ягненка в жертву.

При выходе из этой равнины вид каравана был действительно живописен. Пилигримы толпою покрывали дорогу: их белые новые одежды представляли странный контраст с их черною кожею, их бритые головы блестели на солнце. В скалах далеко отдавались их крики: «Я тут, я здесь! О Боже мой!».

Ниже в равнине мы встретили ваххабитов, сопровождавших караван из Багдада и которые также восклицали: «Я здесь, Боже мой!». Во главе их шел человек с широкими и звучными цимбалами<sup>50</sup>, за ним другой нес зеленое знамя, на котором белыми буквами было написано исповедание мусульманской веры. Остальные шли парами. Это были горцы со своим диким и свирепым видом, волосы их были заплетены в маленькие косички, каждый нес длинное копьё, ружье с фити-

<sup>50</sup> Цимбала – струнный ударный музыкальный инструмент.



лем, кинжал и седла грубые деревянные без подкладки и без стремян. Женщины были не лучше. Они сами правили своими дромадерами, сидя в дамских седлах, и не отъезжали далеко от своих мужей. Они были без покрывал, и вообще непохоже было, что они принадлежат к прекрасному полу. Ваххабиты не очень-то приятные спутники. Их вьючные животные, как бешеные, бросались в ряды наших, связанных между собою, – все путалось, начиналась страшная суматоха. Каждый раз, как мы курили, люди эти вслух проклинали нас, называли нас неверными и идолопоклонниками.

К вечеру дорога, по которой мы следовали, приняла угрожающий вид. Направо возвышалась каменистая гора, у подошвы которой обыкновенно течет поток, когда там есть вода, теперь же мы шли по его дну, потому что все остальное ущелье было непроходимо от колючих растений и скал. По мере того как мы углублялись в эту опасную долину, нам становилось страшно, голоса женщин и детей умолкали, а мало-помалу и благочестивые усердия молитвы пилигримов. Вдруг я увидел на вершине скал по правую сторону маленький кружочек дыма с дамское колечко, почти в то же мгновение раздался ружейный выстрел, и дромадер, шедший передо мной, рухнул на песок, пораженный в сердце пулею, всадник отлетел кувырком на 4 или 5 метров. Началось ужасное смятение. Женщины издавали крики ужаса, дети вопили, мужчины кричали, и каждый старался встать вне выстрелов, дорога была слишком узка для этого, а потому давка и смятение увеличились еще более. При каждом выстреле эта неподвижная масса содрогалась. Наемные солдаты совершенно бесполезно скакали туда и сюда по камням, крича и давая совсем противоположные приказания. На краю пропасти паша велел разостлать свой ковер и за трубкою обдумывал со своими офицерами, что делать. Никому и в голову не приходило очистить эти вершины.

В этом случае я одобрил поведение ваххабитов, которые прискакали галопом: косички их развевались во все стороны, зажженные фитиля странно освещали их лица. Они заняли позицию, одни отсюда начали стрелять по разбойникам, между тем как 200 или 300 ваххабитов соскочили на землю, бросились бегом через скалы под командой их шейха Заида. Счастье наше, что этот начальник, известный своею храбростью, взялся сопровождать караван до Мекки. Скоро выстрелы стали отдаляться, разбойники бежали, наш авангард снова двинулся в путь, а за ним вся масса пилигримов. Шейх Мезуд, преодолевший все препятствия, спас нас от гибели, но тем не менее мы потеряли много людей, а еще более сундуков. Очевидно, что разбойники имели в виду обильную поживу да еще верблюдов себе на жаркое.

При начале стычки я зарядил свой пистолет и приготовился стрелять, но видя, что это ни к чему не поведет, а для эффекта принялся кричать и постарался погромче: «Подайте мне ужин!». Шейх Нур, весь дрожа, не смел пошевелить пальцем от страха. Магомед только проворчал: «О, эфенди!», а соседи мои с негодованием воскликнули: «Черт возьми! Он никак есть собирается?». Шейху Абдуллу из Мекки, душа-человек, что называется, понравилось это, и он со своих носилок крикнул мне: «Эфенди! Это всегда так бывает у афганистанцев?» – «Да, непременно, – отвечал я громче. – В моей земле всегда, как нападут разбойники, сейчас обедать, ведь эти люди всегда отправляются спать без ужина». Шейх покотился со смеху, другие окружающие, кажется, обиделись. Напрасно выкинул я эту шутку, эффект не удался, подумал я, но потом оказалось, вследствие одного небольшого происшествия

Средней Азии и Казахстана (1943–1989) и Отдела международных связей мусульманских организаций СССР (1962–1989).

Деятельность муфтиев была направлена на распространение и повсеместное утверждение миротворческих идей Ислама, очищение от ереси его священных принципов; на преодоление накопившихся за длительное время идейных расхождений, которыми отличаются различные течения в Исламе.

Хадж мусульман России наметили тенденции к постоянным связям с Арабским миром в разных сферах жизнедеятельности, упрочняя и развивая их. Из года в год, из столетия в столетие принимая опыт, культуру, традиции друг у друга Россия и Арабский Восток пришли к XXI веку с богатой традицией взаимопочтения обычаев, всестороннего сотрудничества и веротерпимости. Что требуется от сегодняшних политиков, служащих госаппарата, в чьих руках рычаги управления внешней и внутренней политикой страны, так это не растерять накопленный опыт, а развивать дальше в интересах своих граждан, государства – для сохранения мира, стабильности и взаимопочтения.

Примечания:

<sup>1</sup> Носова Г.А. Бытовое православие (на материалах Владимирской области). Дис. канд. ист.наук.М., 1969. С. 227.

<sup>2</sup> Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX вв. Н. Новгород, 2002. Стр. 169.

<sup>3</sup> А.Б. Халидов. Сообщение арабской хроники XII в. о посольстве из Булгар в Багдад //Ш. Марджани: Наследие и современность. Материалы международной научной конференции. – Казан: Мастер Лайн, 1998. – С. 82.-84.

<sup>4</sup> Фахретдин Р.«АСАР». Том 1. Изд-во «Рухият», Казань 2006 г.

<sup>5</sup> Фахретдин Р. Асар. – 2 джуз. – Оренбург, 1901. – С. 35; Хабутдинова М. Симети М. // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004.

<sup>6</sup> Фахретдин Р. Рихлят Марджани. – Казань, 1902 г. С. 35.

<sup>7</sup> «Рихлат ал-Марджани» («Путешествие Марджани») // Очерки Марджани о восточных народах. – Казань, 2003. – С. 54–75.

<sup>8</sup> Полный текст хадж-наме Марджани см.: «Хадж российских мусульман». Сборник путевых заметок о хадже. № 1. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. Так же см. газету: Медина аль-Ислам № 88 /Декабрь 2008/.

<sup>51</sup> Долина Мина – небольшое предместье Мекки, которое простирается от столба джамарат аль-‘Акаба до вадии Мухассир.

<sup>52</sup> Горы Абу Кубайс – один из склонов холм Сафа, начало са’и до холма Марва.

не дороге в Джедду (Джидду), что я несколько ошибался.

На другой день в четыре часа пополудни, когда мы вступали в одно ущелье, нам встретился шериф Мекки, Абд-эль-Моталейб-бен-Галиб, старик с африканскими чертами лица, которое казалось еще чернее от его белой одежды и тюрбана.

Мы продолжали наш путь, и к часу утра я проснулся от криков: «Мекка! Святынище! Я здесь, Господи!». Я выглянул из моих носилок и различил при свете звезд темное очертание большого города, тень на нем была еще темнее равнины. В два часа утра мы стояли у ворот дома родителей моего Магомеда.

## Глава VII Кааба

**Прием у Магомеда. – Шесть возобновлений мечети со святилищем. – Семь молитвенных хождений вокруг Черного камня. – Черный камень. – Вода Зам-Зама. – Вид Каабы ночью. – Опасности странствия на Арафат. – Адам и Ева на горе милосердия. – Шериф Мекки, отправляющийся на Арафат. – Побиевание великого дьявола камнями в Мине<sup>51</sup>. – Мы сняли одежду пилигримов. – Внутренность и убранство Каабы. – Заклание жертв в Мине. – Место жертвы Авраама.**

Магомед оставил меня, а сам пошел стучаться в громадную дверь дома, где жили его родители. Долго пришлось ему там стоять и успокаивать подозрения индийца-привратника, который наконец поверил ему и отворил. Он бросился в верхний этаж скорее обнять свою мать. Через минуту пронзительные крики объявили по обычаю того края счастливое возвращение путешественника.

Молодой человек не заставил себя долго ждать, он как будто переродился в эти несколько минут: обыкновенно пылкий и ветреный, он вдруг сделался важным, внимательным и любезным. Верно, оттого, что я был теперь его гостем. Он привел меня в темный зал, пригласил сесть на большую скамейку, покрытую ковром, и попросил привратника принести огня. Над головой я слышал чьи-то шаги в туфлях, голод подсказал мне, что, верно, это хозяйка дома хлопочет о нашем угощении. Едва успели развьючить верблюдов, как нам принесли кушанье из вермишели, приправленное сахаром и покрытое жженым леденцом. Магомед, я и шейх Нур усердно принялись убирать это правой рукой. Или мы были очень голодны и уставши, или же вследствие нашей непривычки к кухне во время путешествия, кушанье это показалось нам восхитительным. Потом мы послали в соседний ресторан за всякими постелями, думая отдохнуть еще часа два до рассвета.

Мы проснулись, когда первые лучи солнца освещали только извилистые верхушки Абу-Кубайса<sup>52</sup> – это возвышенность на восток от Мекки, здесь, говорит предание мусульман, похоронены Адам и Ева. Мы выкупались, вычистились, нарядились и отправились в храм.

Наконец-то исполнились мечты стольких лет! Наконец-то достиг я цели моего долгого и трудного странствия.

Мы вошли главным из входов, спустились по двум длинным лестницам, прошли стену и очутились перед Святынищем, этим центром всего магометанского мира. Мало на свете мест, так почитаемых и столькими вероисповеданиями. Нет здесь ни гигантских украшений

самой отдаленной древности, как в Египте, ни остатков изящной и гармонической красоты Греции, ни дикой восточной роскоши Индии, и, несмотря на то, впечатление этого места поразительно. Не многим из христиан удавалось бывать здесь. Из всех почитателей святыни, которые в слезах умиления прикладывались к покрову или же припадали с трепетом сердечным к этому камню, кажется, место это ни на одного не произвело такого впечатления, как на меня, странника далекого Севера. Я перенесся мыслью в поэтические легенды арабов, и мне в самом деле казалось, будто движения крыльев ангелов, а не легкий утренний ветерок, надували покров Каабы. Впрочем, мною при этом руководила удовлетворенная гордость, тогда как другими – священный религиозный восторг.

Дав несколько минут осмотреться, Магомед наконец напомнил мне, что пора начать молитвенный осмотр.

Мы вошли в очерченный вокруг Каабы овал западной дверью, в том месте, по преданию, находился дом одной старухи, которая с тем только позволила Аврааму скрыть его для храма, чтобы ключи от него постоянно хранились у нее и ее потомков. Миновав Авраамово место, мы подошли к колодцу Зам-Зам, там выпили по целой чашке этой солодковатой воды, дали порядочную сумму разносчикам ее, которые тут же при нас разделили большую часть денег бедным пилигримам. Наконец мы достигли входа в Каабу, или лучше юго-восточного угла здания, которое примыкает к ней. Там хранился знаменитый Черный камень. Нам не позволили на этот раз приблизиться, мы должны были издали совершить наши молитвы, затем началось хождение вокруг камня. Ходили мы по овальной полированной площадке вокруг Каабы: три круга скорым гимнастическим шагом и четыре медленным, и всё твердя указанные молитвы.

После этих обхождений мы хотели попробовать приложиться к Черному Камню. Вокруг него теснилась толпа бедуинов и пилигримов<sup>53</sup>, и я отчаивался просто подойти поближе посмотреть камень, но Магомед доказал здесь, что он умеет преодолевать препятствия. Несколько раз он напрасно обращался к пилигримам с просьбой посторониться, но они и не поворачивались, предоставляя нам глядеть на их спины и затылки, тогда Магомед собрал человек шесть своих знакомых из Мекки и, недолго думая, с их энергичною помощью живо очистил место для прохода. Бедуины окрысились на нас, но они были без оружия, к тому же (то было осеннее время) в продолжение предыдущих шести месяцев они сидели на одном молоке и походили на какие-то мумии, я один справился бы по крайней мере с полдюжиной их. Таким образом, несмотря на всеобщее негодование, мы добрались-таки до камня и оставались там около 10 минут, не слушая криков негодующих.

Я внимательно рассматривал этот камень, усердно целуя его и ощупывая руками и лбом, и нашел, что это было не что иное, как аэролит.

Мы изнемогали от усталости, ноги и голова побагровели от горячих плит и лучей солнца. Я не мог больше выносить и ушел из мечети.

Вечером я опять посетил Святылище вместе с Магомедом и шейхом Нуром, который шел сзади и нес фонарь и коврик для молитвы. Раз, испытавши всю ужасную боль поклонения святому месту днем, я не хотел пропустить случая насладиться там всею прелестью и обаянием восточной ночи. Свет ночи луны падал на холм Абу-Кубайса и таинственно освещал всю картину. В середине освещенного места,

Медина аль-Ислам № 87 /10–23 ноября 2008/,  
Медина аль-Ислам № 86 /3–9 ноября 2008/.

<sup>9</sup> Альмушев Х. «Хадж-наме». Книга о хадже. — Путевые записки. Н. Новгород: изд-во НИМ «Махинур», 2006 г.

<sup>10</sup> Полный текст путевых записок Ш. Ишаева см.: «Хадж российских мусульман». Сборник путевых заметок о хадже. № 1. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008.

<sup>11</sup> Радикально настроенных.

<sup>12</sup> Фонд «Посольство в Константинополе». Опись 517/2.1891.

<sup>13</sup> Полный текст хадж-наме Х. Альмушева см.: «Хадж-наме. Книга о хадже». — Путевые записки. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006., С. 56.

<sup>14</sup> К сожалению, они не опубликованы на современном языке.

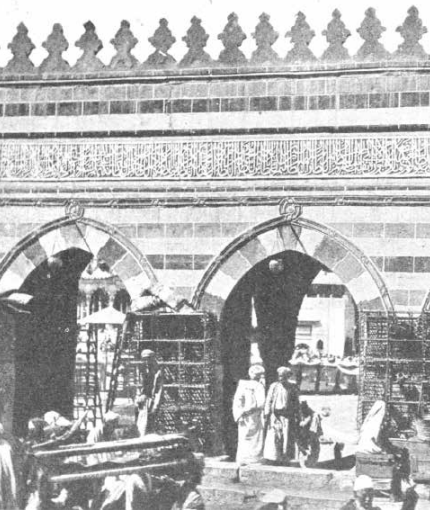
<sup>15</sup> ИИАИТ, РИУ. «Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность». Очерки. Казань, 2002 г. С. 96–101.

<sup>16</sup> Давлетшин. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. Спб., 1899.

<sup>17</sup> Отчет о командировке в Джидду врача Д. Заболотного. СПб., 1897 г.

<sup>18</sup> Журнал «Дарьял» от 2004 года № 2.

<sup>53</sup> Было ужасно тесно, почти невозможно было приложиться к камню губами, только некоторым счастливым это удавалось, другие же довольствовались тем, что протянуть руку, дотронуться кончиками пальцев до камня и живо, пока не остыло, поцелуют в то место пальцев и пошлют, таким образом, воздушный поцелуй Каабе.



Источник Зам-Зам

Предисловие и публикация  
С. Плахтия.

<sup>19</sup> Яровой-Равский В. И. Паломничество (хадж) в Мекку и Медину // Сборник материалов по мусульманству. – 1889. – Т. 1.

<sup>20</sup> Миропиев М. Религиозное и политическое значение хадж. Казань, 1877 г.

<sup>21</sup> Там же. С. 147–148.

<sup>22</sup> Тухолка С. Русские паломники в Хиджазе. Сборник консульских донесений. Вып. 6. 1901 г.

<sup>23</sup> Никольский М. Э. Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Т. 124 (апрель-май), 1911 г.

<sup>24</sup> Соколов Д. Ф. Поездка в город Джедду // Исторический вестник. – 1902 г. – Т. 88, май.

<sup>25</sup> Полный текст отчета А. Давлетшина см.: «Хадж российских мусульман». Сборник путевых заметок о хадже. № 2. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. Так же см. газету: Медина аль-Ислам № 101 /Февраль 2010/, Медина аль-Ислам № 100 /Январь 2010/, Медина аль-Ислам № 99 /Декабрь 2009/, Медина аль-Ислам № 98 /Ноябрь 2009/.

как огромная гробница, возвышалось здание совсем темное, исключая некоторых мест, где луч света падает на драпировку: точно серебряные полосы извивались на самом черном мраморе. Это невольно поражает взоры. Перед этим ступали бы здания даже вроде грандиозных пагод с их золочеными и лепными куполами. Перед глазами был только этот храм единому Богу, Богу Авраама, Измаила и его потомства.

На овальных подмостках вокруг Каабы стояла целая толпа мужчин, женщин и детей, почти все были разделены на группы, из которых одни бегали, другие шли медленно-важно, третьи стояли и просто молились. Сколько контрастов! Тут на коленях аравитянка в своем длинном черном платье, в покрывале, из отверстий которого дико сверкают глаза, возле – индианка с совсем открытым и каким-то сентиментальным лицом, укутанная в свою узкую одежду, – торопится на своих тонких ногах закончить свое хождение вокруг Святыни. Иногда приносили покойника на деревянных носилках, обносили вокруг Святыни, обыкновенно только четверо, которых в свою очередь по обычаю почти несли на руках другие мусульмане. Несколько бледнолицых турок с холодным и гордым видом расхаживали взад и вперед, где-нибудь в углу стоял еще житель Калькутты в своем тюрбане набекрень, подбоченясь, и равнодушно-небрежно рассматривая всю эту двигающуюся толпу, какой-нибудь горемыка с воздетыми руками, всеми частями тела стараясь дотронуться до Каабы, припадал к ее покрову, рыдая так, как будто разрывалось его сердце.

На другой день утром, в понедельник 12 сентября 1853 года, шейх Мезуд до зари пришел стучаться в нашу дверь и торопил нас скорей собираться на гору Арафат, чтобы поспеть туда, не встретившись с опасным караваном из Египта или Багдада. Мы все-таки выехали только к 10 часам, и все из за деспотического упрямства молодого Магомеда, который ни за что не хотел брать с собою племянника, наконец он согласился, бедный ребенок горько плакал, я взял его к себе на носилки. Посадил между нами, и мы отправились в путь.

На дороге было уже много пилигримов в белых платьях: одни – пешком, другие – на лошадях, все мужчины или босые и с непокрытыми головами. Большая часть людей побогаче ехали на ослах, бедуины – на своих быстрых дромадерах, турецкие чиновники – на великолепных лошадях. Там и сям по сторонам дороги валялись трупы животных.

Арафат находится в 20 верстах к востоку от Мекки. Верблюды наши издыхали от усталости, люди страдали еще больше. Между Миной и Арафатом я сам видел, как несколько (около 5) человек замертво упали на большой дороге. Измученные, еле живые, они с трудом тащились сюда, чтоб умереть здесь, в этом месте, откуда душа отходит прямо в обитель вечного блаженства. Как легка смерть в этих широтах! Каждый из этих людей вдруг ослабевал, падал, как пораженный громом, несколько конвульсий – и он вытягивался неподвижным, как мраморная статуя. Трупы людей заботливо подбирали и небрежно закапывали между прежде похороненными жителями этой равнины.

У молодого Магомеда положительно обратилось в манию противодействовать моему упрямству не слыть дервишем, и также на этот раз он не утерпел и затеял эту поездку en grand – взял с собою двух своих кузенов, 16- и 17-летних мальчиков и всех служителей из дома матери. Служители эти были четыре индийца: старик, его жена, наружность которой была совершенно обыкновенна, их сын, славный мальчик, говоривший очень хорошо по-арабски, и родственник их лет 30. Они были из Пенджаба. Этот их родственник честным трудом жил

в своей стране, как однажды ночью ему явился Хацат-Али (возможно: Хазрат-Али. – Ред.), весь в зеленом, на своем боевом коне, и потрясающим голосом закричал ему: «Долго ли будешь ты трудиться для мира сего и ничего не делать для вечности?». С тех пор индеец не имел ни днем ни ночью покоя, жизнь стала для него невыносима, он кончил тем, что продал все свое имущество и на вырученные за него 500 франков отправился в Святую Землю. В Джедду (Джидду) он явился почти без гроша, а в Мекке, где все стоит непомерно дорого и где никто не думает о милосердии, он, наверно, умер бы с голоду, если б не встретился с одним своим родственником. Мать Магомеда взяла себе в услужение старика с женой и сыном и даже дала им еще взять к себе их родственника. Эти бедняки только и ждали удобного случая, чтобы сходить в Медину.

Арафат, или гора Милосердия, состоит из гранита, разбитого на громадные куски и покрытого слегка сухим хворостником, она имеет около 11/2 версты в окружности и возвышается над песчаной долиной на 55–60 метров. С нее очень живописен вид: вдали голубоватые вершины гор, ближе, на песчаной равнине, бесчисленный лагерь, по моим соображениям, там было до 50 тыс. пилигримов всех возрастов и обоих полов.

Название и почитание Священного Холма объясняется следующей легендой. Когда прародители рода человеческого ослушались Бога, вкусив запрещенного плода, потеряли свою первобытную чистоту и были низвергнуты на землю, змей спустился в Испаган (Исфаган), павлин – в Кабул, Ева – на Арафат, а Адам – на Цейлон. Решившись отыскать жену, Адам отправился путешествовать, и вот благодаря этому-то путешествию земля представляет такой вид. Везде, где наш праотец ступал своей широкой ногой, образовался впоследствии город, а между шагами всегда рано или поздно выстраивалась деревня. Наконец после многолетнего странствия достиг Адам горы Милосердия, где жила наша праматерь и громко зывала к нему. Из благодарности они назвали это место «Арафат». На вершине холма по наставлению Архангела Адам построил молитвенное место, здесь и в мечети Нимза провела первая чета остальные дни своей жизни. Впрочем, некоторые утверждают что Адам, найдя Еву, возвратился вместе с нею в Индию, откуда продолжение следующих 44 лет они каждый год приходили в священный город, именно во время, принятое для путешествия.

Мне случилось быть в некоторых палатках бедуинов этой пустыни, и я заметил, что они гораздо чище и далеко не так вонючи, как у арабов-горожан. Бедный Мезуд, который все время затыкал нос, был в восхищении от этого замечания и, ударив меня по плечу, сказал. «Вы правы, усатый отец! Я в этом году покажу вам и черные палатки моего племени».

Наконец наступила ночь, но мы не могли спать, потому что вся равнина оглашалась криками.

Несколько пушечных выстрелов возвестили, что настало утро и пора вставать готовиться к церемониям этого тревожного дня. После омовения и молитвы мы с Магомедом пошли осматривать священные места горы Милосердия.

Сначала мы направлялись к маленькому возвышению на 100 метров к юго-востоку от горы. Там, внутри одной очень низкой стены, находятся два куска гранита, на которых Пророк стоял во время молитвы. Потом, счастливо одолев все препятствия, мы миновали палатки и скалы и добрались наконец до горы и начали подниматься по грубым



Пристань для высадки паломников в Ямбо

<sup>26</sup> Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008 г.

<sup>27</sup> Резван Е. А. Хадж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998 г.

<sup>28</sup> Ислам в России. М., 1996 г. С. 22.

<sup>29</sup> Ризаэтдин Фахретдин. «АСАР». Том 1. Изд-во «Рухият», Казань 2006 г.

<sup>30</sup> См. таблицу в журнале «Минарет» № 3–4 (25–26) 2010, статья: Хадж глазами паломников, госслужащих и улемов. Так же: хадж российских мусульман № 1, статья: Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему.

<sup>31</sup> «Жизнь муфтиев Бабахановых: Служение возрождению ислама в Советском Союзе». А. Усманходжаев. Москва–Н. Новгород: ИД «Медина», 2008 г.



Богомольцы в ожидании парохода в Ямбо



Паломники на пароходе

ступеням широкой лестнице, ведущей на вершину южной стороны горы. Несмотря на раннее время, там было уже много пилигримов, в особенности бедуинов и ваххабитов, которые заранее позаботились достать себе место, где была бы слышнее проповедь. Они воткнули уже свои зеленые знамена возле вершины на месте молитвы Адама. На половине дороги я уж насчитывал 66 ступенек и заметил, что чем выше, тем они становятся уже и круче. С этой вершины Магомед говорил проповеди правоверным, и до сих пор по примеру последнего пророка проповедник в известный день говорит проповеди, сидя на своем дромадере.

Несмотря на возрастающие трудности, мы не отчаивались дойти до вершины, где находится широкая платформа. Там была когда-то маленькая часовня, но ваххабиты разрушили ее, теперь от нее осталась только каменная ниша для молитвы и что-то вроде обелиска жалкой работы, выбеленного под известь, он виден очень далеко. Это место молитвы Адама. На обратном пути мы увидели с право от нас источник, снабжающий водою эту местность, он выходит из самой горы, а потому вода в нем уж, конечно, самая чистая.

Было более 9 часов, когда мы сошли в равнину. Все были оживлены, пушечные выстрелы не прекращались. Всадники со всех сторон, бродили там и сям женщины и дети, слишком взволнованные, чтобы спать.

В этот день мы завтракали очень поздно, зная, что нельзя будет ничего есть до ночи. После полуденных молитв мы совершили омовение посреди усиливающего шума, наконец в четверть четвертого новый залп пушечных выстрелов возвестил час «эль-асры», или послеполуденных молитв. Тотчас же заиграла музыка, которой открывалось шествие шерифа на гору. Моя палатка была, к счастью, у самой дороги, так что я без хлопот мог полюбоваться этим зрелищем.

Во главе шло несколько человек, несших булавы, они по обыкновению довольно бесцеремонно пробивали себе дорогу, за ними следовали наездники пустыни с длинными копьями, украшенными кисточками, затем вели лошадей шерифа, все породистые и малорослые особенно одна – лошадь Неджда, гнедая, с черными пятнами, была чудом арабской породы. Что до попон, то о них лучше и не говорить – самый незначительный индийский князь постыдился бы показать такую упряжь и попоны в каком-нибудь торжественном случае. Черные рабы вели коней под узды, у каждого было большое ружье с фитилем, наконец, предшествуемый тремя зелеными и двумя красными знаменами, ехал на муле, в белой одежде, с непокрытой головой шериф, за ним все его семейство и придворные. Широкий зеленый зонтик, шитый золотом, который нес служитель над головой шерифа, был единственным отличительным знаком его достоинства. Шествие заключалось толпой бедуинов на лошадях и верблюдах.

Эта процессия медленно подвигалась к горе. Шериф и окружающие его поместились поближе к месту проповеди, другие – по всему спуску и даже у подошвы горы. Все точно замерло в торжественном молчании, проповедь началась. Из моей палатки мне видно было старика-проповедника, который сидел на верблюде, но, конечно, ни одно слово не долетело до меня. Эта проповедь продолжалась три часа; изредка слышалось то «Аминь», то «Я здесь, Господи»; наконец все слилось в общий хор крика, плача, рыдания, тона! Волнение овладело также и нами, и молодой Магомед закрыл даже лицо складками платья, некоторые группы начали спускаться, те, которые были внизу,

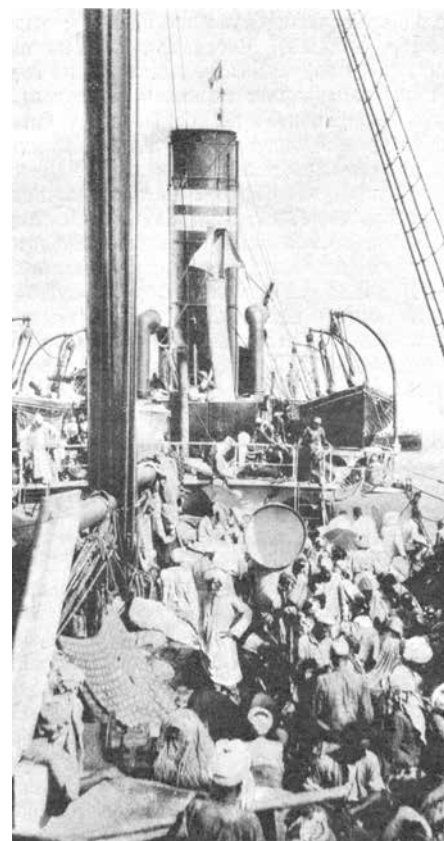
начали уже снимать палатки и навьючивать верблюдов; все торопились изо всех сил, потому одним только бедуинам были по вкусу бешеная скачка и смятение на возвратном пути с горы Арафат. Мы также торопились, как только могли, и все-таки не успели тронуться в путь до захода солнца именно в ту минуту, как проповедник разрешил разойтись. С громким криком, подобным взрыву, пилигримы бросились, как неуправляемый поток, к подошве холма и направились к Мине. Это именно и была та бешеная скачка, о которой мне рассказывали. Была ночь. Все как сумасшедшие гнали верблюдов. Равнина была усеяна ботами от палаток, носилки ломались, пешеходов опрокидывали, даже верблюды падали, драка со всех сторон: сущий хаос!

В ущелье, через которое нужно было пройти из долины Арафат, стало еще ужаснее. Верблюды вместе с носилками натыкались с шумом на стены. Никто не мог сообразить, что с ним делается. Пушечная пальба усиливала шум, и залп блестящих ракет увеличил смятение женщин и детей, пораженных ужасом, музыка не переставала, пилигримы кричали что было сил: «Да будет праздник этот благоприятен!»

Дальше опасность стала меньше. После трех часов утомительной ходьбы мы пришли к мечети, которая вся была освещена, мы были слишком голодны и утомлены, чтобы опять начать наши молитвы. Не забыв поднять здесь по обычаю по 7 камешков, мы отправились поужинать, все легли отдохнуть, исключая молодого Магомеда, который поехал далее выбрать нам место для палатки в Мине.

На другой день утром мы едва отыскали его. Вымывшись семью водами, т. е. водою с семи камешков, мы завязали их в угол нашей одежды и поехали прежде на западный конец улицы, на которой расположена деревня Мина. Там возвышается то место, где побивают камнями великого сатану, среди деревни и еще на восточном конце улицы находятся другие два места побивания камнями. На этих трех местах, говорит предание, дьявол в образе шейха являлся Адаму, Аврааму и Измаилу, которые отогнали его, бросая в него по совету архангела Гавриила камнями величиною в боб.

Первое место есть возвышение грубой каменной работы, вышиною около 2 метров, оно опирается на каменную стену, в глубине переулочка, шириною не более 12 метров, с одной стороны его – ряд лавок, преимущественно цирюльников, а с другой – шероховатая стена, усеянная босоногими мальчишками и бедуинами. Так как побитие должно совершаться в первый же день прибытия сюда, от восхода до захода солнца, то с утра уже толпа пилигримов теснилась и толкалась в этом узком пространстве, так что место это было довольно опасно. При нашем прибытии пилигримы, чтоб приблизиться к дьяволу, которого представляло это возвышение, начали так бешено работать руками и локтями, как будто бы их руки накрепко связаны. Право, по головам можно было бы удобно пройти, как по полу, а между тем в толпе многие были на пугливых лошадях, бедуины – на своих диких верблюдах, важные лица – на мулах или на ослах. На всякий случай я запасся кинжалом, и мне не пришлось в этом раскаться. Едва мой осел вошел в толпу, как был опрокинут дромадером, я мигом очутился под его ногами. Благодаря моему оружию меня не раздавили, я кое-как выкарабкался из такого опасного места, в одно время со мной вышел оттуда и Магомед с расшибленным до крови носом. Это убедило нас лучше подождать терпеливо удобного случая: мы сели на скамью перед навесом цирюльника. Наконец толпа немножко раздвинулась, и нам удалось подойти к дьяволу на расстояние двух метров, мы начали



Паломники на пароходе



Арабский купец



Богомольцы на Арафате



Одни из ворот Медины



Могила Фатимы в окрестностях Медины

бросать в него правой рукой наши 7 камешков, каждый раз приговаривая: «Делая это во имя всемогущего Бога, в знак моей ненависти к дьяволу и чтобы посрамить его!»

Возвратясь потом к навесу цирюльника, мы сели на одну из окружающих его земляных скамеек. Настало время снимать наши одежды пилигримов. Цирюльник постриг нам волосы, бороду и обрезал ногти, хоть у нас и не было другой одежды, но теперь по крайней мере мы могли употребить в дело, что имелось, чтобы прикрыть ноги и голову от солнца, могли также спокойно крутить усы и гладить бороду. Мы пробыли у цирюльника целый час, и несмотря на покупателей, теснившихся здесь, тут было даже прохладно сравнительно со жгучей жарою дороги. Потом мы решили ехать и на рысях возвратились в Мекку.

Не успели мы войти в дом, как Магомед уж погонял меня: «Ну, эфенди, живо мойтесь, одевайтесь и марш!». Дело в том, что надо было воспользоваться этим временем, пока Кааба была пуста. Я остался в платье пилигрима, только оправил его, и, не теряя времени, мы вышли. При нашем появлении закричали: «Дорогу пилигриму, который идет посетить дом Божий». Два сильных служителя подхватили меня на руки, передали третьему, который втащил меня наверх здания. Меня сейчас же окружили темные личности, из которых самый черный и некрасивый был молодой человек из семейства Бени-Шейба<sup>54</sup>, самой благородной крови Хиджаза. Он спросил мое имя, где моя родина и еще несколько вопросов в таком роде, которыми он, верно, удовольствовался, потому что Магомед получил приказание обвести меня вокруг здания и совершить молитвы.

Признаюсь, не без волнения стоял я в этой комнате, оберегаемой силачами-слугами, среди стен без окон. Узнай кто-нибудь о моей вере и о том, кто я, – ничто не спасло бы меня от смерти. Это не помешало мне впрочем, все хорошенько заметить.

Пол находился в уровень с наружной землей, состоял из прекрасных мраморных плит, разноцветных и расположенных как шахматная доска. Стены, насколько я мог их рассмотреть, были из того же материала, только из неправильных кусков его. Верхняя часть стены и потолок, на которые нельзя было посмотреть, не ахнув от удивления, были обиты великолепным красным дама, по которому вышиты золотые цветы. Материя ясно обрисовывает три поперечные балки, каждая из них посередине поддерживается колонной, между которыми на три метра от пола находятся металлические перекладки (я никак не мог разобрать, из какого они металла) с висячими лампами и, как говорят, с золотыми.

Хотя в Каабе было очень мало людей, которым было поручено убирать ее к посещению пилигримов, там было нестерпимо жарко, жарче, чем в тюрьмах венецианской инквизиции, пот лился с меня градом, и я с ужасом спрашивал себя, каково здесь, когда место наполнено фанатиками, в этой толкотне и давке. Окончив молитвы, я должен был платить, к счастью, я постарался взять с собой только 40 франков, иначе говоря, моему юному спутнику (он успел уже рекомендовать меня индейским пилигримам и прославить мое величие) недешево пришлось бы расквитаться там.

Многие пилигримы прямо отказываются ходить сюда, потому что, между прочим, ставится в условие после того ходить босиком, не брать руками огня и главным образом никогда не лгать. Раз, помню, один слуга моего друга в Бомбее очень наивно говорил мне, что он не входил в Каабу, чтобы не разориться, и, к несчастью, он был прав, потому что

<sup>54</sup> Бени Шейбе – семья, хранящая ключи от входной двери в Каабу.



на Востоке ложью и кормятся, и одеваются.

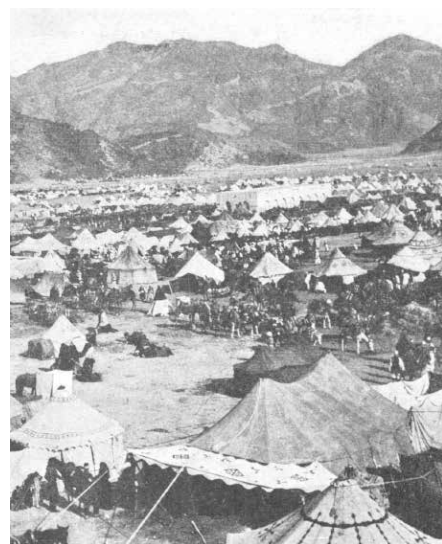
Кааба, воспеваемая мусульманскими поэтами как дева или невеста, только что облеклась в свой новый наряд, как мы туда пришли. Сукно, вместо того чтобы придерживаться внизу у основания металлическими кольцами, было прикреплено к крыше веревками и образовало на каждой стороне по два больших угла. Оно было блестящего черного цвета, золотая полоса, опоясывающая верх здания, и занавесь, опущенный на дверь, как будто на лицо, производили эффектный блеск.

Отдохнувши немного и надев обыкновенные одежды, вечером мы сели опять на своих ослов и отправились по дороге к Мине. Там мы нашли нашу палатку, полною гостей. После их ухода мы начали совещаться о жертве, которую обыкновенно закалывают сейчас же после побиения камнями великого дьявола. Мы уж и то немного опоздали, к тому же несчастное положение моего кошелька не позволило мне купить ягненка, и я ограничился наблюдениями над моими соседями. Как они ни торговались, им все-таки не удалось купить ягненка дешевле 7 франков. Некоторые предпочитали купить худого быка, и только шериф и высшие чиновники назначили для жертвы верблюдов. Пилигримы волокли свои жертвы до гладкой скалы близко от стены Сатаны, там возвышалась маленькая открытая беседка, стены которой, запачканные свежей кровью, показывали, что паша и его свита уже совершали жертвоприношение. Другие же закалывали свои жертвы просто в дверях палаток, повернув только голову жертвы в сторону Каабы. Считается похвальным оставить там все мясо, не взяв с собою ни кусочка. Толпы резников, подобно ястребам, выжидали сигнала броситься и разорвать их тут же на куски. Скоро равнина покрылась кровью и представляла вид самой грязной скотобойни, бассейн Мины, напоминающий кратер вулкана и чрезвычайно высокой температуры, предвещает пагубные последствия в будущем.

Ночью воздух был так тяжел, что я не мог спать и под предлогом стеречь палатки в этом опасном месте я большую часть ночи просидел при лунном свете. После полуночи мы пошли второй раз побивать дьявола на восточном конце деревни.

Потом до зари мы позавтракали, чтоб подкрепиться для трудностей, и отправились в путь. Перескакивая в продолжение получаса со скалы на скалу, мы достигли подошвы горы Сабир, северной границе Мины. Там находится маленький четырехугольник, окруженный выбеленными стенами и разделенный на два отделения. В первом находится гранитный камень с широкой щелью в несколько сантиметров ширины и больше метра глубины, с виду кажется, будто саблей рассечен камень надвое: это именно то место, куда воткнулся нож Авраама, когда Архангел Гавриил запретил ему убивать сына. Во втором отделении находится маленькое подземелье, здесь, говорят, патриарх заклал жертву, приятную Творцу. Так как было еще очень рано, то никого еще не было в этих местах, и мы на просторе могли помолиться. Потом, пока не настала еще полуденная жара, мы поспешили к нашим палаткам. Мы не ошиблись, ожидая ужасного дня. К невыносимой жаре присоединились целые тучи мух и гнилой испорченный запах от пропитанной кровью земли. В воздухе – ни движения, коршуны и ястребы летали вяло, люди же, казалось, были парализованы солнечными ударами.

Когда взошла луна, мы с Магомедом возвратились в Мину исполнить последнее побиение, после чего мы вернулись отдохнуть и признаюсь, от усталости заснули мертвым сном.



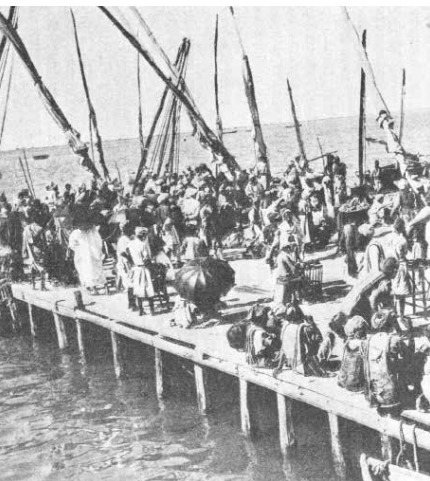
Паломники на Мине



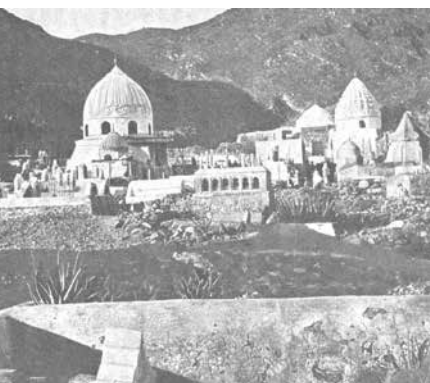
Арабские дети



Паломник в чалме и чапане



Пристань для выгрузки багажа паломников в Джедде



Могила Хадиджи



Паломницы египтянки

На другой день на заре привели верблюдов, мы их живо навьючили и поспешили уехать из этого воздуха, делавшегося заразительным. Здесь разлагалось от 5000 до 6000 убитых животных. Можно было бы помочь этому, если б закон ислама не противоречил внушениям здравого смысла, если бы в Мекке не предпочитали холеру беззаконному сопротивлению судьбы.

Проезжая мимо Мины, мы с наших верблюдов бросили дьяволу оставшиеся 21 камушек. Не одни мы бежали от возмутительного вида долины. Почти не было проезда на дороге от множества возвращающихся странников, и я все-таки не мог не пожалеть несчастных, которые из-за своих религиозных предрассудков оставались в таком месте.

## Глава VIII Из Мекки в Суэц

**Вечерняя проповедь в Каабе. – Попытка англичан принять мусульманство. – Жители Мекки. – Иностранец в святом городе. – Торжественный обед в Мекке. – Жизнь пилигримов после отпущения грехов. – Отъезд из Мекки. – Последствия моего хвастовства. – Соседство. – Джедда (Джидда). – Гробница Евы. – Возвращение в Суэц.**

Вечером в день нашего приезда в Мекку мы отправились в Святылище на проповедь. Большой четырехугольник был наполнен богомольцами, которые сидели длинными вереницами, не спуская глаз с черного здания в центре, собрание самых ярких цветов поспорило бы в эффекте с их разноцветными одеждами. Только одна темная группа стояла в стороне, это были женщины. Паша стоял на крыше Зам-Зама, вокруг которого – его гвардия в полном параде. Все были неподвижны, как будто окаменелые, только несколько дервишей ходили там и сям с кадилами или собирали щедро и добровольно приносимые милостыни от усердных правоверных. Среди этой толпы на кафедре с ее высокой золотой стрелой, ярко-блестящей на солнце, сидел проповедник и возгласил: «Да будет над вами мир, милосердие и благословение Божие!». Муэдзин с подножия кафедры произнес свой призыв к слушанию проповеди, и проповедник начал. Сначала глубокое молчание прерывалось только изредка словом «аминь»; но мало-помалу возгласы учащались, и к концу после каждых 3–4 слов то поочередно, то разом раздавались тысячи голосов. Немало видел я торжественных богослужений, но должно признаться, что ни одно не произвело на меня подобного впечатления.

После этого я пробыл только несколько дней в Мекке; все убеждало меня в невозможности моего плана путешествия через всю Аравию; я видел вокруг себя только длинные лица, повсюду – тоска по родине, повсюду – нетерпение скорей обнять жен и детей. Тоска увеличивалась; скоро и в нашем доме заговорили о приготовлениях к моему отъезду.

Мекка есть город, возвышенный по местоположению вследствие высот, его окружающих, а потому даже самум<sup>55</sup> там не свирепствует. К тому же дома там так хорошо построены и стены так массивны, что можно бы было каким-нибудь способом сделать их прохладным даже в жаркие дни, теперь же это настоящие раскаленные печи. К счас-

<sup>55</sup> Самум – название сезонного знойного ветра.

тью, мне удалось выхлопотать в свое распоряжение часть магазина в нижнем этаже, там я укрывался все время после второго завтрака, я обливал его водою и лежал целыми часами, растянувшись на циновке. Изредка я писал там украдкой мои заметки, случалось, но редко принимать там гостей.

Там Абдалла, старший сын нашей хозяйки, рассказывал мне одно предание, хотя и старинное, но тем не менее распространенное по берегам Средиземного и Черного морей. Рассказывают, будто англичане снарядили посольство к Магомеду, чтобы послушать его учения и попросить его поручить их обращение в мусульманство Халид бин Валиду; но посланные опоздали: душа Магомеда уже отлетела в вечную обитель. Смерть эта заставила англичан остаться при своей религии, о чем они, впрочем, очень сожалели. Вот почему мусульмане Варварии и других местностей предполагают, что из всех наций, признающих Библию, англичане расположены к ним более других.

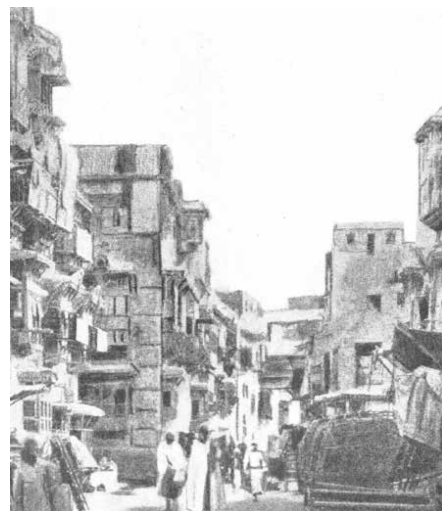
Жители Мекки имеют свои хорошие качества. Как все потомки Сима<sup>56</sup>, они любят посмеяться; обладают особенным искусством выражать самую пошлую мысль самыми изысканными словами и с торжественной важностью. Они храбры, простодушны, имеют мужественную ловкость обращения, щекотливые понятия о чести, сильно, почти восторженно привязаны в семье и здраво судят о людях и вещах. Конечно, гордость, ханжество, нечестие, страсть к выигрышу, безнравственность, хвастовство своею расточительностью набрасывают немалую тень на это описание.

Путешествие иностранца в Мекку еще рискованное дело. Конечно, теперь не обидят франка, как это было в 1829 году в воротах Джебды (Джидды) со стороны Мекки, он свободно может посетить все святые места на восток от города, конечно, исключая святилища, но все-таки ни один бедуин при виде франка не утерпит не пустить в него пулю, иначе он не бедуин в своих глазах. Не мешает во время странствия туда быть инкогнито, но неминуема смерть того, кого признают за неверного. Многие находят, что опасность делает удовольствие приятным, пусть попробуют, я же могу их уверить, что результат далеко не будет соответствовать риску, которому они подвергнутся.

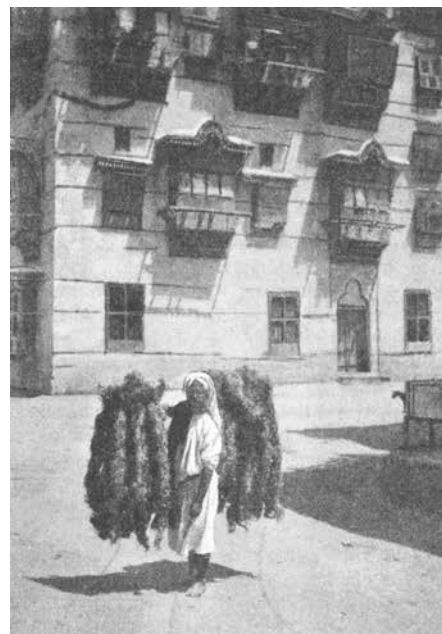
Перед отъездом из Мекки я участвовал на большом обеде с любопытным составом кушаний. Перед обедом курили и пили кофе. Обед был подан в «сини», так называют что-то вроде деревянного желоба, выложенного медью и украшенного арабесками и надписями. Крыша этого желоба, также украшенная, блестела своей чистотой, сосуд этот стоял, как обыкновенно, на ножке сандалового дерева с перламутровыми узорами. Мы начали с тушеной говядины под шпинатом, рисом, щавелем и как-то особенно приготовленными и приправленными овощами. Покончив с этим, мы опустили наши пальцы в говяжий плав, обильно залитый растопленным маслом; затем во что-то похожее на рубленое мясо, за которым следовали листья от хмеля, сложенные треугольником и наполненные рубленным бараньим мясом, приправленные пряностями; жаркое мясо, разрезанное уже на кусочки, чтобы прямо брать в рот, разложено было на деревянных дощечках, вместе с салатом из самых твердых огурцов; наконец были блюда с четырехугольными кусочками дыни. Вместо хлеба был шапати индийский, только вкуснее, пили какой-то странный напиток, смешанный с хиосским составом для запаха. После говядины поднесли чудесный засахаренный в меде вермишель и посыпанный мелким сахаром, яблочные компоты, легкий крем из риса и крахмала с духами, наконец, четырехугольные



Общий вид Джебды



Улочки Джебды



Продавец сена

<sup>56</sup> Сим – библейский персонаж, старший сын Ноя.



Город Джедда



Одна из площадей Джедды



Улица в Джедде

пластинки роа – сушеного константинопольского варенья; оно было бы недурно, если б не пахло так сильно розовой водой; после фруктов, полных тарелок зернышек, гранатов и превосходных фиг, обед заключился пилавом из вареного риса с маслом; это уже ели деревянными ложками.

В Аравии неизвестно еще ловкое искусство французов приятно продлить обед. Здесь сейчас же, как умоют руки, садятся, набрасывают на колени вышитые салфетки и, проговорив «Слава Богу», погружают пальцы в кушанье, которое по вкусу не понравится если – в другое, облизывают пальцы, любезно суют какой-либо лакомый кусочек в рот соседа. Каждый, утолив голод, не дожидается других, сейчас же встает, восклицая: «Аль-Хамд!», опять моет руки, показывая вид, что сыт, чтобы не предложили еще есть; потом за трубкой и прихлебывая кофе наслаждаются послеобеденным отдыхом. После обеда не сидят вместе, а все идут на свои вечерние молитвы.

Любопытно видеть, как такая странная жажда удовольствий совмещается с суровостью и мрачной торжественностью странствия по святым местам. Омытые от грехов, богомольцы как будто торопятся опять нажать новый счет, мало таких, которых посещение Каабы заставило бы переменить образ жизни.

Ничто не удерживало меня в Мекке; сделав маленькие подарки, я нанял двух верблюдов в Джедду (Джидду) за 12 франков, из которых половину я заплатил вперед, и отправил мой багаж с шейхом Нуром. Окончив наконец мои долгие сборы и прощанья, молодой Магомед и я сели на ослов и уехали из дому, где меня так гостеприимно приiali.

Откровенно говоря, очутившись в открытой равнине, я просто, задрожал от удовольствия, как пленник, которому возвратили свободу. Жар солнечных лучей вливал в меня новую силу, воздух пустыни казался мне наполненным благоуханием, природа – улыбающейся, и я без всякого сожаления бросил последний прощальный взгляд на сирийский караван, расположенный на правой стороне нашей дороги.

Нам пришлось ехать ночью. После ужина и получасового отдыха ослы уж были оседланы, я разбудил Магомеда; ему, бедняге, до смерти хотелось спать, как он сам выразился. Через час, когда мы прибыли к другому ресторану, он бросился на землю и объявил, что не в состоянии ехать далее. Погонщик наших ослов пришел в ярость, но все было напрасно. Один египтянин начал даже что-то крупно говорить, но я ему заметил: «Сын моего дяди, не теряйте слишком много слов»; и, улегшись возле Магомеда, я притворился спящим. Тот хотел было призвать еще дву, нас растолкать; тогда мой молодой друг приподнялся и, указывая на меня, таинственно сказал: «Разве вы не знаете, что это за человек?» – «А что?» – спросили слушатели. «Вообразите себе, – продолжал Магомед. – Когда разбойники чуть не перерезали нас в ущелье, как бы вы думали, что он сделала?» – «Черт возьми! Не знаем». – «Вот что, – возразил с воодушевлением мой спутник: – он закричал, чтобы ему подали обедать». Те, которые хотели меня будить, пришпорили своих лошадей и оставили нас в покое.

Было восемь часов утра; солнце уже пекло, когда мы прибыли в Джедду (Джидду). Наша стоянка продолжалась три часа; мы неверно прошли круглым счетом целых одиннадцать, и наши ослы, пройдя в это время от 70–75 верст, к удивлению нашему, шли так же проворно, как и при выходе из Мекки.

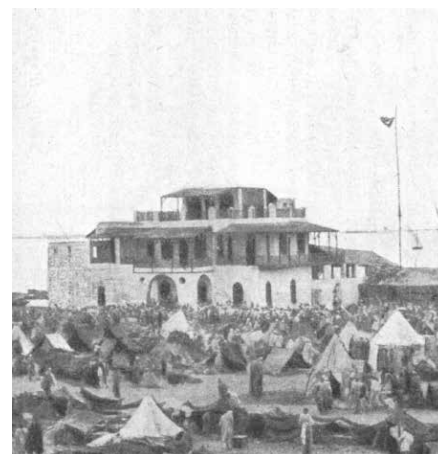
В Джедде (Джидде) я был почти как у себя дома. Вид британского

знамени и моря оживил меня. Для англичан море – почти то же, что семейный очаг.

Я не хотел уехать из Аравии, не совершив последнего странствия к гробнице Евы, которая, как говорит предание, находится на расстоянии получаса от Джедды. Праматерь, говорят, погребена там как истая мусульманка: лицом – к Каабе, ногами – на север, головою – на юг и подложивши руку под правую щеку.

Маленький белый купол возвышается на четырехугольном камне и фантастически разрисован. Чичероне предложил мне приложиться к этим иероглифам; я повиновался, несмотря на замечание проводника, что здесь нет ничего такого, что бы возбуждало подобное уважение. Действительно, предполагаемый труп должен был заключаться между двумя параллельными стенками на расстоянии не более шести шагов; порядочная ширина. В длину от головы до ног 200 шагов. Я также не мог удержаться не сказать Магомеду, что если Ева была такого роста, то она была препорядочная палица, на что молодой человек заметил шутя, что он воздаст хвалу звездам, что мать рода человеческого уже под землей, иначе она была бы ужасом для всего своего потомства.

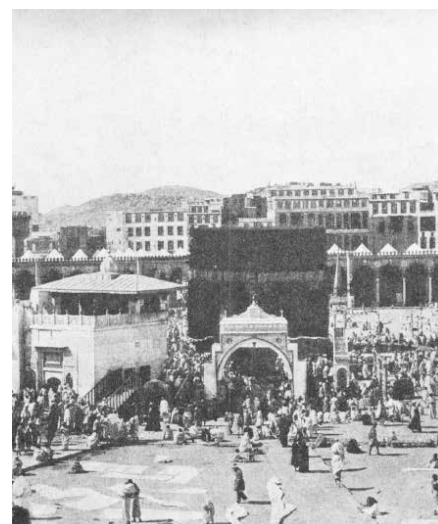
Этим кончилось мое странствие в Аравии. Измученный усталостью и жаром, я сел на корабль «Дварка», где гг. офицеры Уоллей и Тэйлор были ко мне очень внимательны; я все ждал, что вот-вот турецкие пилигримы, которых была бездна на корабле, сбросят меня в море, но этого не случилось: я, здоров и невредим, приехал в Суэц.



Дом санитарной администрации  
и место высадки богомольцев  
в Джедде

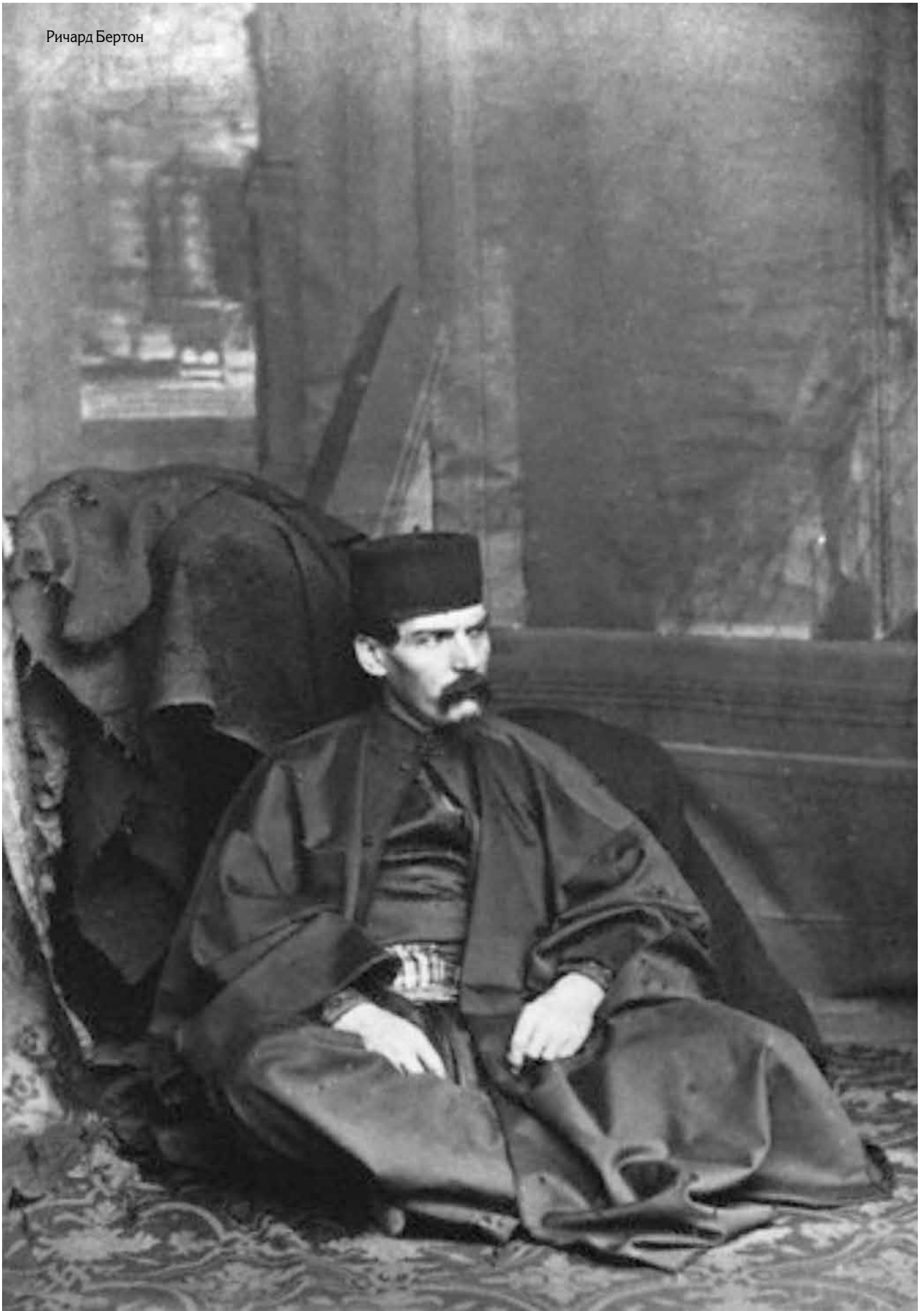


Кааба и окружающие ее дома



Кааба и ее черный камень

Ричард Бертон



## Хадж-2009. Итоги

После завершения сезона паломничества 2008 года, когда святые места ислама посетили 25 838 российских мусульман, многие прогнозировали увеличение квоты на хадж. Эти прогнозы казались вполне реальными в свете того обстоятельства, что свою помощь в этом деле мусульманам пообещал оказать МИД РФ. Однако появление сообщений о распространении вируса А/Н1N1 (прозванного «свиным гриппом») свидетельствовало о том, что эпидемия этого инфекционного заболевания могла внести коррективы в определении квот на хадж.

Так, еще в июне 2009 года шейх крупнейшего суннитского университета аль-Азхар доктор Мухаммед ат-Тантави сообщил, что в настоящее время исламские ученые и медики обсуждают вопрос о возможной полной отмене хаджа и умры в этом году в связи со вспышкой инфекции в регионе<sup>1</sup>. Отметим, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 июня 2009 года впервые более чем за 40 лет официально объявила о введении максимального уровня угрозы пандемии. Отложить поездку призвали верующих и многие мусульманские страны<sup>2</sup>.

В связи с ожидаемыми вспышками различных штаммов гриппа в период хаджа генеральный консул России в Джидде С. Н. Кузнецов рекомендовал паломникам заранее запастись надежными противовирусными и антигриппозными лекарствами, а также медицинскими масками для использования в закрытых помещениях, транспорте, аэропортах. На второй международной конференции «Хадж: прошлое и настоящее», проходившей в Казани в конце июня, он также подтвердил, что российская сторона передала обращение на имя министра по делам хаджа КСА с просьбой о выделении российским паломникам вдобавок к установленной квоте в 20,5 тысячи мест 5 тысяч мест дополнительно<sup>3</sup>. Однако, как стало известно в начале августа, Саудовская Аравия намерена ограничить число паломников, отправляющихся в хадж. Ежегодная квота для всех стран будет урезана, сообщил Комитет по хаджу и умре при Торгово-промышленной палате Мекки. Всемирная организация здравоохранения из-за вируса А/Н1N1 рекомендовала запретить паломничество к исламским святыням Мекки и Медины лицам старше 65 лет, детям в возрасте до 12 лет, а также больным, страдающим хроническими заболеваниями<sup>4</sup>.

История хаджа напоминает нам, что были годы, когда из-за чумы, холеры и других болезней многие откладывали свой хадж, а те, кто отправлялся, не возвращались, умирая во время хаджа или по пути. Последнее десятилетие XIX века внимание императорской семьи, кроме огромного количества других проблем, решать которые требовалось незамедлительно, было также приковано и проблемам совершения хаджа из России в Аравию. Свидетельством этому, помимо командировки Абдульазиза Давлетшина в Хиджаз<sup>5</sup>, являются также открытие в 1891 году консульства в Джидде и отчет о хадже консульского сотрудника Шакирзяна Ишаева в 1895 году<sup>6</sup>. К этому списку добавим отчет моздокского городского врача Магомета Ильясовича Тулатова о его поездке в Мекку и Джидду в 1899 году. В те годы по пути следования паломников устанавливались карантинные зоны, где проходили обязательную врачебно-санитарную чистку. Те же, кто уклонялся от



Ильдар Нуриманов

<sup>1</sup> <http://www.islamnn.ru/print.php?sid=4202>

<sup>2</sup> Хадж российских мусульман. Сборник путевых заметок о хадже. – Н. Новгород, ИД «Медина», 2010. – С. 103.

<sup>3</sup> [http://www.info-islam.ru/v\\_tatarstane/?id=1446](http://www.info-islam.ru/v_tatarstane/?id=1446)

<sup>4</sup> <http://www.newsru.com/religy/14aug2009/kvotahadj.html>

<sup>5</sup> Хадж российских мусульман. Сборник путевых заметок о хадже. № 2. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. – С. 8–99.

<sup>6</sup> Хадж российских мусульман. Сборник путевых заметок о хадже. № 1. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. – С. 23–55.



Абдалла ибн Абдель Азиз аль Сауд

этого, «подвергался, по распоряжению местной полицейской власти, врачомбно-санитарной чистке дома»<sup>7</sup>.

К ноябрю 2009 года в Саудовской Аравии количество инфицированных вирусом свиного гриппа достигло 7 тысяч человек, из которых 62 умерли<sup>8</sup>. Разработанная министерством здравоохранения система профилактических мер предусматривала выявление заболевших гриппом и их быструю изоляцию с момента их прибытия в Саудовскую Аравию. Это во многом помогло локализовать вирус и не допустить его распространения.

Согласно официальным статистическим данным, численность паломников, прибывших в Саудовскую Аравию из-за рубежа в сезон хаджа-2009, чуть менее 2 млн человек – практически столько же их прибыло к этому времени и в 2008 году. Таким образом, высказывавшиеся ранее предположения о том, что число паломников в этом году значительно снизится из-за опасности заразиться свиным гриппом, не подтвердились. Однако общая численность паломников к концу сезона хаджа составило чуть более 2,8 миллиона человек, что на 7% меньше, чем за рекордный 2008 год. Самое интересное, подводя итоги хаджа 2009 года, руководитель Центральной комиссии по проведению хаджа Халед Аль-Фейсал заявил, что численность нелегальных паломников в этом году достигла 753 тысяч человек. Серьезность нерешенной проблемы «нелегалов», которая создает огромные трудности для властей Саудовской Аравии в организации хаджа на протяжении уже многих лет, осталась нерешенной и сегодня. И это несмотря на то, что были дополнительно установлены контрольно-пропускные пункты во всех направлениях.

Напомним, выделенные в 2008 году квоты регионам РФ не в полной мере были использованы одними и оказались недостаточны для других. Например, Дагестан, откуда ежегодно происходят более 80% паломников из России, получил квоту в 8,5 тысячи, а поехали – всевозможными способами – все 18 тысяч, тогда как в других регионах квота всего в 2000 человек не выбирается. В 2009 году квота дагестанцам была ощутимо урезана до 6 тысяч человек. Поэтому проблема справедливого распределения квоты между регионами является одной из основных. Для решения этого вопроса еще в марте 2009 года на заседании комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ уполномоченный Совета по хаджу Ахмед Билалов сообщил о появлении Ассоциации организаторов хаджа в будущем. Она будет призвана контролировать повышение качества организации хаджа, распределение квоты между регионами и координировать деятельность ДУМ, туроператоров и органов власти. К настоящему моменту 20-летняя практика совершения хаджа из России выявила проблемы, а наработанный опыт показывает возможность их решений<sup>9</sup>.

Хадж-2009 завершился благополучно. Итоги показали, что 20 500 российских паломников совершили паломничество в Мекку. Просьба российской стороны увеличить квоту еще на 5 тысяч была отклонена властями КСА. Распределенные по духовным управлениям квоты показывают, что с каждым годом желающих совершить хадж становится все больше и больше. Интересно сравнить и то, что с каждым годом урезается квота Дагестану, на который, как уже указывалось, приходилось обычно около 80% российских паломников. В этом году он получил всего 6000 мест. На вопрос, почему урезается квота для дагестанцев, заместитель главы хадж-миссии Российской Федерации Ислам Назаралиев сказал следующее: «Помимо Духовного управления

<sup>7</sup> Устав о паспортах со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решениям Правит. Сената и циркулярам Министерств. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1905. – С. 173–174.

<sup>8</sup> См. таблицу 5.

<sup>9</sup> <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/7714>



мусульман Дагестана, в адрес Совета по хаджу поступили просьбы об увеличении квоты и с других регионов. В этом году в Совет обратились духовные управления Астраханской и Ленинградской областей, Центральное духовное управление, ДУМ Республики Кабардино-Балкария, ДУМ Республики Северная Осетия-Алания, ДУМ Республики Калмыкия, ДУМ азиатской части России. Все аргументируют свои просьбы увеличившимся количеством желающих поехать на хадж и апелляцией к руководству международной системой распределения квот, выработанной Организацией Исламская конференция, исходя из расчета 1 паломник на 1 тысячу проживающих мусульман»<sup>10</sup>.

Так, для ДУМЕР была предоставлена квота в 3750 человек, и обслуживали их два туроператора – «Наджм-тур» и «Салям-тур», ДУМ Республики Дагестан (квота 6000 человек) – компании «Баракат» и «Арафат», ДУМ Чеченской Республики (квота 3000 человек) – компания «ИРС групп», ДУМ Республики Татарстан (квота 3000 человек, по некоторым данным, 4000) – компания «Идель хадж», ЦДУМ (квота 2000 человек) – компании «Салям-тур» и «Идель хадж», ДУМ Республики Ингушетия (квота 1500 человек) – компания «Вокруг света», Координационный центр мусульман Северного Кавказа (квота 1250 человек) обслуживала компания «Лаббайк-тур»<sup>11</sup>.

Хадж-2009, помимо всего, примечателен еще одним событием. Так, в этом году группа паломников в составе 41 человека по приглашению короля Саудовской Аравии Абдаллы ибн Абдель Азиза аль Сауда смогла совершить хадж в Мекку и Медину. Группу возглавил председатель Совета старейшин ДУМНО Умар-хазрат Идрисов. Группа была сформирована при участии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования. Как сообщили в пресс-службе фонда, приглашение российских мусульман на хадж в качестве гостей короля Саудовской Аравии было инициировано чрезвычайным и полномочным послом Хасаном Джафаром в ходе июльской встречи с руководством организации. Этот момент примечателен тем, что только в начале 90-х первые 1500 российских паломников попали бесплатно в святые места ислама именно по приглашению короля Саудовской Аравии<sup>12</sup>.

Надо отметить, что хадж-2009 года проходил непросто. Это и введенные КСА ограничения, природные катаклизмы, унесшие жизни паломников, «свиной грипп», всемирный экономический кризис... Однако, по признанию самих паломников и туроператоров, ДУМ и Совета по хаджу, паломничество в Мекку прошло на высоком уровне обслуживания. В 2009 году Российская хадж-миссия, по оценке саудовского Бюро по приему паломников, впервые была отмечена в числе лучших хадж-миссий в мире! Это говорит о том, что с каждым годом Россия учится культуре хаджа, организация становится все выше и выше, туроператоры и духовные управления ведут сглаженную работу, а самое главное – наше государство содействует решению многих проблем, связанных с нуждами российских мусульман.

В начале 2010 года уполномоченный Совета по хаджу при правительстве РФ Ахмед Билалов ушел в отставку по своему желанию, а первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по международным делам, член комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ Ильяс Умаханов возглавил российскую делегацию на переговорах с Министерством по делам хаджа. Квота для России в 20 500 человек сохранена. Более того, саудовское министерство приняло прошение российской стороны увеличить в этом году, в честь 65-летия Победы над фашизмом, квоту еще на 5000 человек.



Халед аль-Фейсал

<sup>10</sup> <http://www.islam.ru/pressclub/vslux/nazaraliew>

<sup>11</sup> <http://www.pda.islamrf.ru/news/russia/rusopinions/11414>

<sup>12</sup> <http://www.islamfund.ru/ru/main/messagepage/157>



Ислам Назаралиев

О планах Совета по хаджу, проблемах в организации паломничества и их решениях вы можете ознакомиться в интервью с И. Умахановым в этом сборнике.

**Количество паломников из-за рубежа  
и несчастные случаи, унесшие жизнь хаджиям**

Годы (в скобках – по хиджре)	Количество паломников из-за рубежа	Количество погибших во время хаджа
1990 (1410)	827 236	1426 паломников погибли в тоннеле, ведущем к святыням
1994 (1414)	995 661	270 паломников погибли в давке
1997 (1417)	1 168 591	343 паломника погибли и 1500 пострадали при пожаре
1998 (1418)	1 178 186	Не менее 120 паломников затоптаны в давке
2001 (1421)	Примерно 1,3 млн	35 паломников погибли в давке
2003 (1423)	Количество паломников за последние годы колеблется от 1,3 до 1,5 млн человек	14 паломника задавлено в общей массе
2004 (1424)		251 человек затоптан в давке
2006 (1426)		345 паломников задавлено во время ритуала побивания камнями
2007 (1427)		Погибло не менее 400 и пострадали 300 паломников
2008 (1428)		При разных ДТП погибли более 40 и 76 человек – от свиного гриппа
2009 (1429)	Менее 2 млн человек	В результате сильных дождей и селевых потоков погибло более 100 человек



Ахмед Билалов

## Интервью с Ильясом Умахановым

В КСА подписано соглашение о паломничестве российских мусульман в 2010 году

Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по международным делам, член комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ Ильяс Умаханов возглавил российскую делегацию на переговорах с Министерством по делам хаджа Королевства Саудовская Аравия. Результатом их явилось подписание соглашения о порядке и условиях организации паломничества российских мусульман в сезон хаджа 2010 года.

– *Ильяс Магамед-Саламович, насколько удачным был визит в КСА?*

– В этом году на меня возложили очень ответственную и духовно почетную миссию – возглавить российскую делегацию на переговорах с Министерством по делам хаджа КСА в том, что касается организации хаджа российских паломников в этом году. Я, пользуясь случаем, сразу хотел бы поблагодарить посольство КСА в России и лично г-на посла, которые организовали очень хорошую и продуктивную программу. Она позволила за три дня завершить переговоры в Министерстве по делам хаджа и заключить необходимые соглашения с уполномоченными агентскими структурами в том, что касается расселения, транспорта, перевозки паломников. Мы подписали главный протокол с Министерством по делам хаджа и четыре дополнительных соглашения, которые регулируют отдельные направления.

– *Какая квота выделена России в нынешнем году?*

– Традиционно российская квота составляет 20 500 человек. Она исчисляется по установленному нормативу исходя из численности мусульман страны. Должен сказать, что этой квоты, как правило, для российских мусульман не хватало. В прошлый год, когда несколько снизилось общее количество паломников в КСА из-за эпидемии «свиного гриппа», желающих выехать из России, особенно из мусульманских регионов, было значительно больше, чем установлено квотой. Поэтому мы в этот раз обратились к руководству Министерства по делам хаджа с просьбой увеличить квоту для российских паломников, имея в виду то, что в мусульманских регионах население растет быстро, желающих совершить хадж все больше и больше. С другой стороны, есть представители старшего поколения, которые если не сами, то через своих представителей тоже хотят исполнить этот один из столпов Ислама. Мы обратились с просьбой увеличить квоту, и впервые, надо признать, в протоколе, который мы подписали с Министерством по делам хаджа, зафиксирована эта просьба и то, что министерство рассмотрит это обращение. Мы мотивировали это в том числе и тем, что 2010 год для российских мусульман особый – год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и это было бы хорошим жестом по отношению к российским мусульманам. Такие обращения поступали и раньше, но вот впервые эта позиция записана в межправительственном протоколе.



Ильяс Умаханов

**Ильдар Нуриманов**

## Маршруты паломников из России в прошлом.

Дарб аль-хадж – так называемая паломническая тропа, используемая паломниками в Святые места из века в век. Путь христианских паломников пролегал через Кавказ, Константинополь, Дамаск в Иерусалим, далее на Синайскую гору в православный монастырь св. Екатерины и обратно. Мусульмане шли по аналогичному маршруту: с Кавказа, через Стамбул, Дамаск (обходя Иерусалим) по Заиорданью (Восточному берегу р. Иордан) в Мекку и Медину. Паломническую процессию возглавлял эмир аль-хадж; под Дамаском процессию встречал и сопровождал с вооруженной охраной паша Дамасский, а также мутасарриф Иерусалимский со своей свитой.<sup>1</sup>

Можно выделить три основных маршрута российских мусульман: северный, закавказский и южный.

Первый маршрут начинался в черноморских портах – г. Батуми, Поти, Сухуми, Новороссийске, Феодосии, Керчи, Херсоне, Одессе и иногда Севастополе через Константинополь и Суэц в Джидду или Янбо, а отсюда в Мекку и Медину.<sup>2</sup> Этот путь использовался мусульманами-суннитами европейской части

– Как квота будет распределяться?

– Это вопрос коллективного обсуждения. Я думаю, у нас нет оснований ломать сложившуюся схему, хотя определенная корректировка, наверное, понадобится. Хотя бы потому, что если это будет не 20 500, а 25 500, тогда это уже иная цифра и она должна несколько по-другому распределяться. Более того, всегда существует дилемма между тем, как распределять квоту – по потребностям или по удельному весу того или иного Духовного управления. Насколько я понимаю, моему предшественнику А. Билалову вместе с руководителями муфтиятов удавалось найти взаимоприемлемый ход. Буду придерживаться этой традиции и находить взаимоприемлемое решение.

– Какую помощь окажет правительство России паломникам – финансовую или иную?

– Давайте будем исходить из того, что, как установлено Кораном и традицией, каждый, кто намерен совершить хадж, должен иметь собственный ресурс. В этом смысле ожидать прямого финансирования со стороны государства было бы неправильно. Но все, что касается организационной работы, тарифов – будь то самолеты или автомобильный транспорт, что касается медицинского обслуживания, необходимых прививок, – все это делается при поддержке и участии государства.

– Вопрос медицинского сопровождения проговаривался на встречах?

– Безусловно. Это одно из положений, одна из рекомендаций, даже требование, которое предъявляет принимающая сторона ко всем странам. Россия не исключение. Само совершение хаджа требует серьезного напряжения не только духовных, но и физических сил. В Саудовской Аравии достаточно сложные климатические условия, поэтому сопровождение врачей, равно как и соответствующие медицинские освидетельствования, прививки, очень важный элемент подготовки хаджа.

– В прошлые годы со стороны паломников было много нареканий в адрес туристических фирм, которые обещают одно, а на месте оказывается совсем другое. Это касается прежде всего условий проживания...

– Вы правы в том, что нарекания в адрес туристических операторов, которые вовлечены в организацию хаджа, имеют место. Это правда. Но правда заключается и в том, что таких нареканий становится все меньше и меньше. Если мы сравним хадж пятилетней давности и хадж прошлого года, конечно, динамика положительная. Более того, по итогам хаджа прошлого года российская хадж-миссия была признана одной из лучших с точки зрения организации работы и обслуживания паломников. Это, конечно, не снимает с нас ответственности за то, какой должна быть работа в последующем.

Мы не должны расслабляться и договорились, что в ближайшее время проведем совещание с туроператорами, представителями муфтиятов России для того, чтобы учесть все те недоработки, которые были в прошлые годы. Общий настрой – чтобы из года в год организация хаджа становилась все лучше и лучше. Такой же настрой я почувствовал и от туроператоров, и от руководства муфтиятов России, а вместе со мной в делегации были муфтий Татарстана, муфтий Ингушетии, руководители муфтиятов Чеченской Республики, представители ЦДУМ, СМР. Общая цель – удержать планку качественного обслуживания паломников, которую удалось достичь в прошлом году, хотя и тогда были сложности.

– Сейчас в России семь туроператоров, которые обслуживают паломников. Может быть, их стоит объединить в единую структуру, как-то упорядочить работу?

– Это очень хороший вопрос. Это вопрос, над которым нам придется думать. Потому что неизбежно нужно двигаться в сторону определенной стандартизации услуг, которые предоставляются паломникам. Но при этом мы должны понимать, что этот процесс небыстрый. Очень легко поломать существующую схему, гораздо труднее ее адаптировать к новым требованиям. Но мы этим будем заниматься, причем дифференцированно. Одна ситуация – когда хадж совершают наземные паломники. Другая – когда транспортировка осуществляется воздушным транспортом. Но и в том, и в другом случае должна быть понятной, прозрачной система оказания услуг, должны быть сформулированы, желательно в письменной форме, в договорных отношениях обязательства обеих сторон. Пока мы этого не имеем или имеем в усеченном варианте, но позитивный пример есть у целого ряда стран, где количество паломников значительно превышает квоту России.

– Кто будет сопровождать паломников и вести подготовительную работу?

– Мы договорились, что российская хадж-миссия во время проведения самого хаджа будет составлять порядка 200 человек. Это те люди, которые должны взять на себя основную организационную нагрузку, связанную с реализацией самой программы хаджа. Заблаговременно будет работать штаб. Мы очень благодарны саудовской стороне, Министерству по делам хаджа, которое впервые подтвердило готовность выдать представителям штаба – это около 30 человек – многократные визы для посещения КСА. Это изначально снимает большое количество проблем и позволяет мобильно реагировать на те вопросы, которые могут возникать.

– Вы лично не собираетесь совершить хадж?

– Я совершил умру, поэтому посмотрю, как у меня будут идти дела. Если я с поставленной передо мной задачей справлюсь успешно, то милостью Аллаха решусь и на этот шаг.

– Вы оказались в КСА как раз в дни, когда в Москве произошли террористические акты...

– Да. И на каждой встрече, в том числе и в Министерстве по делам хаджа, наши беседы начинались с выражения сочувствия и соболезнования россиянам.

– Большую помощь паломникам в предыдущие годы оказывало генеральное консульство РФ в Джидде...

– Спасибо, что вы о нем вспомнили. Безусловно, слова признательности и благодарности я должен адресовать нашему генеральному консульству за то, как внимательно оно относится к паломникам, как на протяжении всех последних лет активно подключалось к этой работе и делало это по велению сердца, от души. Это люди, которые болеют за российских паломников.

*Беседовала Людмила Жуковская*

России, Северного Кавказа и Закавказья. Из этих городов на пароходах они следовали до Александрии или Порт-Саида.

Закавказский маршрут использовался мусульманами-шиитами, заезжавшими по пути в священные для них города Неджеф и Кербелу, Саммару и Куфу.<sup>3</sup> После этого они собирались в Багдаде и в составе большого каравана шли в Мекку.

Третий путь – южный, самый удобный для мусульман центральной Азии, Сибири и Урала, проходил через Самарканд, Бухару в г. Мазари-Шериф на севере Афганистана, потом Кабул, Хайбарский проход, соединявший Афганистан с Британской Индией, и Пешавар.<sup>4</sup>

Кроме этих маршрутов, на самой территории Арабского Востока существовало еще два, используемые относительно малым количеством мусульманских паломников из России. Эти пути были из Египта и Сирии в составе караванов. В основном данные маршруты использовали религиозные деятели и ученые, богословы и имамы с одной лишь целью – побывать до хаджа в каирском университете аль-Азхаре и в дамаскских учебных заведениях, где могли набраться знаний у великих шейхов и алимов ислама и довести до родных мест. Бывало, что за несколько лет до хаджа они



Теймур Атаев

*Автор благодарит организаторов хаджа по программе «Гости короля». И от имени всех участников этой линии (азербайджанская группа) выражает огромную благодарность королю Саудовской Аравии Его Величеству Абдалле ибн Абдель Азиз аль Сауду за проявленную заботу о паломниках и создание всех условий для благополучного совершения хаджа.*

## **Хадж – как же это много! Широко! Светло! И дающее надежду...**

### ***Небольшие зарисовки, навеянные хаджем***

Волею Всевышнего несколько дней назад автору удалось совершить хадж по программе «Гости короля», согласно которой король Саудовской Аравии Его Величество Абдалла ибн Абдель Азиз аль Сауд ежегодно предоставляет определенную квоту различным мировым странам для обеспечения хаджа из своего личного фонда. В этом году Азербайджану было выделено 50 мест.

#### **Филипп Сушар, Муртаза Мухтаров и «антиминаретные страсти» в Швейцарии в период хаджа (на правах введения)**

Одним из популярнейших и известных личностей Европы XIX века был швейцарец Филипп Сушар. Именно ему принадлежит первенство в улучшении технологии изготовления шоколада: изобретение аппарата для приготовления смесей, что позволяло быстро смешивать в однородную массу какао-пудру с сахаром. Основал шоколадную фабрику Ф. Сушар в местечке Серьер (близ Невшателя). Там же находился его дом, рядом с которым в 1865 году по возвращении из путешествия по Ближнему Востоку Ф. Сушар построил минарет. Правда, отмечается, что дело тут было не в набожности швейцарца, а в тяготении изобретателя к искусству восточной архитектуры. Но факт остается фактом: тот самый минарет тихо-мирно дожил до наших дней.

Здесь вспоминается еще один случай. Может, не совсем идентичный, но, как говорится, в тему.

В начале XX века азербайджанский нефтемагнат Муртаза Мухтаров со своей супругой Лизой Тугановой (дочерью генерала Асланбека Туганова) путешествовал по Италии. В Венеции она высказала восхищение одним из особняков. По возвращении любящий жену М. Мухтаров, не ставя ее в известность, приступил к строительству дома по тому же проекту, решив возвести его в престижном центральном районе Баку. Но здесь имела место быть одна тонкость. Недалеко от облюбованного М. Мухтаровым места стоял православный храм (в тот период – самый большой на всем Южном Кавказе). Архитектурная композиция позволяла видеть храм издали со всех точек города. В связи с этим православное духовенство воспротивилось возведению неподалеку соборной мечети. А при постройке мечети Таза-пир призвало запретить строительство второго яруса минаретов, могущих, вследствие высоты и выразительности силуэта «конкурировать» с храмом. Однако принявшему определенные «оперативные» шаги М. Мухтарову удалось получить из Санкт-Петербурга разрешение на постройку дома. При этом верующий миллионер, строивший мечети не только в Баку, но также во Владикавказе (в честь супруги-осетинки) и Петербурге, установил на своем особняке шпиль, превышающий высоту храма. Так был «решен» важнейший нюанс.

К слову в швейцарском направлении: можно вспомнить еще один случай, из недавнего прошлого. В начале 2008 года во время визита в Иран министр иностранных дел Швейцарии феминистка Мишеллин

Кальми-Рей покрыла голову белым платком. Тем самым продемонстрировав уважение к традициям государства пребывания. В связи с этим по возвращении в страну была подвергнута критике. Но тот случай имел все же больше характер как бы «свободы мышления». Нынешний же бум со «швейцарскими» минаретами несет в корне иной посыл.

Наверняка имеется своя подоплека в том, что такого рода моменты инициируются во внешне спокойных странах: сначала произошел «карикатурный скандал» в благопристойно-спокойной и хладнокровной Дании, а теперь «заговорила» Швейцария да еще посредством референдума. Случайно? Или кто-то намеренно «будит» традиционно «мягкие» уголки планеты? Может, чтобы лишить их определенного «ранга»? Но мы далеки от попыток анализа в этом материале политических причин происходящего, а лишь констатируем факт. Не просто сам по себе. А в преломлении к увиденному во время хаджа.

### **Кааба и небоскребы**

Словами не опишешь, да и посредством фото или видеосъемок не передашь ощущений, что испытываешь при одновременном взгляде на Каабу и новейшие постройки вокруг аль-Масджид аль-Харам (Заповедная мечеть) в Мекке («аль-мукаррама», «умм аль-кура» – «благословенная Мекка», «мать городов»). Кааба, территория мечети, минареты и... фешенебельнейшие монументальные здания западного стиля. Причем по проекту, что демонстрируются на щитах вокруг мечети, это всего лишь начало. Так вот, когда находишься на втором этаже мечети, взору предстает сногшибательная картина (или панорама?): неподвластная времени величественнейшая Кааба – на фоне современности. Но это один ракурс (в прямом и переносном смысле слова). Второй вызывает определенные вопросы. И немалые.

Строительство новых зданий по всей Мекке выдержано в традиционном духе: для всех зданий характерна единая специфика лишь с не нарушающими ансамбль варьирующимися нюансами. Но именно вокруг Заповедной мечети разрастается комплекс, совершенно противоположный традиционной архитектуре. То есть облик принимает значительно иной оттенок.

Вот тут и возникает вопрос: это случайность? неожиданность? или принятие закономерного решения? Автор рискнет предположить, что делается это сознательно. Но по какой причине? Ведь без проблем новейшие небоскребы могли бы иметь традиционные для Мекки очертания. Значит, сделано это в соответствии с изначальными планами. Как представляется, понять глубину идеи возможно, лишь находясь внутри мечети: при осуществлении тавафа (обход вокруг Каабы во время хаджа), совершении намаза или даже «обыкновенном» размышлении. Вот тут испытываются невероятные ощущения: ты видишь Каабу, древнюю и вечно молодую, притягивающую и дающую надежду, со всеми сохраняющимися и передающимися из поколения в поколения ритуальными традициями. И эта Кааба вкупе с сопровождающими ее духовностью и чистотой сохраняется той же самой, несмотря на цивилизационные наработки современного зодчества. Являясь центром притяжения миллиардов людей, неся те же заряд, силу и обоснование, что и в VII веке, мечеть (на фоне современных вертолетов безопасности, наимоднейших зданий) остается тем базисом, откуда исходит Свет веры. Свет правды. Свет человечности. И будучи (по высоте) ниже новейшего архитектурного комплекса, Заповедная мечеть поглощает все вокруг. Демонстрируя тем самым свою вечную значимость. Вне времени, про-

отправлялись за поисками знаний, участвовали в религиозных кружках, вступали в диспуты с богословами, отстаивая свои точки зрения в решении тех или иных спорных вопросов.<sup>5</sup> Из Египта добирались либо сухопутным путем через Суэцкий перешеек, Синайский полуостров, порт Акабу и до Мекки. По морю плыли из Суэца до Джидды, главного порта Хиджаза.<sup>6</sup>

Караванный путь с паломниками из Сирии и Египта являлся основным маршрутом для многих мусульман всего мира. До появления паровой связи между российскими и арабскими портовыми городами наши паломники ездили парами и пароходами, то пешком, то на верблюдах добирались до Каира или Дамаска, откуда в составе каравана следовали до Святых мест. Естественно, караваны из Египта и Сирии, до усовершенствования дорожных условий и транспортных средств в самих арабских странах, даже для местных были главными способами благополучно добраться до святых городов ислама – Мекку и Медину.

Следует отметить еще один возможный путь из России на Арабский Восток. Ярким примером этого является маршрут, проделанный петряксинским<sup>7</sup> муллой в 1899 – 1901 г. Хамидулло Альмушевым. Этот правоверный мусульманин из деревни

Петряксы Алатырского уезда Симбирской губернии оставил великолепный труд о своем путешествии – хадж-намэ.<sup>8</sup> Большинство изученных нами путевых заметок российских мусульман, такие как, например, у Ш. Марджани, показывают, что им использовался обычный путь по Волге до Н. Новгорода, оттуда на поезде до Одессы (см. выше – северный путь). Из одесского порта до Стамбула, отсюда на пароходе до Александрии через Измир, потом Каир, Суэц, Янбо, Медина и Мекка.<sup>9</sup> Другие паломники плыли по Волге до Астрахани<sup>10</sup>, потом до южных берегов Каспийского моря, откуда добирались либо через Дамаск до Мекки в составе каравана, либо до Персидского залива, в обход всего Аравийского полуострова до порта Джидды. Однако начальный путь Х. Альмушева из России пролегал не по направлению на юг, а через Санкт-Петербург, Польшу, Австрию, Венгрию, через земли Сербии в Грецию, только потом через Турцию, Ливан, Сирию и Палестину в Египет и отсюда в Джидду.<sup>11</sup> Это – не обычный маршрут и, возможно, мало кем до него использованный.

Один из первых российских мусульман, совершивший хадж в столь далеком 1688-89 г. и оставивший описание своего пути Мортазы бине Котлыгыш ас-Симети проделал не менее

странства и предусмотренного Аллахом развития цивилизации.

Да, вместо верблюдов появляются невероятно скоростные средства передвижения; на смену древнейшим счетам и меновому товару пришли банки; ветхие здания сменили небоскребы и т. д. и т. п. Но величие Каабы остается прежним. А пребывание в этом ареале продолжает оказывать на человека невероятно воздействие. Настолько, что для тебя не существует никого и ничего вокруг. Ты остаешься наедине с Аллахом. Вне зависимости от того, на каком этаже обходишь Каабу, какую суру Корана читаешь в мечети или у какого места пьешь воду из источника Зам-Зам.

Тем самым вера, покаяние, беседа с Аллахом, дуа (мольбы) становятся стержнем индивидуума, находящимся в этом заповедном месте. Запретом для всего отрицательного и негативного. Несущим положительный заряд для всех и каждого. Где весь «крутой» мировой антураж со всеми необходимыми атрибутами сопровождения становится мельчайшим. Настолько, что его не видно и не чувствуется. Кааба поглощает все вокруг – вблизи и вдали. Включая небоскребы. Транспорт. Внешний фон. Не поглощается лишь верующий. Со своими помыслами. Происходит в корне наоборот: человек как бы очищается (частенько через слезы кающегося). Укрепляется. Распрямляется. Он здесь, сегодня и сейчас, в XXI веке. Он здесь, сегодня и сейчас, в веке VII. На все времена. Границы исчезают. Минута приравнивается к годам, а сутки – к необъятному. Потому что Аллах Единый рядом. Всевышний слышит, слушает и предоставляет надежду. Все остальное – брэнно. Есть только Аллах и ты. Аллах и каждый.

Так вот, автору представляется, что испытание данного ощущения и есть один из главнейших результатов нахождения вокруг Заповедной мечети великолепных произведений современного зодчества. Они переходящи, а Кааба – на все времена. ИншаАллах!

#### **Хадж и подтверждение всесилы Аллаха**

Таваф. Или следующий ритуал хаджа – сай как память об обнаружении Хаджар, матью Исмаила, первенца Ибрахима (Авраама), источника воды Зам-Зам. Их совершают все паломники – от мала до велика. Лишь небольшой процент в колясках, остальные своим ходом. Но откуда берутся силы у всех? Ведь темп практически един. Можно воспринять, что есть внутренний настрой (намерение), воплощающийся при первом тавафе (начало паломничества). Но ведь следом идут ритуальные долины Мина и Муздалифа, между которыми – нахождение у подножия горы Арафат. Пребывание в которых сопровождают пять ежедневных намазов. И даже вне зависимости от того, на автобусах передвигаются паломники или своим ходом, сон невероятно краткосрочен. Да и не до него, по сути. Потому что эти дни характеризуются постоянной беседой с Аллахом, чтением Корана или мусульманских мыслителей, внутренними переживаниями. Из Муздалифы до Джамарата, что в Мине (где побивается камнями шайтан), пешком свыше часа. Далее к себе в палатку еще нужно дойти. Потом путь к праздничному (день жертвоприношения) тавафу вокруг Каабы и саю, причем с желательным совершением его в пешем порядке. Но при обязательном возвращении в Мину до 1 часа ночи. А впереди – процессальный таваф.

Так откуда берутся силы? Ладно еще молодежь, но практически весь этот ритуальный процесс удастся совершить женщинам и старикам. Значит, Господь не оставляет паломников, не так ли? Демонстрируя



поддержку чистых стремлений совершающих хадж. Вера движет индивидуумом, придавая силы. Ты не думаешь об усталости. О сложностях. Цель и помыслы настолько чисты, что все происходящее воспринимается в твою пользу.

Мало этого, Всевышний все разъясняет. Саудовская Аравия – Мина – ливень, молния, гроза. И не поверить, что это сочетание возможно. Однако оно имело место быть. Палатки летние, не особо предусмотренные для дождевых дней, которые в Саудовской Аравии редкость. Поэтому внутри них было во многих местах мокро. Но организаторы, наверное, предусмотрели заблаговременно многое.

Новенькие матрасы, наволочки, простыни и одеяла были в непромокаемых пакетах. Что позволило не ощутить влаги. Да и, нужно сказать, дождь не явился помехой ни для совершения общей молитвы, ни для передвижения по территории лагеря. Хотя при облачении в ихрам (одежда паломника) покрывать голову не допускается. Когда совершающий хадж шел на молитву, дождь фактически не чувствовался. Его будто не существовало. Хотя сама мечеть, естественно, – также в палатке. И от силы ливня нередко ее пробивало в отдельных местах. Но... не там, где находились совершающие намаз. А далее случались вообще интересные моменты. Открывая Коран в поисках определенной суры, верующий неожиданно попадал на аяты о дожде. Где черным по белому написано, что это природное явление (сродни остальным) – от Аллаха, во имя людей. Вслед за чем наступит солнечная пора. То есть Аллах не то что не покидает паломника, Всевышний его поддерживает, раскрывая, что и почему.

Вообще во время хаджа переживаются и фиксируются множество интересных моментов. Паломник все время произносит дуа – за родственников и друзей, знакомых и незнакомых мусульман, тех, кто не сумел совершить хадж, да и вообще за людей доброй воли. Мольбы в период хаджа принимаются особо. Так вот, был случай, когда во время подходившего к концу сая один из паломников услышал, как его окликнул знакомый голос. Он оглянулся. За спиной все обращаются к Аллаху. И вдруг осознание – паломника позвал человек, который обращался к нему до совершения хаджа с просьбой сделать за него дуа. Так за несколько метров до окончания ритуала он напомнил о себе. И такого рода случаев – масса.

#### **Реально ли единение мусульман?**

Хадж впечатляет по многим параметрам. И дело тут далеко не только в визуальном охвате многомиллионной массы верующих, объединенных намерением исполнить предписанное Аллахом.

Потрясает некое духовное единение паломников, для определения которого нет слов. Их действительно нет. Потому что это единство намерения, помыслов и желания последующей чистоты можно лишь прочувствовать. Так вот, данная духовность, проявляющаяся в желании следовать установленным традициям как пути к надежде быть услышанным Богом, создает видимую и невидимую близость между людьми, что оказываются в Мекке во время хаджа. Здесь вне зависимости от национальности, места постоянного жительства и цвета кожи чувствуется наличие единой семьи братьев и сестер. Потому и исчезает граница между паломниками, представляющими ту или иную ветвь мусульманства.

Данный факт лишней раз демонстрирует искусственность установленных барьеров в общемировой мусульманской среде между верую-

интересный, и, возможно, самый постоянный для паломников из России путь через Бухару. О его пути до Бухары, к сожалению, нет информации, но ясно одно, что он приехал для получения знаний. Оттуда он направился в святые города ислама. Его путь пролегал через вилайеты Хорасана и Ирака.

Особую роль в увеличении количества российских паломников в конце XIX в. начал играть РОПиТ, путь пароходов которого начинался у черноморских портов и заканчивался у портов Александрии, Порт-Саида, а также Янбо и Джидды, откуда паломники в составе караванов направлялись в святые города Аравии.<sup>12</sup> Это во многом облегчало хаджиям путь к святыням ислама.

Наряду с этим, следует отметить священные города шиитов<sup>13</sup>, которые до или после хаджа посещали Кербелу (с гробницей Хусейна), Неджеф (с гробницей Али, вокруг которого похоронены много шиитов), Казимейн близ Багдада (гробницей 7-ого и 8-ого имамов), Самарру (гробницы 10-ого и 11-ого имамов и склеп 12-ого). Кроме того, в Иране есть еще два города, посещаемые шиитами: Мешхед (гробница имама Резы) и Кум (гробница Фатимы, сестры имама Ризы).<sup>14</sup>

Примечания:

<sup>1</sup> Ацамба Ф.М. Кириллина



Никита Юсуф Драчук и Евгений Абдулла Глущенко

С. А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). Изд. МГУ., 1996 г. С. 59-61.

<sup>2</sup> В. И. Яровой-Равский. Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899 г. С. 143.

<sup>3</sup> Там же. С. 143.

<sup>4</sup> II Межвузовская научная конференция: «Россия и современный мир: проблемы политического развития». Материалы, часть 2. М., 2006 г. С. 23-24.

<sup>5</sup> Ацамба Ф. М. Кириллина С. А. Указ. соч. С. 54-55.

<sup>6</sup> См. там же.

<sup>7</sup> Село Петряксы в настоящее время находится в Нижегородской обл.

<sup>8</sup> См. подробнее: Альмушев Х. Хадж-Наме. Изд. Дом «Медина», Н. Новгород, 2006 г.

<sup>9</sup> Хадж российских мусульман. Н. Новгород, изд. дом «Медина», 2008 г. С. 11-23.

<sup>10</sup> См.: Фахретдин Р. «АСАР». Том 1. Изд-во «Рухият», Казань 2006 г. стр. 236.

<sup>11</sup> Хадж-Намэ. Х. Альмушев. Н. Новгород, изд. дом «Медина», 2006 г.

<sup>12</sup> Более подробно см.: Египет, Ближний Восток и глобальный мир. Е29 сб. науч. ст. Изд-во «Кранкэс», М. 2006 г. С. 119–122.

<sup>13</sup> Шиизм - (от араб. ши'а – секта, партия, группа

щими в Единого Аллаха. Следовательно, разделение на ветви – суть проявление политической борьбы за первенство (в том или ином ракурсе). К сожалению, как обычно, политические коллизии приводят к немалым препонам между простыми верующими, которые непосредственно друг в друге начинают видеть чуть ли не врагов. Однако вся атмосфера хаджа с первого до последнего дня четко свидетельствует об одном. Глобально – все мусульмане планеты едины. Духовно. В поклонении Аллаху. В намазе. Совместная молитва не просто впечатляет. Она, наверное, запечатлевается на всю жизнь.

Вряд ли кого-то может не потрясти увиденное во время тавафа. Звучит азан, и обходящие Каабу замедляют шаг, ища место для совершения намаза. Вся многомиллионная масса (как возле Каабы, так и на верхних этажах) одновременно, в едином порыве приступает к совершению молитвы. Данная картина – вечна. Потому что происходящее – во имя Аллаха. Для приближения к ощущению Божественного.

Да, в Исламе коллективная ответственность не предусмотрена. Никто не понесет ничью ношу, и каждому за свои поступки перед Богом придется отвечать самому. Но при этом молитва в джамаате несет неопишуемый заряд единства мусульманского мира. Тут нет никакого парадокса. Каждый молится сам. Каждый с Богом остается один на один. Но... в джамаате. В идентичности движений. В идентичности слов поклонения. В этом – сила мусульманства. Проявляющаяся и в последующих шагах. После предписанного намаза верующий обращается с мольбой (или мольбами) к Аллаху. Здесь ты опять один на один. Как бы в коллективе, но один.

Намаз совершается всеми на арабском языке. Дуа (мольба) может произноситься на родном. Тем самым объединяющий фактор намаза (единого для всех по форме и содержанию) прекрасно накладывается на личную мольбу. Арабский язык единения в молитве прекрасно сочетается с национальными языками молящихся. И это прекрасно. Потому что подтверждает мощнейшее единение мусульман всего мира. Вне зависимости от родного языка и географического месторасположения отчего дома.

А отсюда резюме, что арабский язык намаза – суть фактор объединяющий. Согласимся, что некоторые мусульмане, в особенности на первой пороге, испытывают сомнения: а правильно ли они поступают, совершая намаз на арабском языке? Право, в Мекке этот вопрос просто-напросто теряет актуальность. Он просто исчезает. Раз и навсегда. Когда видишь, чувствуешь, ощущаешь единство тех, кто рядом с тобой. Позади и спереди. Мужчины и женщины. Дети и старики. Инвалиды и спортсмены. И ты – среди этой прекрасной когорты лиц. ИншаАллах!

### Неэтнические мусульмане

В преломлении к вышеизложенному оттеняется еще один момент, с которым удалось столкнуться во время хаджа. Среди российских и украинских паломников находились выходцы из неэтнически мусульманских семей. Краткий рассказ о двоих из них приводится с согласия обоих.

Со слов Никиты Юсуфа Драчука (факультет международной журналистики Института журналистики университета им. Т. Шевченко), его отец – русский, мать – украинка. В 1995–1996 гг. мама преподавала русский язык для иностранцев в медицинском университете, что в Виннице. Там учились студенты из Палестины, которые много рассказывали об Исламе. Тонкости настолько привлекли ее, что она

заинтересовалась мусульманством, постепенно приобщаясь к религии, вскоре приняв Ислам.

Данный факт привел к разводу родителей, хотя первоначально у отца также возник интерес к Исламу. В тот период Никите было восемь лет. Когда ему исполнилось десять, мать стала знакомить его с кораническими сурами, преломляя их в сказку. Так он услышал суру «Йусуф», которая его настолько потрясла (или растрогала?), что он сразу озвучил свое желание приобщиться к материнской вере. Выбрал себе имя Юсуф. Сразу же приступив к совершению намаза, он постепенно стал посещать мечеть. Волею Всевышнего в 14-летнем возрасте оказался в Сирии, окончив двухлетний колледж по изучению шариата для иностранцев. По возвращении окончил 11-й класс средней украинской школы. Приступил к изучению арабского языка в специализированном центре.

В настоящее время 22-летний Юсуф свободно читает и пишет на арабском. Работает редактором известного на пространстве СНГ сайта arraid.org (Всеукраинская ассоциация общественных организаций). Готовит материалы для популярнейшего портала islam.com.ua. Мама Юсуфа, будучи замужем за палестинцем, проживает в секторе Газа. Поэтому он живет с отцом, который не противится пути, избранному сыном.

Евгений Абдулла Глушенко также родился в семье, где не было мусульман: отец – украинец, мать – русская. Семья совершенно не была религиозной, никто не посещал церковь. В один из дней в 20-летнем возрасте по приглашению своего старшего брата он отправился на встречу с его другом, русским (Женя тогда учился в Донецке на филологическом факультете частного института социального образования). В процессе застолья друг брата сказал, что является мусульманином. Евгений не поверил, т. к. был убежден, что мусульмане не потребляют спиртного. Перед уходом он попросил у него для ознакомления какую-нибудь литературу об Исламе. Тот ему дал «Основы Ислама» на русском языке (арабское издание).

По возвращении домой Женя с огромным интересом прочитал книгу, в которой в общих чертах говорилось об Исламе. У него внутри что-то изменилось, и на следующий день он приобрел Коран (смысловой перевод Эльмира Кулиева). Потом стал знакомиться с доступной мусульманской литературой. Спустя некоторое время приступил к совершению намаза. Дома и среди друзей все это вызвало, мягко говоря, непонимание, но Евгений, принявший имя Абдулла, уже не свернул с избранного пути. Да и родители вскоре убедились, что образ сына претерпел значительнейшие изменения в положительную сторону.

Он несколько раз встречался с тем самым русским мусульманином, уже раскрывая тому основы Ислама. Свадьба последнего, куда он получил приглашение, также сыграла важную роль в судьбе Жени. Он познакомился со своей будущей супругой-украинкой. Женившись, абсолютно не довел над ней в плане быстрого принятия ею мусульманства. На третий год замужества она сказала шахаду, приступив к совершению намаза. Аллах услышал ее дуа, и вскоре она забеременела. Проживает на сегодня семья в Харькове. Так же как и Никита Юсуф, Евгений Абдулла сотрудничал с Ар-Раид.

Вот такие истории без комментариев. Воистину, Аллах Всесилен!

### **Организация хаджа**

В ракурсе хаджа невозможно не признать великолепную организацию хаджа властями Саудовской Аравии. Наверняка почти всех па-

приверженцев), одно из двух, наряду с суннизмом, основных направлений в исламе. Зародился в 7 в. в Арабском халифате как группировка, выступавшая в защиту прав Али и его потомков от Фатимы (дочери Мухаммеда) на имамат-халифат.

<sup>14</sup> А. Массе. Ислам. Очерки истории. Изд. 3. «Наука», М., 1982 г. С. 100-104.



Зеленый купол мечети над могилой Мухаммеда (мир ему) в Медине

**Ильдар Нуриманов**

## **К ТЕМЕ ПОСЕЩЕНИЯ МАЗАРОВ И МОГИЛ ШЕЙХОВ**

К началу XX века Россия оказывается испещренной сетью паломнических маршрутов к святым местам внутри страны. Верующие, богомольцы шли в долгие странствия, минуя многие губернии, на поклонение древним и новым святыням, тянулись в те или иные знаменитые обители. Посещали мазары и могилы известных шейхов, авлия (святые) и сахабов.

После смерти Пророка ислама Мухаммеда возникали разные спорные вопросы, на

ломников посещала мысль: как устроители сумеют справиться с многомиллионной массой верующих? В смысле обеспечения оргвопросов. Это какой аппарат людей должен быть задействован! Инфраструктура. Необходимость скорого принятия решения в экстремальных случаях. Однако в Мекке будто запускается прекрасно отработанный часовой механизм. Идеально выверенно (по-другому не скажешь) работает предоставленный в распоряжение паломников транспорт (в основной массе автобусы). Четко функционирует распорядок дня. Обеспечивается еда (если предусматривается программой хаджа). И многое другое. Причем все происходящее осуществляется параллельно невероятнейшему спокойствию арабской стороны. Большинство сопровождающих группы паломников будто лишены нервов. Они подбадривают, успокаивают и спокойно разьясняют, призывая к сабру, то бишь выдержке и терпению, желая облегчения выполнения хаджа паломниками.

Нельзя не отметить, что по мере возможного в Мекке поддерживается чистота. Да, не идеальная, но на уровне ежедневного наличия свыше двухмиллионного контингента хаджи в городе, многие из которых прибывают своим ходом, располагаясь на несколько дней возле Заповедной мечети или в ее окрестностях, можно уверенно сказать о соблюдении чистоты. Во всяком случае для этого делается все возможное. В этом же ракурсе – практически отсутствие на тротуарах окурков. На территории огромнейшей мечети да и при подходе к ней курить запрещено. Большинство торговых объектов на период хаджа вообще отказываются реализовывать табачные изделия. Поэтому курящих практически не видно. А если и попадаются, то они это делают как-то стесняясь, что ли. Сама атмосфера не располагает к этому.

Что еще потрясает – отсутствие в Мекке пыли. Будто в городе не идет мощнейшее строительство (а ведь в это время года ветерок далеко не редкий гость Мекки). Аналогичная ситуация также в тех местностях, где паломники остаются на открытом воздухе, будь то палатки или сон под открытым небом. Тут еще активизируются службы: пожарные, медицинской помощи и др. Естественно, к концу хаджа здесь (а ведь именно отсюда проходит путь к Джамарату, посещение которого предусмотрено в течение трех дней хаджа каждым из паломников) уже не так чисто и «надушено». Но может ли быть без издержек при наличии столь огромной массы людей, среди которых немало больных, детей, инвалидов! Однако опять-таки потрясение от организации (ежегодной!) хаджа на столь высочайшем уровне не может не затронуть никого из паломников.

В данном контексте отметим, что в мечети Пророка (Медина) – аль-Масджид ан-набави, где людей значительно меньше, удается соблюдать чистоту без издержек. Мечеть закрывается на ночь и приводится в полную готовность к субх-намазу. В течение всего дня невероятное количество уборщиков ведут работу. А подходы к мечети приводятся в порядок специальными авто, использующими необходимые моющие средства, включая шампунь. Аналогичная картина, как отмечали верующие, и в Заповедной мечети. Лишь в дни хаджа ее поддержание несколько затруднено, хотя огромный штат поддерживающих чистоту ненавязчиво бросался в глаза во все дни посещения мекканской мечети. В особенности возле бочонков с прекрасной водой из источника Зам-Зам. В данном контексте забота о паломниках выражается даже в такой немаловажной детали, что воду в предоставляемые одноразовые стаканчики можно наполнять в зависимости от того, какая температура жидкости тебя устраивает, так как действует принцип диспенсера.

### Голуби над мечетями

Еще одна интересная деталь, бросающаяся в глаза всем паломникам. Над главными мечетями Ислама всегда парят голуби. Послы мира над святынями мусульманского мира! Вряд ли кто сумеет досконально объяснить причину этого. В целом благодаря голубю один из самых почитаемых в Исламе пророков Нух (Ной) получил весть об окончании потопа возле горы аль-Джуди (Месопотамия). Ряд арабских историков называют мекканских голубей потомками птиц абабиль, которые, бросая камни на войско царя Абрахи, спасли Каабу от разрушения.

С голубями связана и другая история. На тринадцатый год пророческой миссии Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, курайшиты решили покончить с ним и его сподвижниками. Они подкрались к его дому. Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, велел находившемуся рядом с ним Али, да будет доволен им Аллах, лечь в кровать и укрыться его плащом. А ему самому удалось незамеченным пройти к дому Абу-Бакра, да будет доволен им Аллах, вместе с которым он направился в сторону горы Саур (ниже Мекки), где они остановились в пещере. Бросившиеся в погоню многобожники подошли к этому месту. Но, столкнувшись у подножия пещеры с нетронутой паутиной и свежесвитым голубиным гнездом, преследователи посчитали местонахождение Пророка безжизненным, вернувшись восвояси.

В 2007 году в связи с разрекламированным «птичьим гриппом» обсуждался вопрос голубиных стай, наличествующих в основных святынях Мекки и Медины. В те дни саудовский эксперт в области исламского законодательства шейх Фахд ад-Досари отмечал, что, по мнению религиозных авторитетов, голуби благородных храмов Мекки и Медины происходят от птиц, гнездившихся в районе пещеры, где получал откровения Пророк (мир ему), запретивший «прогонять их».

### Голуби над кладбищем

Вместе с тем парят голуби и над кладбищем, что находится возле мединской мечети Пророка, да благословит и приветствует его Аллах. «Аль-мунавара» («лучезарная Медина») – город особеннейший для мусульманского мира. Здесь покоится Мухаммад, да благословит и приветствует его Аллах. А возле его усыпальницы находятся могилы сподвижников Абу-Бакра и Умара (мир им). Ясриб (ныне Мадина ан-Наби – «город Посланника Аллаха», в сокращенном варианте Медина) принял его после изгнания из Мекки, куда спустя 8 лет Пророк триумфально вернулся из Медины.

На кладбище «Джаннат аль-Баки» возле мечети посланника покоится любимая жена Пророка, да благословит и приветствует его Аллах, Айша, праведный халиф Усман, мир ему, по некоторым данным, и дочь Мухаммада – Фатима-аль-Захра. Также здесь могилы других сподвижников посланника. Но места захоронения безымянны. Лишь безмолвный камень на месте головы – свидетельство захоронения человека. Как бы в назидание живущим сегодня. Ни тебе гранитных камней, ни мрамора. Простота и равенство мертвых. Да и разве есть разница для взятых Богом, насколько драгоценный строительный материал «закрывает» их поверх песка? Но это одна сторона вопроса. Находящийся на кладбище охранник ли, имам ли беседует с посетителями. Беседует о жизни. И вопрошает: насколько правильно поклоняться мертвым, будь то печать пророков или его сподвижники? Аллах дает нам всем жизнь.



Могила Пророка Мухаммеда (мир ему) в Медине

которые нужен был ответ. Одним из таких вопросов и был дозволенность посещения, в начале, могилы самого Пророка, потом и остальных святых, сахабов и шейхов. Некоторые категорически выступали против этого еще в то время, есть люди, относящиеся к этому неоднозначно и сегодня.

Однако, посещать могилу Пророка рекомендуется (мандуб), а по мнению некоторых ученых даже является обязательным для тех, у кого появится такая возможность. Если человек совершает предписанный хадж, ему следует начать с выполнения обрядов хаджа. В том случае, когда хадж является добровольным,



Паломники из России и Украины в палатке, Мина

паломнику предоставляется право выбора, если только он не будет проезжать поблизости от могилы Пророка, ибо тогда он должен будет обязательно посетить ее. Наряду с этим следует вознамериться посетить и мечеть Пророка, поскольку сообщается, что молитва в этой мечети лучше, чем в любой иной<sup>1</sup>, за исключением Заповедной Мечети в Мекке.

Ибн Абу Абидин пишет: «слова “посещение могилы Пророка рекомендуется” означают, что рекомендуемым его считают все члены мусульманской общины...». Что же касается приписываемого Ибн Таймии утверждения о запрете посещения, то

Аллах ее и забирает. Лишь Всевышний распоряжается нашей жизнью. Так каким образом неживой человек может помочь здравствующему? А голуби тут всегда...

### Десять дней хаджа совместно с Эльмиром Кулиевым

В памятках для паломника, да и в целом в литературе о хадже, паломничество рекомендуется совершать в сопровождении лица, знающего тонкости прохождения ритуала. Автор благодарит Аллаха, что таким человеком оказался прекрасный знаток Корана и Сунны Эльмир Кулиев. Не нуждающийся в особом представлении, осуществивший общепризнанный блестящий перевод смыслов Корана на русский язык Э. Кулиев и организовал для автора и еще четверых лиц возможность совершения хаджа в рамках программы «Гости короля». За что автор высказывает благодарность Э. Кулиеву. Уже будучи хаджи, он на этот раз совершал ритуал вместо матери, совместно с отцом, что и было его главной целью.

Помимо осуществленного перевода смыслов Корана, Э. Кулиев известен как автор множества монографий на богословские и геополитические темы (через призму религии). Перечислять даже некоторые из них в данном материале нет смысла, т. к. большинство их известно читателям постсоветского пространства. Другое дело, что образ Э. Кулиева раскрылся в период хаджа новыми, особыми чертами. Вот на это хотелось бы обратить внимание.

Наверняка каждый из нас, знакомясь с трудами Э. Кулиева (недавно бакинская организация «Идрак» выпустила его новую книгу «Сладость веры»), испытывает собственное восприятие этого человека. Естественно, впечатление складывается из того, чем делится, что и как преподносит Э. Кулиев. Нахождение же рядом с ним в течение всего периода пребывания хаджа позволило убедиться в том, что все излагаемое им идет от сердца, от того, каким он видит и чувствует Ислам. При паломничестве человек раскрывается не просто как друг, товарищ или индивидум, с кем возможно беседовать и делиться впечатлениями. Здесь масса нюансов, вызываемых бытовым фоном, далеко не всегда легким или удобным. Да и сон у паломника практически отсутствует. Так вот, Э. Кулиев оказался притягивающим к себе человеком по многим параметрам.

Прежде всего это уважение с его стороны ко всем, включая особый пиетет перед отцом, чуткость к женщинам-паломникам, моментальную реакцию на личные просьбы. И все это накладывается на невероятную скромность. В программу «Гости короля» были включены группы из почти всех советских республик, абсолютное большинство представителей которых знакомились с Кораном в переводе Э. Кулиева. Но многие даже не представляли его внешне. Так вот, ни в одном случае, если к нему как к паломнику обращался по какому-то вопросу брат или сестра (он прекрасно владеет арабским и турецким языками, чуть в меньшей степени – английским), он ни словом, ни жестом «не обнародовал» себя. Это решили сделать окружающие его лица, в один из первых дней обратив внимание паломников, кто есть этот человек. А как можно было не поступить таким образом, если в гостинице, в которой остановились члены программы, среди бесплатно предоставлявшихся организаторами паломникам (возле мечети) Коранов в русском переводе был представлен вариант Э. Кулиева?

Аналогичная картина была и в Заповедной мечети, где на отведенных полках смысловой перевод Корана на русский язык являлся

кулиевским. Как и в мечети Пророка (да благословит и приветствует его Аллах) в Медине.

Так вот, после передачи по эстафете информация о наличии в составе азербайджанской группы Э. Кулиева к нему устремились паломники, буквально завалившие его вопросами, сомнениями и т. д. Поток увеличивался с каждым днем. Природная скромность, воспитание и соответствие своим образом жизни кораническим постулатам не позволили ему отказать никому. Но тут уже сами представители делегаций приняли решение не отвлекать Э. Кулиева от хаджа, попросив его организовать несколько лекций для паломников в Мине. Что и произошло. Российские, украинские (совместно) и казахстанские паломники встречались с Э. Кулиевым в палатке, что была «расквартирована» в долине. Говорили обо всем. О жизни человека в религии. О роли религии в жизни человека. То есть о нас с вами. Обо всех и о каждом. Почти все услышали ответы на свои вопросы. Причем иногда через призму стыковки богословия с философией, другими науками, благо интеллект и эрудиция Э. Кулиева позволяют ему подходить к ответам с разных сторон.

В Исламе не принято хвалить людей в лицо. И это правильно. Но частенько мы все как-то пытаемся избегать даже добрых слов в адрес друг друга, хотя при этом любим осуждать и обсуждать: этот-де поклоняется как-то не так, другой мыслит не в духе Сунны, а третий позволяет себе определенные «вольности». Автор высказывался об этом в специальном исследовании, поэтому не акцентирует внимание на данный ракурс. Но в то же время невозможно не признать, что стиль жизни, поведение Э. Кулиева «в общей массе» и в частности (быту) исходит из предписанного Откровением. Чуткость, внимательность, такт, невероятнейшее терпение, спокойствие, умение выслушать сопровождают Э. Кулиева. Но не просто выслушать, а попытаться предоставить дельный совет, проанализировать возможные пути, причем с опорой на Коран и Сунну. Тонкость тут в том, что его ответы не «припасены» или запрограммированы, они возникают как бы в «онлайн», в основе чего – искреннее намерение помочь людям. Посему Э. Кулиев оставался для бесед и после субх-намазы (утренний), и после иша (ночной). За счет сна. А как у него выгадывалась свободная минутка, он устремлялся в мечеть. Читал и перечитывал суры Корана. И все время дуа – за близких и далеких, здоровых и больных, с надеждой на лучшее будущее для всех верующих.

В период тавафа и сая очень внимательно обучал находившихся рядом с ним, как и что говорить. Разъяснял подоплеку каждого действия. Анализ совершенного Э. Кулиевым в дни хаджа позволяет без толики сомнения утверждать: все, к чему призывает и что он описывает в своих книгах, им пережито, прочувствовано и пропущено через себя. Он не навязывает своего мнения, а лишь как бы делится внутренним. Посему его труды актуальны, способствуя укреплению веры. Самое же ценное в том, что Э. Кулиев искренне пытается жить так, как учит Коран. Хотя все время он недоволен собой, считая, что нужно постоянно двигаться вперед. Не случайно почти все беседовавшие с ним отметили не просто полезность встречи с Э. Кулиевым, но как бы получили немалый заряд для осуществления дальнейших шагов на пути к Истине. И это имеет свое обоснование. Сопровождающий Э. Кулиева внутренний свет, исходящий из искренней веры, не может не притягивать. Притягивать к желанию укрепления веры. Идти по пути к духовности.



Великие Булгары. Татарстан

об этом один из ученых сказал так: “Это не имеет под собой никаких оснований. Он всего лишь указывал, что запретно<sup>2</sup> специально ездить для совершения молитв, куда бы то ни было, за исключением трех мечетей, а его мнение о посещении могилы Пророка, как и мнение о посещении прочих могил, ничем не отличалось от мнений других ученых”<sup>3</sup>.

Относительно слов «следует начать с выполнения обрядов хаджа» в «Шарх альлюбаб» сказано следующее: «Абу Ханифа сказал: “Если хадж является предписанным, то для паломника лучше начать с обрядов хаджа, а потом посетить могилу Пророка, но можно начать и с посещения”». Это



Найля Мухарметова

очевидно, поскольку, по единодушному мнению ученых, добровольные действия разрешаются совершать раньше предписанных, если нет оснований опасаться, что из-за этого время совершения предписанного будет упущено.<sup>4</sup>

То, о чем мы упоминали, соответствует прямому смыслу слов Пророка, который сказал: «Тот, кто придет ко мне только для того, чтобы навестить меня, получит право на мое заступничество в День воскресения». АрРахмати передал, что один из познавших отделял посещение могилы Пророка от хаджа, чтобы никакой иной цели это посещение не преследовало.<sup>5</sup> Это во многом

## Мой хадж

Утром 3 декабря 2009 года, рейс Стамбул – Москва, совершивший посадку в Шереметьево, поставил финальную точку в одном из важнейших свершений в моей жизни – паломничестве в Священную Мекку. Хадж!

Пять или шесть лет ожиданий этого события, и вот оно случилось, и надо как-то понять, что же это такое – хадж, зачем он был мне так нужен, что ожидала и что увидела воочию. Зачем людям вообще нужно в своей жизни подводить итоги, оценивать происходящее? Может быть, страх, что идешь не по тому пути. Может, прошел безвозвратно не ту дорогу? И пока еще жив, у тебя есть время хоть что-то исправить, что-то изменить и сделать...

В Исламе намерение предваряет деяние. Намерение, ибо не хаотичное движение вообще, а разумное движение к цели ведет нас по жизненному пути. И не обязательно это путь к социальным или материальным приобретениям. Хадж – это духовный путь. И пройти по этому пути надо достойно, понимая, что пятый столп Ислама – не только обязательство в выполнении всех ритуалов, а глубокая внутренняя работа души.

### Паломники

У каждого человека свой хадж. Это парадоксально, но это так. Миллионы паломников всех цветов, рас, народов и национальностей, стекающиеся со всего мира исполнить обряды хаджа в одном святом для всех месте, создают реки и моря мусульман, наводняющие Мекку. И все же это не толпа, всегда вызывающая у меня ужас численностью и злобностью атмосферы вокруг нее. В хадже нет толпы. В огромном скоплении людей каждый паломник – личность, наполненная верой и мольбой, сознательно совершающая определенные действия.

Паломник входит в состояние ихрама и произносит тальбию: «Ляббай-ка, Аллахума, ляббай-ка...» – Вот я перед тобой, о Аллах! Вот я перед тобой!.. Такие, кажется, простые слова, а сила воздействия их настолько велика, что в этот миг ты переходишь в другое качество существования и проживаешь целую жизнь в другом мире, полном света, молитв, милосердия, надежды на прощение и милость Всевышнего.

### Наша группа

В хадж я отправилась одна, без сопровождения мужчины – близкого родственника, вопреки сложившейся традиции, но такова была ситуация, и другой возможности могло уже не представиться. С самого начала этот факт вызывал у меня состояние некоторой неуверенности, и, оказалось, не напрасно. Теперь я точно знаю: одной женщине в хадж ездить неправильно. Это и опасно, и тяжело, и неуважение к традиционно сложившимся в мусульманской стране правилам, определяющим поведение женщины. Приезжая в чуждую ему страну, путешественник не должен судить, хороши или плохи ее законы и традиции, он должен принимать их, и соблюдать как единственно возможные.

К счастью, в нашей группе (хотя вполне вероятно, что и в любой другой группе паломников) нашлись молодые люди, которые взяли



меня под свое покровительство и искренне, милосердно заботились обо мне. Две молодые пары – москвичи и дагестанцы из Махачкалы – ни на минуту не оставляли меня без внимания и вели за собой по всем стопам хаджа. Наши общие молитвы и переживания событий, связанных с выполнением обрядов, сблизили нас, совершенно разных людей, сроднили, соединили некими новыми связями. Мне не забыть оптимизм и заразительную жизнерадостность Гули Гайнуллиной, ее мужа Тауфика, который безропотно вешал на себя все наши сумки и грузы; холодноватую сдержанность Зумейрат, с традиционной для ее народа почтительностью и уважением относящейся к старшим и к мужу; Магомеда Мусаева, который охранял нас, предоставляя возможность нам, женщинам, совершить молитву у «Макам Ибрахим» (место стояния Ибрахима), который по первому зову бежал, когда необходимо было его знание арабского языка, чтобы с кем-то договориться, кого-то найти...

Что я могу дать им? Я их просто люблю.

Сейчас, когда я вспоминаю происходившее с нами, людьми, которым довелось общаться в группе, я вижу, как день ото дня мы становились терпимее, добрее и внимательнее друг к другу: в суматохе событий и перемещений кто-то из твоих соседей теряет все свои вещи, и тут же без шума собираются деньги для оказания помощи; во время посадки на самолет группа не досчитывается одного из членов, и все безропотно ожидают его, носят его багаж либо пускаются на поиски пропавшего, и тому подобное. Просто, естественно, по-человечески. А ведь вместе всего 9 дней! Годы иногда проходят в совместном существовании, а ни понимания, ни жалости друг к другу не испытываем. Поистине чем ближе мы к свету Аллаха, тем чище и лучше становимся, сами того не замечая.

### Гости короля

Наша группа была одной из тех, которые формировались по приглашению короля Саудовской Аравии. Мы знали это, но настоящее понимание того, что мы гости, и гости самого короля, приходило по мере нашей жизни в Мекке. Нас всегда и везде ждали и встречали, о нас заботились. Помощь, оказываемая нам, была продумана до мелочей. Я не знаю непосредственных организаторов нашего хаджа, но питаю к ним глубокое уважение за их работу, профессионализм, отношение к делу, за чувство ответственности и любви к своему королю, которое они нам продемонстрировали.

Саудовская Аравия – великая страна. Это понимаешь, когда видишь все своими глазами. 8–10 лет готовятся страны, чтобы провести Олимпийские игры, а Саудовская Аравия каждый год принимает миллионы паломников, совершающих обряды хаджа, обеспечивает их безопасность, питание, проживание, лечение, перемещение.

Если обязанностью людей перед Аллахом является совершение хаджа, то обязанностью этой страны перед Аллахом является предоставление людям возможности его совершения. Я думаю, что каждый паломник, уезжая из страны, благодарит Всевышнего Аллаха и страну, которая его принимала.

### Харам

Самое сильное впечатление оставляет, конечно же, Священная Мекка! Невозможно передать тот душевный трепет, когда первый разходишь в Заповедный Дом Аллаха – Харам, сердце хаджа.



Найля Мухарметова в Мекке

доказывает важность посещения мечети Пророка и его могилы в исламе. По этому примеру, последующие годы хиджры и в наши дни, посещение (зиярат) могил известных шейхов, ученых, имамов продолжает существовать.

В другом хадисе сообщается, что Пророк сказал: «...и не следует (специально) отправляться (для молитв никуда), за исключением трех мечетей: аль-Масджид аль-Харам (в Мекке), моей мечети (в Медине) и аль-Масджид аль-Акса (в Иерусалиме)» (Аль-Бухари). Как указывает Абу Хамид аль-Газали в своей книге «Ихья 'улюм ад-дин», это означает, что делать этого не следует, так как



Россия, Дагестан, Дербент:  
могилы сподвижников  
Пророка (мир ему)

награда за совершаемые в этих трех мечетях молитвы будет больше, чем за молитвы в других мечетях, которые в этом отношении ничем не отличаются друг от друга. Если же люди отправляются в путь не только для молитв, совершать такие поездки не возбраняется. Имеются в виду такие случаи, когда они преследуют и другие цели, например, желают укрепить связи с родственниками, приобрести знание или посетить могилы почитаемых людей.<sup>6</sup>

Традиция посещать (зиярат) места захоронения пророков, известных исламскому миру улемов, шейхов, авлия (святые), соподвижников Пророка Мухаммеда являлся и является

Хадж у людей обычно ассоциируется именно с Харамом. Изображение Каабы с паломниками, совершающими обход вокруг нее, закрепляется в сознании задолго до осуществления намерения. И в стремлении выполнить это намерение – стремление совершить обходы в аль-Масджид аль-Харам! И вот ты здесь: «Ляббай-ка, Аллахума, ляббай-ка...», снимаешь обувь и идешь по белому прохладному мраморному полу, – Ляббай-ка, Аллахума, ляббай-ка...» – вступаешь в круг: «Ляббай-ка, Аллахума, ляббай-ка...» – и оказываешься в потоке, в прямом и в переносном смысле. В людском море десятков, сотен тысяч людей со всего мира и в невероятно сильном энергетическом потоке Веры. И открываешь свою душу со всем хорошим и плохим, что в тебе есть, и каешься, и молишь Аллаха Великого о прощении, и просишь о благословении.

Когда я готовилась к хаджу, изучала порядок действий при исполнении ритуалов хаджа, пыталась понять их смысл. Понимание пришло там, на месте. Причем очень глубокое, внутреннее. Помню, меня просто потрясла ясность и логичность совершаемых нами действий в Хараме. Выпивая воду из Священного источника после обхода Каабы, ощущаешь великое милосердие Всевышнего, дарующего нам возможность очищения и искупления.

Из Харамы не хочется выходить. Приходит ощущение, что здесь твое место, твой Дом. Вся суетность внешней жизни отступает. А пережитые состояния наполняют душу смирением и поклонением перед Аллахом Всевышним.

Со второго этажа я долго смотрела на завораживающее движение паломников вокруг Каабы: под открытым сияющим небом каждое мгновение распускался и расцветал, распускался и расцветал **ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ЦВЕТОК** – живое воплощение грандиозного божественного замысла бесконечного возрождения!

### **День стояния на Арафате**

Читая воспоминания людей, совершивших хадж, часто не понимала слишком, как мне тогда казалось, возвышенный тон этих записок. Видимо, чтобы поверить в их искренность и правдивость, нужно пережить самому те высокие состояния, которые переживает паломник.

Когда мы подошли к горе Арафат, то оказалось, что не только подняться на саму гору, а и рядом ступить было некуда. И вдруг через несколько минут прямо перед нами «открылся» проход наверх, и мы поднялись. Если намерения твои благие, то всегда откроется путь для их исполнения.

День стояния на Арафате запечатлелся в подсознании настолько сильно, что и сейчас, закрывая глаза, я слышу гулкий шум бесчисленного множества людей, повторяющих молитвы на горе Арафат, чувствую прикосновение легкого, теплого горного ветерка на лице, вижу голубое небо, людей, обративших в сторону Мекки свои мольбы и молитвы, и, самое главное, вдруг появившееся ощущение смысла твоего бытия, ощущение счастья, что по воле Господа ты родился и живешь...

В жизни не все бывает просто и гладко, бывают минуты уныния, обиды. Но теперь мне обязательно напоминают, что я – хаджи. И тогда вспоминаю День стояния на Арафате, его уроки.

### **Медина**

После совершения всех обрядов хаджа нас привезли в Медину. Сияющая, лучезарная Медина – нет более правдивых определений для

нее. Мечеть Пророка потрясает воображение и оставляет яркий отпечаток в памяти на всю жизнь.

Мечеть занимает огромную площадь, и в то же время в ней нет тяжеловесной монументальности. Изысканно простые формы, гармоничность составляющих элементов, великолепная отделка. Можно долго перечислять достоинства этой мечети, ибо построена она с огромной любовью. Меня не покидало ощущение присутствия тех архитекторов-зодчих, в чьем воображении она родилась, строителей, каменщиков, которые своими руками отделали каждую деталь, хорошо понимая, что они строят. Здание мечети «хранит тепло их рук». Это, может быть, банальная фраза, но здесь именно так. На чем бы ни остановился взгляд, все прекрасно. Вот, например, орнамент «золотой» отделки дверей, мотив повторяется в светильниках столбов на территории мечети, дальше прорастает в узорах отделки внутри мечети, поднимается к верхней части колонн и завершается в великолепных люстрах.

Ранним розовым утром тихо стекаются мусульмане в мечеть Пророка, заполняют ее всю и читают утренний намаз. Голос имама, читающего молитвы, кажется падающим с небес, благословляющим всех в мечети. Так в Медине начинается день...

В Медине мы посетили и другие благословенные места: прочитали два ракаата в мечети Куба, помолились при посещении кладбища аль-Баки и могил павших за веру в битве при Ухуде. Яркое воспоминание оставило посещение издательства. Огромный издательский комплекс в Медине наделен эксклюзивным правом издания Священного Корана. Десятки миллионов экземпляров книги в разном оформлении распечатываются на самом современном полиграфическом оборудовании. Каждое издание проходит десятикратную корректуру! Сотни работников издательства, ученых-корановедов, лингвистов добиваются такого качества издания Священных текстов, чтобы и случайная пылинка не замутила чистый свет текста Корана.

Мы жили в Священной Мекке и Благословенной Медине, и души наши как никогда были близки к Всевышнему, но ходили-то мы по земле и не могли не видеть, как вдоль дорог располагались на ночь уставшие люди со своим нехитрым скарбом: десятки тысяч паломников, не имевших средств на дорогие отели, и земля эта порой была покрыта слоем мусора, так как городские службы не успевали убирать.

Трудности и их преодоление – неотъемлемые составляющие хаджа, и не комфорт и удобства, а та искренность и глубина веры, которую привезли в своих душах паломники, являются определяющими качествами на этом пути.

Наше паломничество благополучно завершилось, но дни эти останутся в моей жизни навсегда. Никогда и нигде не ощущала я такого духовного и эмоционального воздействия, такой радости всеобщего единения в поклонении Аллаху и почитания Его Пророка Мухаммаду (мир ему).

Сердечную благодарность выражаю людям, благодаря которым стало возможно осуществление мной паломничества: Умару-хазрату Идрисову, Дамиру-хазрату Мухетдинову, Марату Шамильевичу Айдагулову.



Мазар Мухаммада ибн  
Исмаила Бухари

неотъемлемой частью жизни и российских мусульман. Вопрос дозволенности религией этого мы рассмотрели выше. Всегда почитался приход к мазарам и могилам с мольбой, что не запрещает шариат. Более того, зиярат рассматривался как богоугодное дело и те, кто не был в состоянии посетить Мекку и Медину по тем или иным причинам, посещали мазары и могилы местного значения. В России же основными местами для посещения являются общеизвестные для мусульман места, где, например, захоронены соподвижники Пророка как город Дербент в Дагестане, развалины древнего города Булгар



Марат Салимов

– древней столицы Волжской Булгарии, где в 922 году ислам был принят как государственная религия, мазар первого башкирского проповедника ислама Хусейн-Бека в деревне Караскулово Чишминского района Республики Башкортостан, что выстроил Тамерлан и сделал его местом зиярата для мусульман, могила матери чеченского шейха Кунта-хаджи - Хеди, в селе Гуни, является главной святыней в Чечне и многие другие места.

В этом смысле Средняя Азия весьма известна своими святыми местами. Бухара была всегда известна всему миру многими учеными, мыслителями, теологами. В исламском мире хорошо

## Умра в рамадан: путешествие из Саранска в Мекку

Всевышний Аллах одарил многими милостями свою любимую умму: современная община мусульман располагает такими подарками от Всемилостивого и Милосердного Творца, которого не было у предыдущих поколений. Это неизменяемый Коран, месяц рамадан, Ночь предопределения и многие другие чудеса, которые позволяют нам идти прямым путем и получать награду Аллаха за свои добродетели.

В одном из хадисов со слов Ибн Аббаса Пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, говорит о награде человека, который совершает умру (малое паломничество) в месяц рамадан: «(Совершение) умры в рамадане равнозначно (совершению) хаджа» (или совершению хаджа со мной) (Бухари; Муслим).

Слава Аллаху, любой, кто совершал хадж, знает, насколько он труден и морально и материально, и физически. Не случайно для снятия с себя этой обязанности хадж необходимо выполнить всего лишь раз в жизни. Однако душа верующего очень хочет получать подобную награду и в дальнейшем. Так случилось и со мной. Прочитав этот хадис и совершив хадж, я мечтал получить подобную награду и совершить умру в месяц рамадан. По милости Всевышнего Аллаха мне удалось осуществить свою мечту в этом году. Ниже я привожу рассказ о своем путешествии с целью помочь своим братьям и сестрам – будущим паломникам.

### Подготовка

Для посещения Королевства Саудовская Аравия нужна виза, которую в этом году пришлось ждать особенно долго. Несмотря на то что я планировал поездку с начала года и отдал паспорт для получения визы за несколько месяцев, ожидание явно затянулось. Более того, в интернете то и дело мелькали новости о новом вирусе гриппа, который вообще может отменить выдачу виз из-за опасности возникновения эпидемии. Особенность моей ситуации состояла в том, что поехать я мог только в первую треть рамадана, так как должен был быть на работе уже 1 сентября. Поэтому времени практически не было. И все-таки, благодарение Аллаху, за день до наступления рамадана визу мне дали. Осталось только собрать вещи, купить билеты и отправиться в дорогу.

### Флай «Эмирейтс» – Fly Emirates

Летел я авиакомпанией «Эмирейтс», которая по праву считается одной из лучших в мире. Теперь это можно констатировать, основываясь на опыте. Полет в Джидду предполагал пересадку в Дубае, у стойки авиакомпании я поинтересовался, что будет с моим багажом. Информация оказалась полезной, так как моя сумка, которую я сдавал в багаж в Москве, переходила с одного борта на другой уже без меня. Такой вариант событий я предполагал, поэтому в ручную кладь взял с собой рюкзак с ихрамом, который нужно было надевать уже в Дубае

(или в самолете при приближении к Мекке). Первый же попутчик в аэропорту Домодедово оказался мусульманином, который возвращался домой. В дороге он пост решил не прерывать, и я последовал его примеру.

Летели мы ночью, и была возможность по достоинству оценить прекрасную кухню эмиратской авиакомпании. Вся пища на борту была халяль, о чем даже не пришлось спрашивать, так как соответствующая надпись была в розданном всем пассажирам меню. Полет до Дубая составлял около 5 часов. Перед сухуром по нашей просьбе нас разбудили и дали фруктов и стакан воды. Утренний намаз мы уже почитали в дубайском аэропорту в комнате для молитвы. По терминалу ходили юноши и девушки с надписями: «Могу я вам помочь?» (Can I Help You?), чем и воспользовался. Я показал свой билет, мне объяснили, куда идти. После проверки ручной клади я оказался в зале ожидания и беспрошальной торговли, где мне предстояло ждать 6 часов до следующего рейса.

Меня, конечно, волновал вопрос, как и где мне переодеться в ихрам, но после того, как несколько часов поспал, этот вопрос разрешился сам собой. В комнате для молитв уже активно шел процесс переодевания паломников. В результате на нашем рейсе люди в ихрамах составили более половины всех пассажиров. Полет до Джидды занял всего около двух часов. Тем не менее нас все равно кормили, а тем, кто соблюдал пост, дали с собой сухой паек в красивой коробке «Рамадан Карим». Во время полета мониторы постоянно указывали направление на Мекку, заранее оповестили о приближении к микату (некоторые переоделись в ихрам уже в самолете). В наушниках можно было наслаждаться чтением Корана. После приземления в аэропорту Джидды можно было сказать только «Слава Аллаху» и Fly Emirates.

Практические советы. На борту самолетов «Эмирейтс» холодно, причем такая же температура и в их родном аэропорту Дубая. Поэтому берите теплую одежду и будьте осторожны с кондиционерами. Если уснете непосредственно под ним, насморк обеспечен.

### Джидда–Мекка

Самым большим испытанием в Джидде был паспортный контроль. Тем, кто прошел тренировку в Домодедове, конечно, легче. Но все равно стоять четыре часа в очереди в ихраме постящимся и усталым с дороги путникам достаточно тяжело. Это был своего рода экзамен на терпение. Пограничники работали слаженно и все были на местах, просто сама процедура съема отпечатков пальцев и фотографирования каждого паломника была достаточно длительной. Поэтому и очередь двигалась медленно. Ко мне никаких вопросов не возникло, и, забрав свою сумку, я вышел в зал прилета. До Мекки меня довез Закария, отец пятерых детей, сотрудник компьютерной фирмы, подрабатывающий извозом паломников. С меня он взял 200 риалов (саудовский реал – это около 8 рублей), а с супружеской пары из Индии – 100 долларов. Учитывая, что от Джидды до Мекки более 100 км, это было вполне приемлемо, но можно и дешевле. Например, я обратно приехал один и за 130 риалов.

Практические советы. Возьмите с собой ручку, нужно будет заполнить эмиграционную карточку. В большие клеточки сверху вписывайте номер вашей визы арабскими цифрами (арабскими, арабскими!). Все остальное заполняется по-английски: ваши паспортные данные и сведения о рейсе прибытия.



Мавзолей пророка Даниила  
(Мазар Ходжи Данияра).  
Узбекистан

известны великие представители суфизма, способствовавшие становлению Бухары в священный, благородный город исламской религии. Специфической чертой суфизма в Средней Азии было то, что тут он не выступал как ересь и оппозиция исламской доктрине, а действовал в рамках сунны и шариата, то есть был абсолютно легитимен. Там и находятся семь пиров Хаджаган – Накшбанди<sup>7</sup>, т.е. семь мазаров, куда ежедневно со всех концов света приезжают верующие и не только мусульмане, но и представители других религий помолиться, попросить заступничества у святых, найти душевный покой



Мазар Ходжи Ахмеда Ясави,  
Туркестан, Казахстан



Мечеть Аль-Акса, Иерусалим

и излечение от недугов. Узбекистан весьма богат на святые места. Кроме Бухары святые места Самарканда и Хивы так же являются местами массового посещения.

Мазар Ходжи Ахмеда Ясави расположен в городе Туркестане в Южно-Казахстанской области Казахстана и является одним из главных мест поклонения мусульман региона.<sup>8</sup>

Кроме двух священных городов ислама Мекки и Медины, мусульмане иногда после хаджа отправлялись в Иерусалим, город пророков, в котором находится мечеть Умара. В программу хаджа посещение этого города не входит, поэтому только небольшое количество

## Умра

После заселения в гостиницу и душа я поехал к Хараму для совершения умры. Подъехал к мечети я незадолго до окончания молитвы таравих. А после ее окончания, чтобы не мешать молящимся, начал обход вокруг Каабы. Обряды умры просты и общеизвестны: семикратный обход вокруг Каабы, подъем на гору Сафа, движение в горе Марва и семь раз туда и обратно. В течение этих обрядов делаются многочисленные дуа. Дуа можно делать на любом языке. Часть из них я брал из своей любимой «Крепости мусульманина». Потом, когда я вышел из Харамы у ворот Марва, указатели сразу вывели на парикмахерские, в одной из которых мне выполнили последний обряд умры – укоротили волосы (15 риалов). После этого главное, ради чего я приехал на святую землю, было завершено, умра сделана. Осталось только просить Аллаха, чтобы он принял ее и дал обещанную Им награду.

## Практические советы

1. Во время обхода вокруг Каабы многие паломники совершают действия, которые не предусмотрены шариатом и являются их личной выдумкой. Не обращайтесь на них внимания. Я рекомендую заранее основательно подготовиться к умре по авторитетному источнику и, более того, мысленно несколько раз совершить все положенные обряды, чтобы потом не смущаться и уверенно действовать по принятому плану.

2. Не стоит впадать в фанатизм при попытке достигнуть Черного Камня. Ради этой сунны люди нарушают столько фардов, что итог такого поклонения весьма сомнителен. Старайтесь во время обхода быть как можно более обходительным и никого не задеть. Это священное место, к тому же все происходит в священный месяц.

3. Во время умры вы одеты только в ихрам, в котором карманы не предусмотрены. Тем не менее они вам нужны, хотя бы для денег на стрижку. Заранее подумайте об этом. Я носил небольшой кошелек на веревочке, куда умещались деньги, телефон и книжечка с дуа. Тапочки лучше куда-нибудь сразу пристроить. Если сможете сориентироваться, то лучшее им место где-то рядом с горой Марва, то есть там, где вы закончите обряды в храме и вам нужно будет выйти постричься на улицу (я об этом не подумал и ходил стричься босиком).

## Пост и намаз

Остальные несколько дней, которые я провел в Мекке, я только постился и читал намазы в Хараме. Несколько слов о посте. Сухур я делал в номере, заранее купил пятилитровую баклажку воды (4 риала), а потом каждый день покупал на сухур банан, яблоко, персик и кефир (все по реалу). С собой у меня были кружка, кипяtilьник и чайные пакетики, конская колбаса, сухие хлебцы и финики. Для сухура этого вполне достаточно. Ифтар каждый день я делал в Хараме напротив полукруглого фундамента Каабы. За ифтар на нашем секторе отвечала турецкая семья в составе многочисленных братьев, дядей и их сыновей, которые за час до начала ифтара расстилали клеенки и раздавали финики, орехи, брынзу, маслины, булочки с сыром и рахат-лукум. На первый взгляд, этого недостаточно, но уже через пару дней я не ел до сухура ничего, кроме того, что давали на ифтарах. Аллах ниспосылает такой баракат пище, что по приезде удивляешься, как в течение суток обходился столь незначительным количеством еды. Чтобы возместить потерю влаги, приходится много пить. С этим нет никаких проблем, так как в мечети повсюду стоят баки с прохладным зам-замом, кроме

того, после молитвы магриб вся мечеть Харам на некоторое время превращается в большую чайхану. Очень многие семьи приносят большие термосы с ароматным чаем и поят всех желающих. Это длится до времени иша, после которой читается молитва таравих. Она состоит из 20 ракатов, в течение которых читается один джуз Корана. Потом читается молитва витр и делаются дуа.

Пожалуй, самым сложным было поститься, постоянно находясь в Хараме. С полуденного намаза я находился в мечети до молитвы иша. Особенно трудно было в один из дней, когда было не только жарко (днем температура 45 градусов, а сколько на солнце, я даже не знаю), но и душно, как бывает перед дождем. Дождь так и не выпал, упали лишь несколько капель, а вот самочувствие было неважным. В это время можно умыться прохладным зам-замом, который снимает усталость. Большинство людей постоянно находятся в галереях Харамы, где постоянно работают вентиляторы. Днем рядом с Каабой находятся только совершающие таваф. даже обязательные молитвы большинство совершают не выходя на открытое солнце. Непосредственно у Каабы читает не больше 6–7 рядов верующих. Ночью жара спадает до 35, и это уже кажется нормальным. Если же большую часть находиться в номере под кондиционером, то пост больших сложностей не представляет, он даже на два часа меньше чем в наших широтах.

#### **Практические советы**

1. Цените время, которое у вас есть на святой земле. Не тратьте его на хождение по торговым центрам или забегаловкам фастфуда. Все это есть везде, а Кааба есть только здесь и награда за поклонение в этом месте столь велика, что глупо разменивать ее на пустое времяпрепровождение. Если устали от чтения Корана или выполнения молитв, то лучше поговорить с кем-нибудь из мусульман. Достаточно доброй улыбки, и с вами начнут разговор. Беседа с братом с другого конца мира позволит вам не только отдохнуть, но и получить полезную информацию и приятные эмоции.

2. Тщательно относитесь к питанию, особенно в общественных местах или если пища непривычна для вас. Большое количество людей предполагает большое количество микробов. Если добавить неизбежную акклиматизацию, то вероятность кишечного расстройства достаточно велика. Рецепты просты: мойте руки перед едой или пользуйтесь специальными дезинфицирующими жидкостями или салфетками, от питания в забегаловках лучше вообще воздержаться.

#### **Когда чисто там, где мусорят**

Чистота – одна из частей веры, а соблюдение чистоты – одна из обязанностей мусульманина. Обязанность хозяев мечети – следить за ее чистотой. Со своей обязанностью в Хараме справляются отлично. Сколько мусора остается после паломников, особенно после ифтара, на территории Харамы, можно представить, тем не менее все это быстро убирается, чистится, шлифуется и умащается приятными запахами. Рабочий персонал с каким-то пионерским задором занимается уборкой территории, лихо рассекает пространство на машинах для чистки и бегают со швабрами. Глядя на них, думаешь, что люди действительно нашли свое призвание и работа приносит им большое удовольствие. С другой стороны, подальше от Харамы, где такого количества уборщиков нет, мусора гораздо больше. Я видел Мекку только во время большого скопления людей, не могу сказать, как там дела обстоят в



Могила имама Резы в Мешхеде

мусульман направлялось туда.<sup>9</sup>

Следует отметить священные города шиитов, которые до или после хаджа посещали Кербелу (с гробницей Хусейна), Неджеф (с гробницей Али, вокруг которого похоронены много шиитов), Казимейн близ Багдада (гробницей 7-ого и 8-ого имамов), Самарру (гробницы 10-ого и 11-ого имамов и склеп 12-ого). Кроме того, в Иране есть еще два города, посещаемые шиитами: Мешхед (гробница имама Резы) и Кум (гробница Фатимы, сестры имама Ризы).<sup>10</sup>

#### Примечания:

<sup>1</sup> Имеется в виду, что награда за эту молитву будет больше.

<sup>2</sup> Здесь речь идёт не об абсолютном запрете (тахрим), а о нежелательности (нахи).

<sup>3</sup> Аль-Фикх аль-Ханафи фи саубихи аль-джадид (Ханафитский фикх в новом обличье). Дамаск, 1998 г. Том 1, с. 510-514.

<sup>4</sup> Там же, с. 512.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Аль-Газали М. Ихйа 'улюм ад-дин (Оживление религиозных наук) / Изд. 3-е. – Бейрут: «Аль-Кутуб аль-'ильмийа», 2003. Т. 2, с. 134.

<sup>7</sup> Более подробно см. Святые лики семи пиров священной Бухары. Альмеев Р. Газета «Медина аль-Ислам» №99, №100, №101, №102, №103.

<sup>8</sup> [http://www.natcom.unesco.kz/turkestan/e10\\_mausoleum.htm](http://www.natcom.unesco.kz/turkestan/e10_mausoleum.htm)

<sup>9</sup> А. Массе. Ислам. Очерки истории. Издание 3. «Наука», М., 1982 г. С. 84.

<sup>10</sup> А. Массе. Ислам. Очерки истории. Изд. 3. «Наука», М., 1982 г. С. 100-104.

течение года. Но неоднократно наблюдал, что коренные саудовцы не прилагают усилий для поиска урны и бросают мусор прямо под ноги. (А кто-то говорит, что у нас совершенно разный менталитет!)

Практические советы. То, что за вами все равно уберут, не означает, что вы должны мусорить. Если вам есть что выкинуть, не полнитесь отнести это до урны (я, например, носил пакетик для мусора в своем рюкзаке, а потом выбрасывал его в отеле). Вы несете ответственность перед Аллахом за свои действия и, соблюдая чистоту в священном городе, только увеличиваете свою награду.

#### Подарки и деньги

Конечно, человек, который уезжает в паломничество, получает множество заказов от близких и друзей. Я честно старался избегать перспективы со «списком товаров», поэтому про мекканский шопинг сказать ничего не могу. Все, что мне надо было купить, я купил в одном магазинчике напротив Харама: миск «Дуа аль Джанна» (10 штук по 4 риала), маленький Коран в чехле с таджвидом (15 риалов) и ихрам хорошего качества (450 риалов) взамен того, что мне дали в поездку. На этом мой шопинг закончился. Он занял не более 30 минут, чему я был очень рад.

Практические советы. Самый большой и ценный подарок, который можно привезти из Мекки, – это, конечно, вода Зам-Зама. Я несколько дней наблюдал, как, где и когда ее набирать лучше всего, так как достаточно часто видел неприятные сцены с давкой, скандалами и большими усилиями, которые прилагали некоторые паломники. На самом деле все можно сделать очень спокойно и никому не мешая. Я свои емкости заполнил на галерее третьего этажа между Сафа и Марва за полчаса до утреннего намаза, а рядом было еще 10 свободных кранов.

#### Простая арифметика

Аллах сказал в Коране: «Я купил души верующих за Рай». Мусульманин в течение жизни старается сделать как можно больше добрых дел. И благодаря полученным знаниям старается делать те дела, награда за которые особенно велика.

В одном из хадисов посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, говорит о достоинстве расходования средств на паломничество, которые приравниваются к расходам на пути Аллаха и один рубль приравнивается к семиста. В свою очередь каждый рубль, потраченный ради Аллаха во время священного рамадана, увеличивается перед Аллахом от 10 до 700 раз! Разве можно пренебречь такой возможностью для доброго расходования средств!

Чтение намаза в мечети Аль-Харам приравнивается к 100 000 намазов в любом другом месте (кроме мечетей Пророка и Аль-Акса). А что говорить о том, если эта молитва прочитана в месяц рамадан (награда увеличивается от 10 до 700 раз), джамаатом (27 раз) и в первом ряду молящихся соблюдающим пост (награда известна только Аллаху)! Поистине каждый, чьи намерения чисты и его дела будут приняты Аллахом, вернется из такого путешествия миллионером и эти миллионы в будущей жизни для человека будут гораздо полезнее миллионов долларов и евро в этой.

#### Чудо Аллаха

Самым приятным по возвращении была погода. С каким наслаждением я вдыхал свежий осенний воздух родного города. Как это здоро-



во, когда 20 градусов везде, а не только под кондиционером, и вокруг приятная зелень вместо песка и безжизненных скал. Наша земля – настоящее чудо Аллаха.

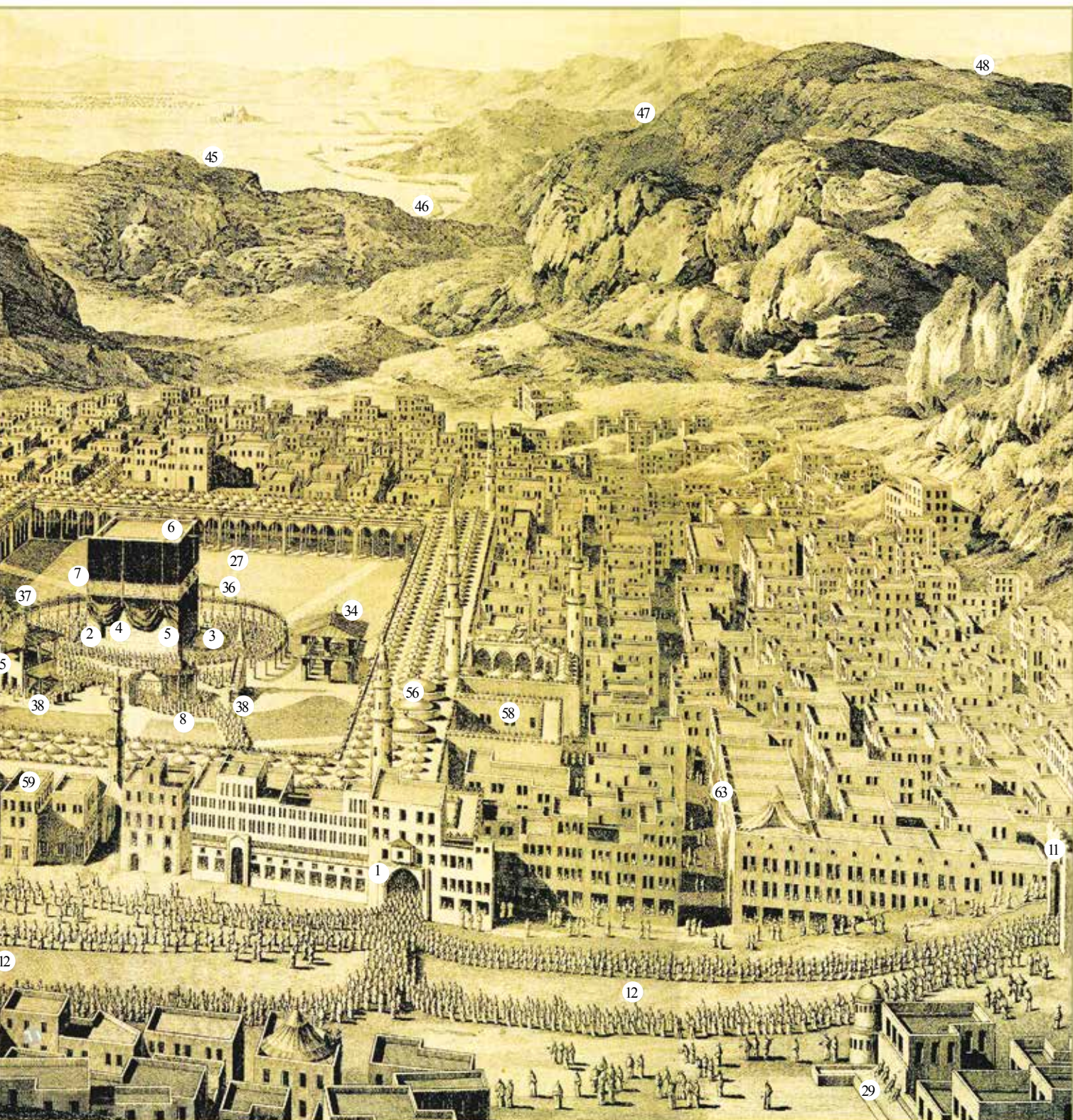
### Курорт для души

Современный человек тщательно следит за своим здоровьем. Он хочет долго сохранять свою молодость, энергию и работоспособность. Быть полноценным членом общества, несмотря на возраст. Он внимательно прислушивается к советам врачей и при необходимости каждый год ездит на курорт принимать нарзанные ванны или к теплому морю. И при правильно организованном отдыхе необходимый эффект действительно наступает. Те, кто много зарабатывает, тратят большие деньги на отдых, чтобы потом заработать еще больше. Хороший отдых позволяет аккумулировать энергию и делать больше в дальнейшем. Что такое паломничество для мусульманина? По большому счету, этот тоже курорт, только курорт для души. Это тот необходимый отдых от суеты этого мира, который просветляет душу и очищает мысли, это часы искренних дуа и благочестивых слез, это наслаждение близостью к Аллаху, которое не сравнится с другими наслаждениями. И не случайно лучший лекарь человеческих душ, наш благословенный Пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, приказывает нам чередовать совершение хаджа и умры и указывает на большую награду от Всевышнего Аллаха. Духовное очищение, которое дает паломничество, позволит с новыми духовными силами работать у себя дома, избегать грехов и делать добрые дела, стараться на пути Аллаха и стремиться к Его Раю. А Аллах знает лучше.





- |   |  |   |
|---|--|---|
| <p>1. Ворота Мира<br/>                 2. Черный камень<br/>                 3. Комната Исмаила (название части отдельной стены с северной стороны Каабы)<br/>                 4. Дверь Священной Каабы<br/>                 5. Северный угол Каабы<br/>                 6. Золотой желоб<br/>                 7. Угол черного камня<br/>                 8. Камень, на котором стоял пророк Ибрахим при строительстве Каабы<br/>                 9. Ворота ас-Сафа<br/>                 10. Холм ас-Сафа<br/>                 11. Холм аль-Марва</p> | <p>12. Низина<br/>                 13. Два зеленых склона<br/>                 14. Гора Мина (ас-Сабих)<br/>                 15. Мечеть Ибрахим в долине Арафат<br/>                 16. Гора Арафат<br/>                 17. Долина Арафат<br/>                 18. Гора ар-Рахма<br/>                 19. Долина Муздалифа<br/>                 20. Гора Кузах<br/>                 21. Местность Мина<br/>                 22. Места бросания камней<br/>                 23. Места для выполнения обряда жертвоприношения<br/>                 24. Места для стрижки волос</p> | <p>25. Мечеть аль-Хайф<br/>                 26. Аль-Мухассаб (аль-мухсаб)<br/>                 27. Ворота аль-Вада<br/>                 28. Передвижная лестница Каабы<br/>                 29. Общественный колодец (родник)<br/>                 30. Водоем аш-Шаами<br/>                 31. Водоем Египта<br/>                 32. Каменные здания аш-Шамдан, построенные в виде шатра<br/>                 33. Каменные здания аль-Аббас, построенные в виде шатра<br/>                 34. Место с северной стороны Каабы, где совершали молитву последователи ханафитской правовой школы (мазхаба)</p> |
|---|--|---|



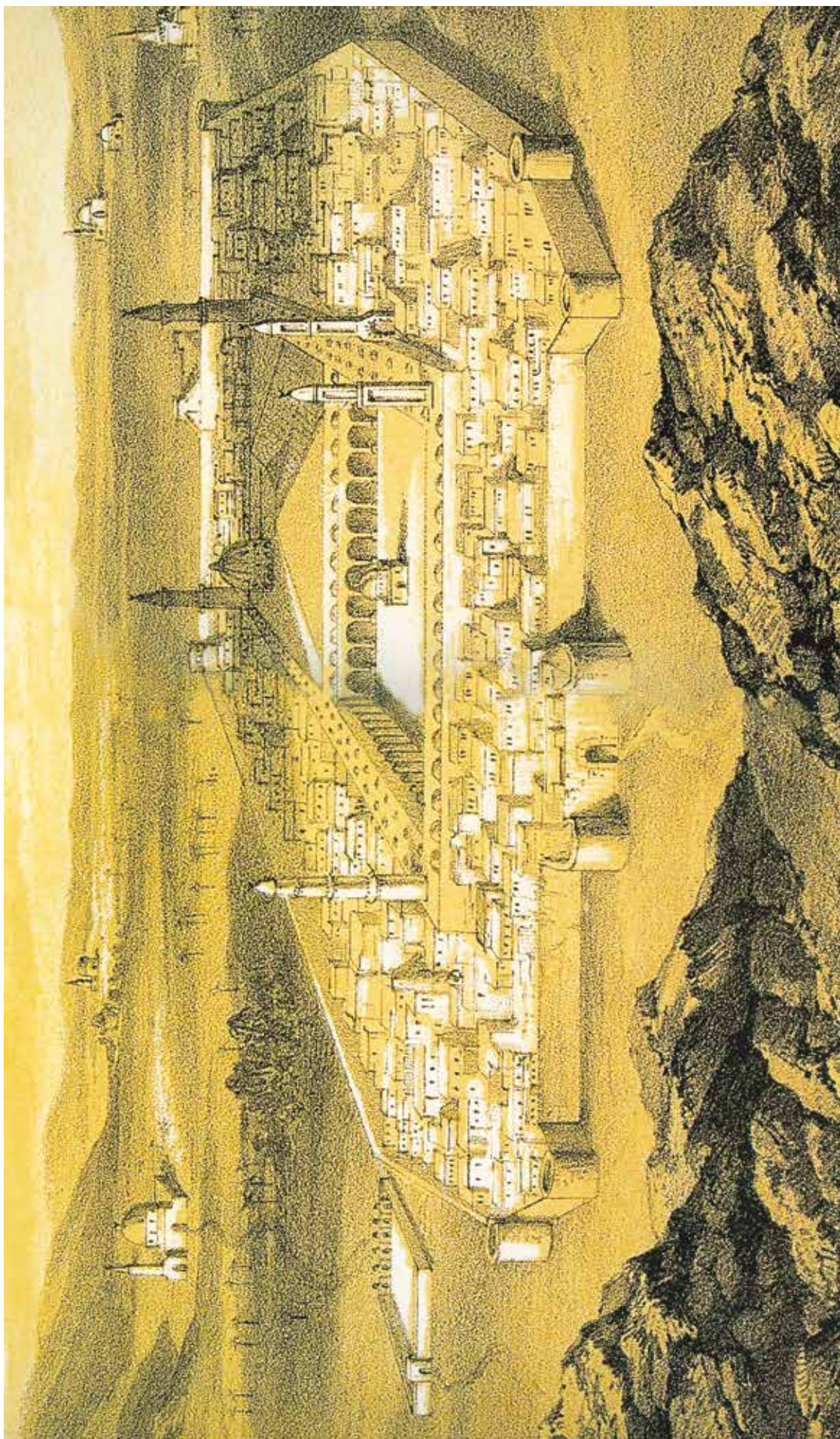
35. Место с восточной стороны Каабы, где совершали молитву последователи шафитской правовой школы (мазхаба)  
 36. Место с западной стороны Каабы, где совершали молитву последователи маликитской правовой школы (мазхаба)  
 37. Место с южной стороны Каабы, где совершали молитву последователи ханбалитской правовой школы (мазхаба)  
 38. Трибуна проповедника  
 39. Гора Аби Кубайс  
 40. Гора Джазаль  
 41. Гора Абдулла

42. Гора Субайр  
 43. Гора Шариф  
 44. Гора Саур  
 45. Гора Муншийя  
 46. Гора Лягяг  
 47. Гора Хандама  
 48. Гора Хиндий  
 49. Место, откуда наблюдали за расколом Луны во времена Пророка Мухаммада  
 50. Гора Хира  
 51. Гора ан-Нур  
 52. Место, где пророк Ибрахим совершил молитву

53. Кладбище аль-Ашраф, где хоронили известных и знаменитых людей  
 54. Могила Хадиджы  
 55. Дворец аш-Шариф  
 56. Дом председателя-судьи  
 57. Мечеть Мурада III  
 58. Медресе ас-Суляймания  
 59. Медресе Каййтбай  
 60. Дом Дахли Паша  
 61. Дом имамов  
 62. Общественная баня  
 63. Рынок  
 64. Сад судьи Мекки



Палатки паломников в пригороде Мекки



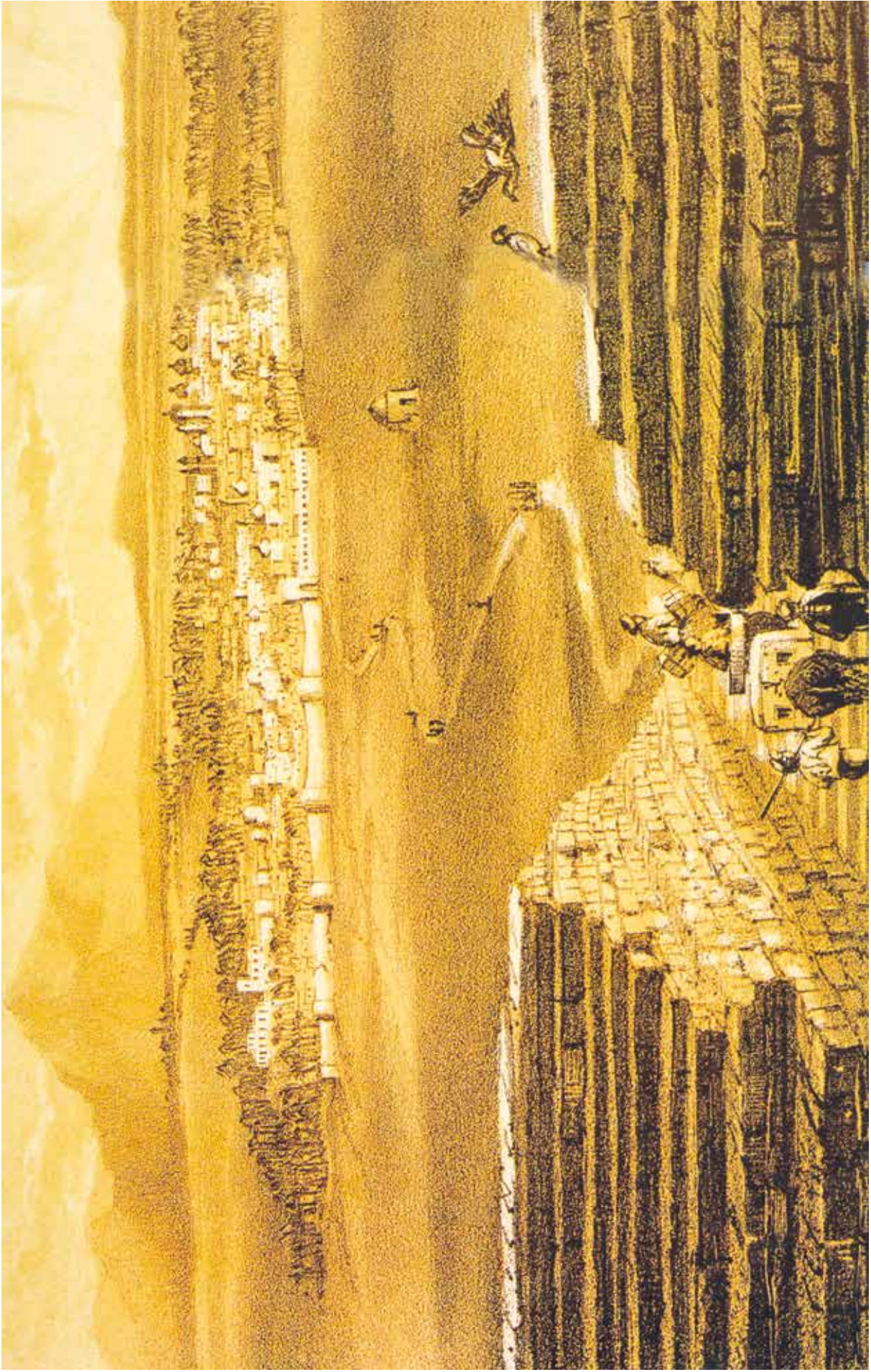
Город Медина и мечеть Пророка



Паланкин. Рисунок Р. Бертона, 1855 г.

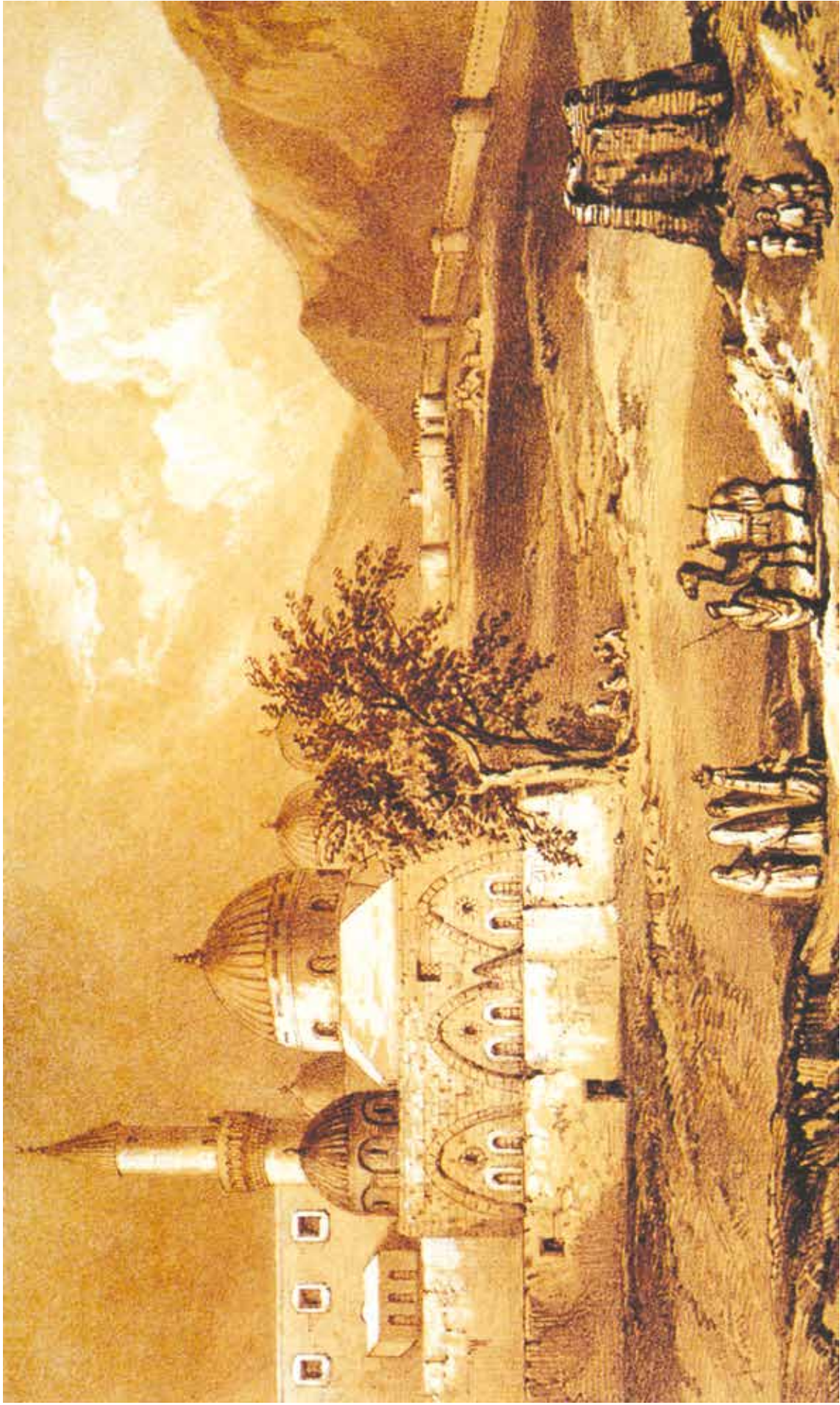


Метание камней в долине Мина. Рисунок Р. Бертона, 1855 г.



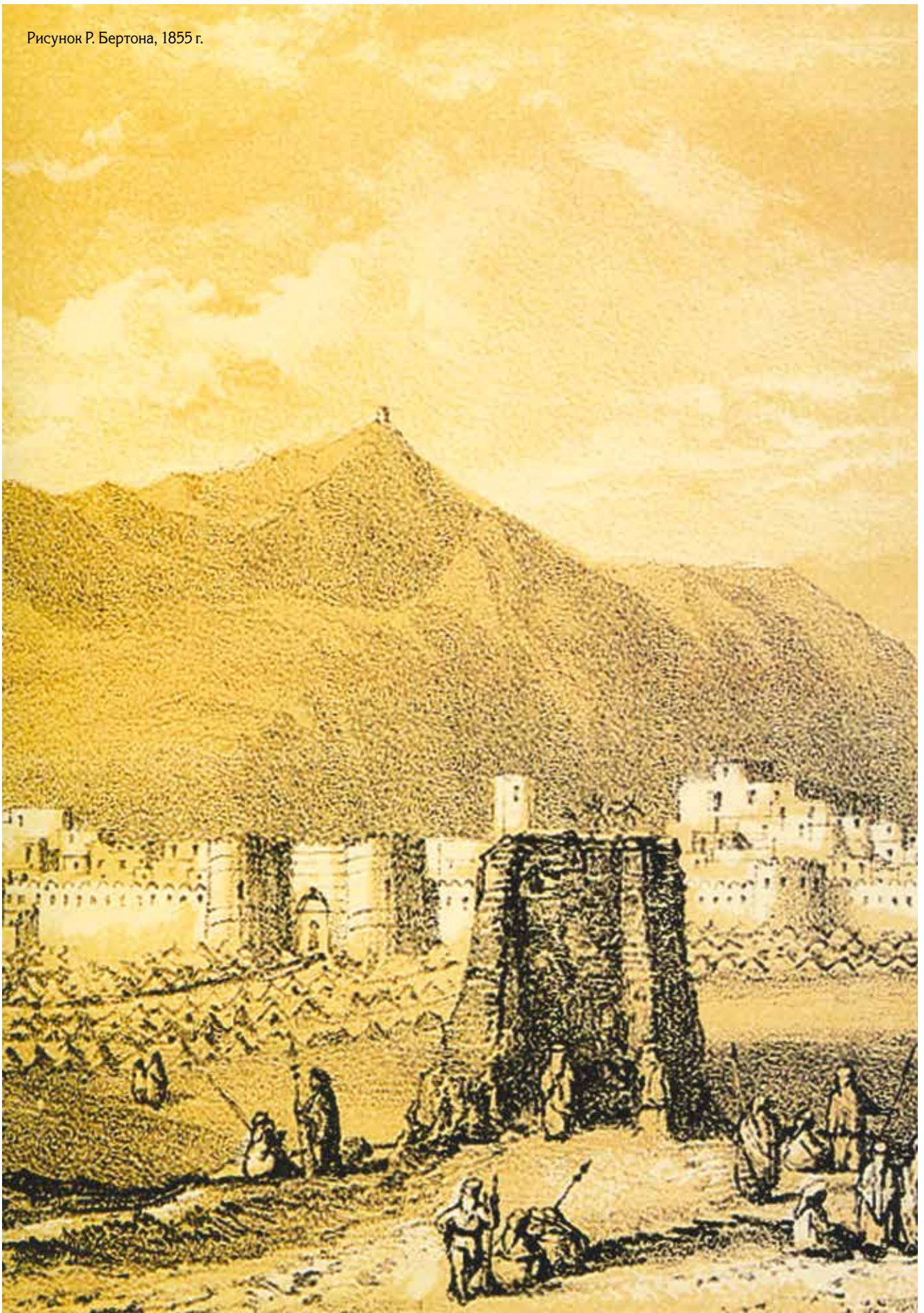
Общий вид Лучезарной Медины. Рисунок Р. Бертона





Мечеть Пророка в Медине. Рисунок Р. Бертона

Рисунок Р. Бертона, 1855 г.

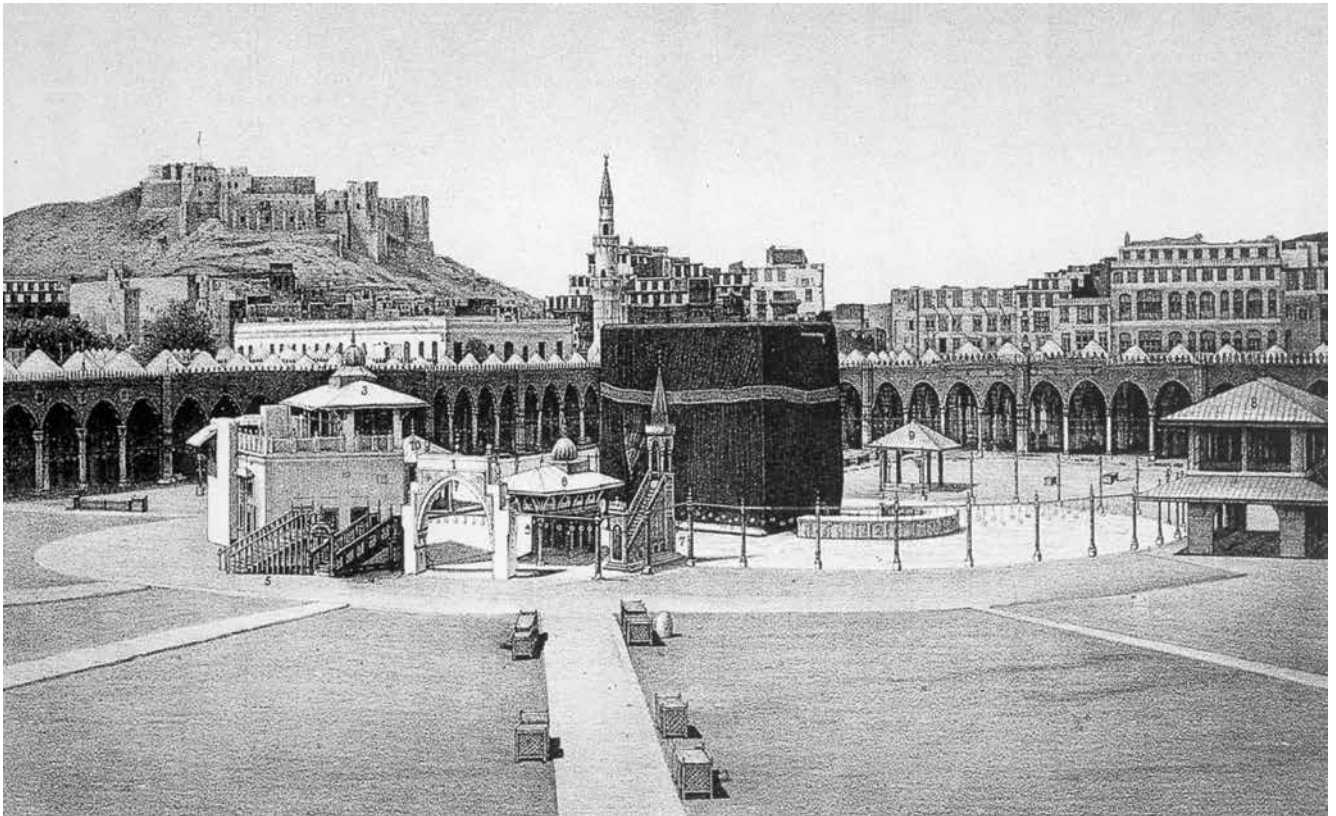
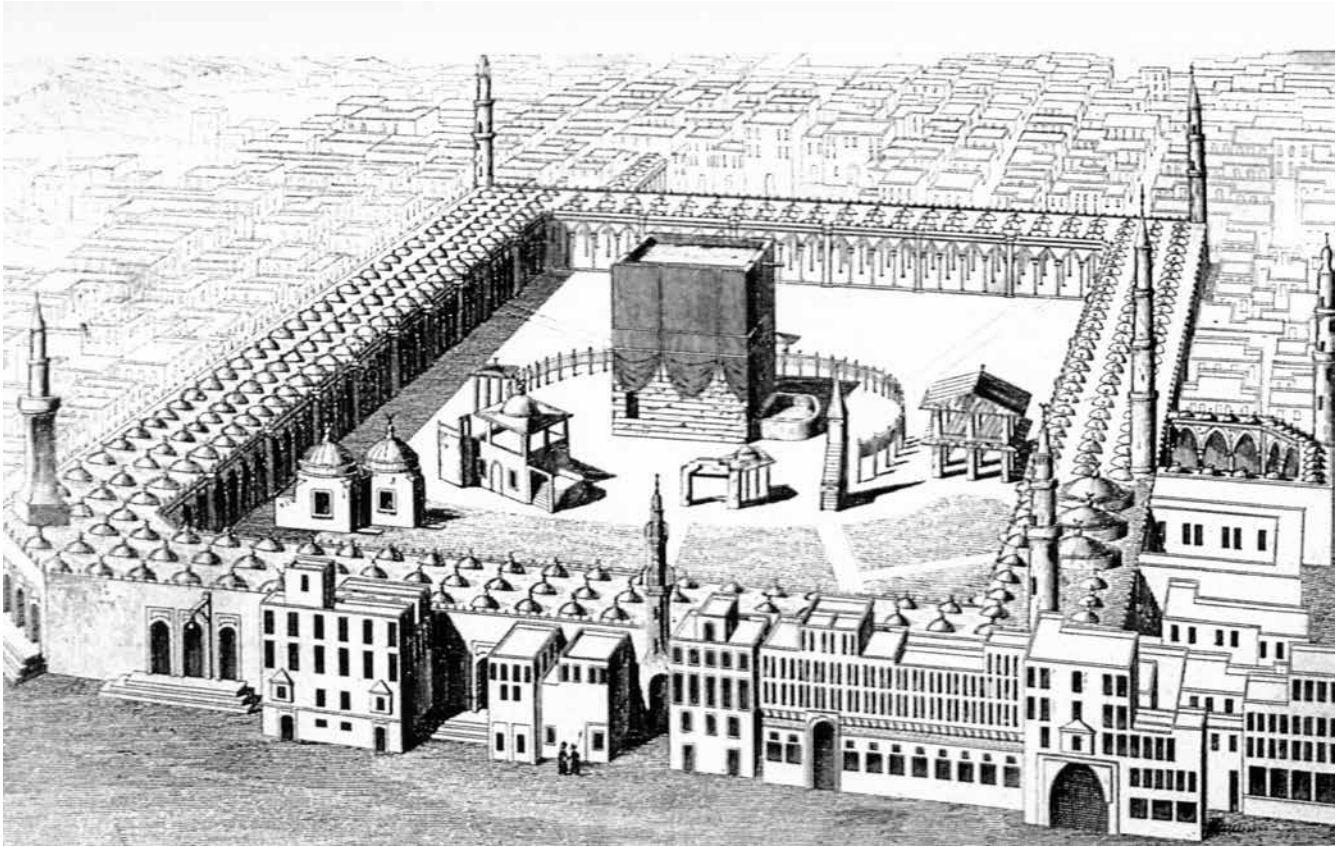


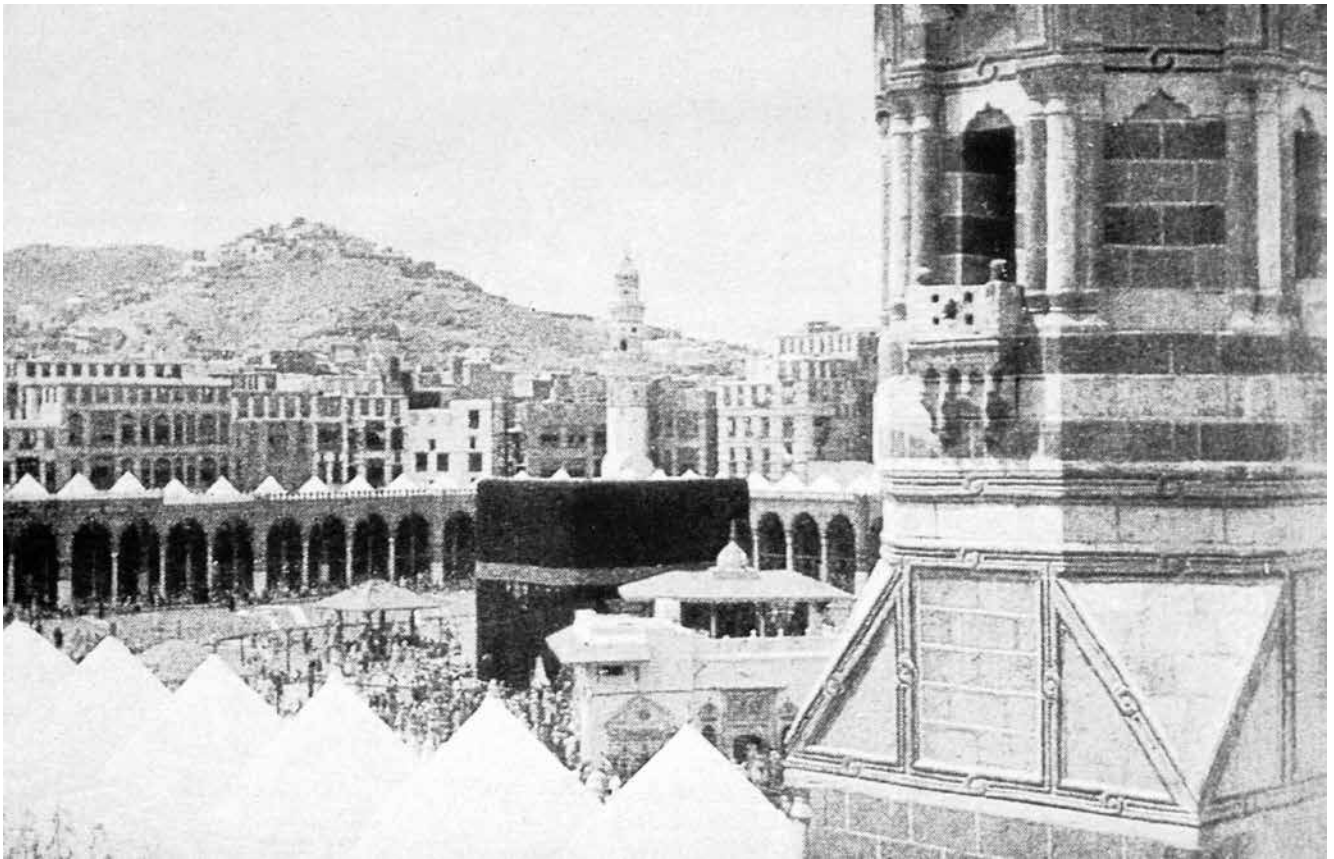
Бедуин. Рисунок Р. Бертона



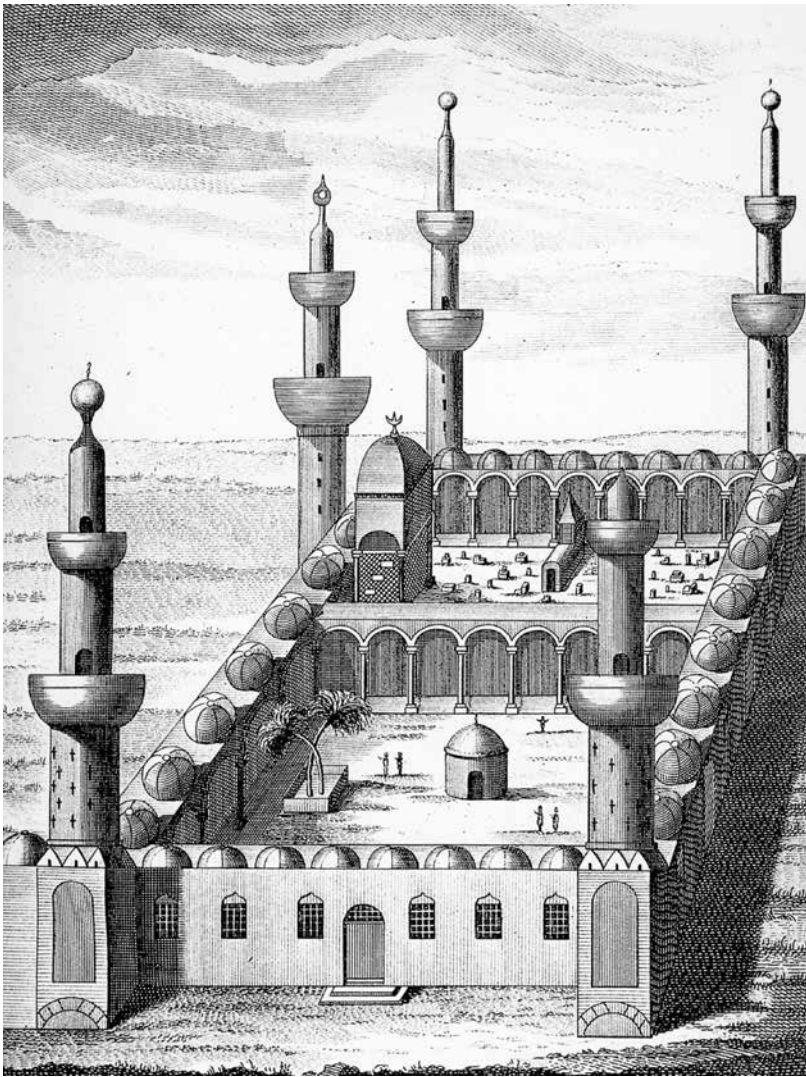
Одежда паломников. Рисунок Р. Бертона



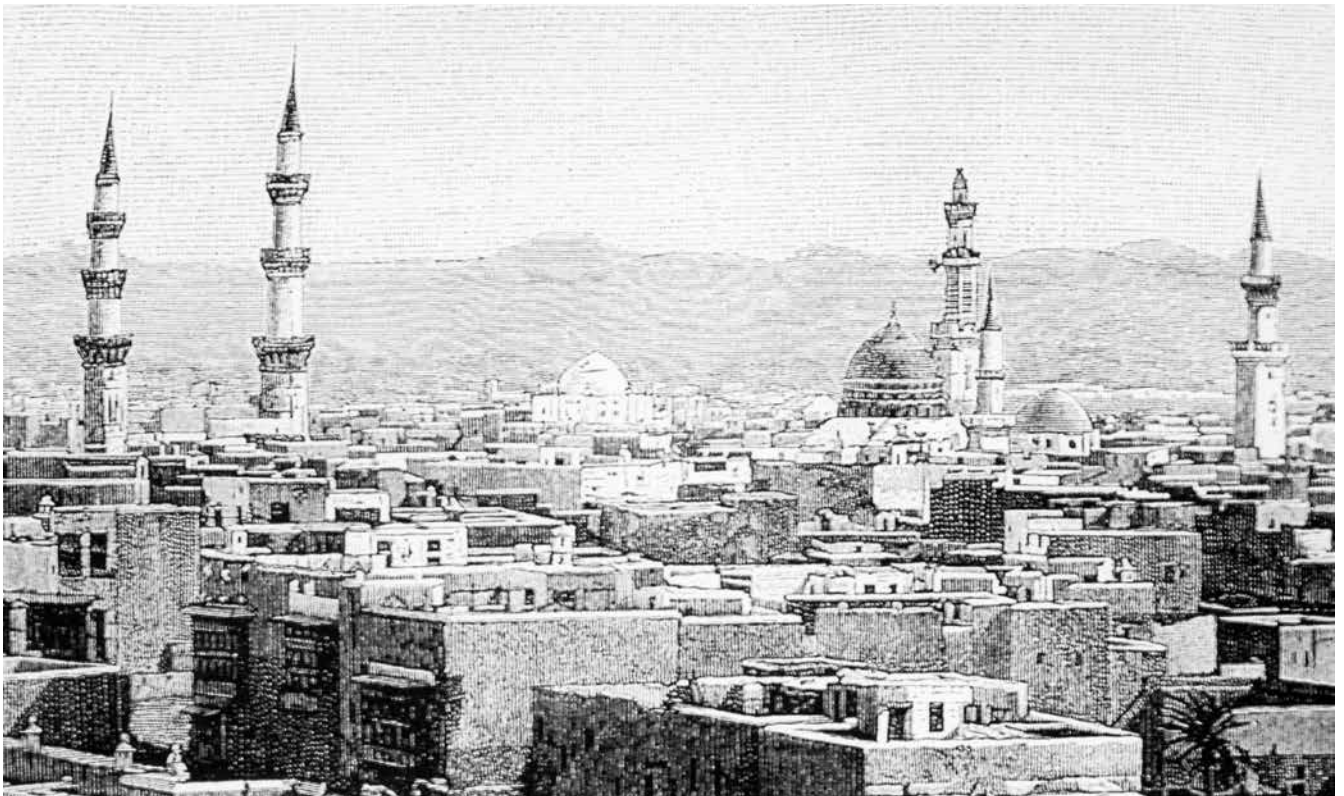




Заповедная мечеть. Рисунок Айюба Сабри, 1872 г.

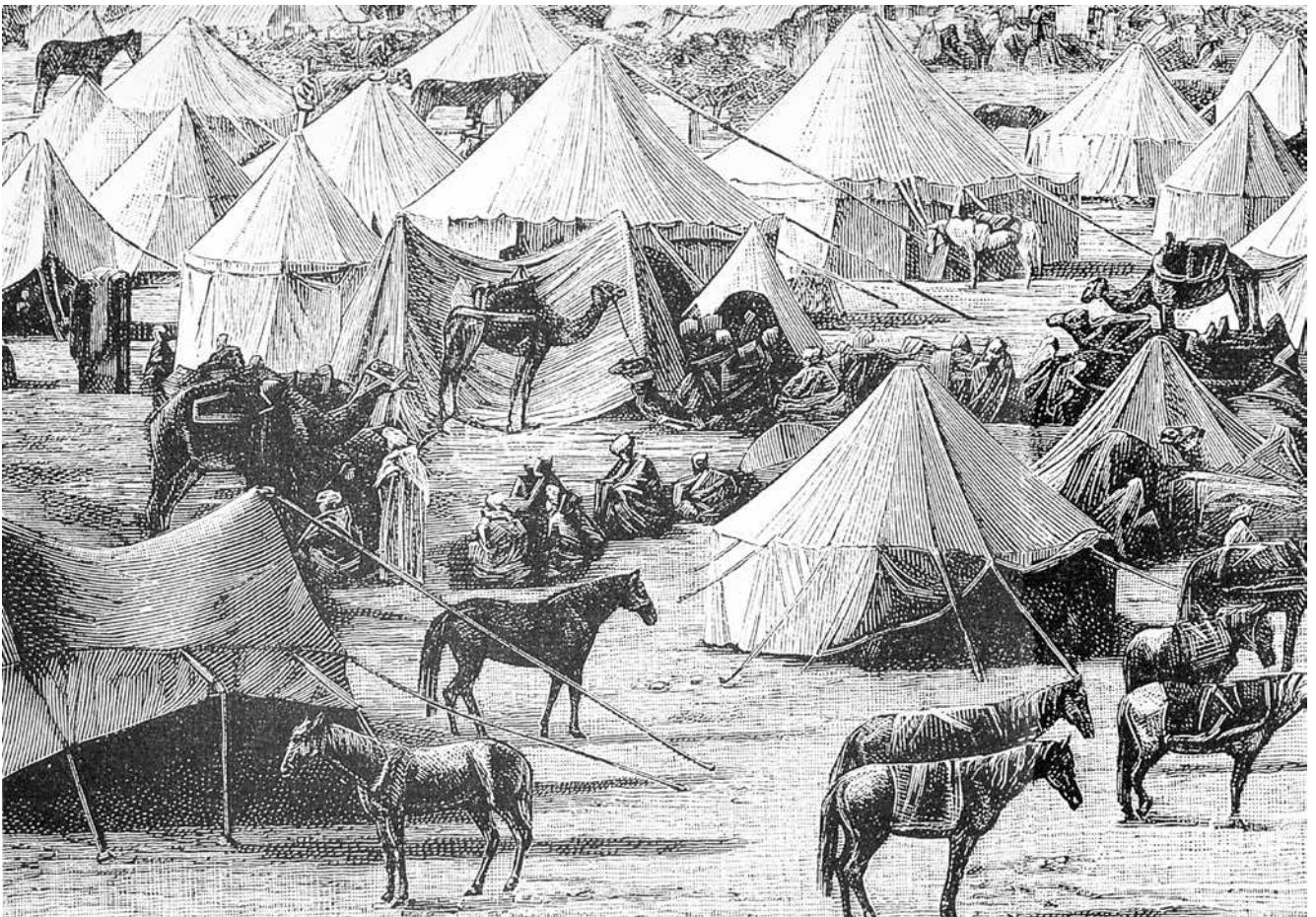


Мечеть Пророка в Медине





Палатки для ночлега паломников











## ХАДЖ РОССИЙСКИХ МУ- СУЛЬМАН № 3' 2010

Составитель и редактор  
**И. А. Нуриманов**

Под общей редакцией  
**Д. В. Мухетдинова**

Дизайн, верстка  
**А. А. Панышин**

Корректор  
**Л. А. Зелексон**

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ  
«МЕДИНА»:**

**Главный офис ИД «Медина»  
в Москве:**  
105005, Москва,  
наб. Академика Туполева, 15/2,  
офис 46  
Тел./факс (495) 980-89-62  
8-926-527-47-81 —  
Ильдар Анварович Нуриманов  
(генеральный директор)  
E-mail: medina@islamnn.ru

**Филиал ИД «Медина»  
в Нижнем Новгороде:**  
603024, Нижний Новгород,  
Казанская набережная, 6  
Тел. (831) 243-00-11,  
факс (831) 432-13-76  
8-951-901-12-95 —  
Сергей Николаевич Цибовский  
(директор филиала)  
E-mail: madina@sinn.ru

**Филиал ИД «Медина» в Казани:**  
420049, Казань, ул. Газовая, 19  
8-917-876-81-71 —  
Айдар Юрьевич Хабутдинов  
(директор филиала)  
E-mail: aihabutdinov@mail.ru

**www.idmedina.ru**  
E-mail: madina@sinn.ru

**www.islamrf.ru**  
**www.islamnn.ru**

Тираж 1000 экз.

### ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999 г.
2. Аккая Вейсел. Хадж: согласно хадисам и в жизни. М., Новый Свет, 2008 г.
3. Али-заде Айдын Ариф оглы. Хроника мусульманских государств I–VII веков хиджры. Изд. 2-ое, испр. И доп. – М.: Умма, 2004 г.
4. Аль-Албани Мухаммад Насир ад-Дин. Хадж Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), о котором рассказали великие и заслуживающие доверия передатчики со слов Джабира (да будет доволен им Аллах). Пер. с араб. Д. Хайруллин. М., УММАН, 2006 г.
5. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М., 2001 г.
6. Арапов Д. Ю. Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Вестник Евразии. – 2002. – № 2 (17).
7. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Под редакцией профессора И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского. СПб., 1890–1907 гг.
8. Большаков О.Г. История халифата. Ислам в Аравии 570–633 гг. Т. 1. М., 2002 г. Владимиров Н. Г. Ислам в России. М., 1996 г.
9. Вяземский П. А. Путешествие на Восток (1849–1850). СПб., 1883 г.
10. Габделгазиз Хажитархани. Хажнаме. Астрахань, 1910 г.
11. Гали Риза. Хажиларга рэфыйк яхуд хажиларнын алдандыкларыны баян ва алданмаенча йорерго тугры тарикъ. – Казан: Электро-типография «Урнэк», 1909 г. (Гали Риза. Путеводитель для хаджиев, или рассказ о том, как обманывают... – Казань, 1909)
12. Давлетшин А. А. «Отчет штаб-капитана Давлетшина по командировке в Хиджаз». СПб., 1899 г.
13. Достопамятности славных караванов, идущих в Мекку, с некоторыми обстоятельствами городов Мекки и Медины // Собрание соч., выбр. из Месяц., – 1791. – Ч. 7. – С. 276–285.
14. Жданов С. Гости Аллаха (К истории российского паломничества) // Обозреватель-Observer. – № 5–6.
15. Зайнетдин б. Шарафетдин аль-Болгари. Ошбу рисалэ монасыкъ эл-хаж ва нагът-и расулуплллах. Казань, 1901 г.
16. Ибн Баттута. Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий. Каир, 1964 г.
17. Иваницкий Т. А. Пилигримство мусульман в Мекку и Медину на поклонение главным святыням ислама [«хадж»], с отзывами европейских ученых очевидцев о черном камне Каабы: [Материал для миссион. противомусульм. бесед]. – Тифлис: тип. Канцелярии наместника с. и. вел. на Кавказе, 1914 г.
18. Из Лондона в Мекку (Путешествие Буртона) // Всемирный путешественник. – 1872 г. – Август. – С. 17–64.
19. Известия императорского географического общества. Т. V, СПб., 1869 г.
20. Ике хаджинин рихалэтнамэлэр. Казань, 1862 г. (Путевые заметки двух паломников). На тат. яз.
21. Имам Ахлиулла Биаллов. Хажы зары. Казань, 1912 г.
22. Имам Ахмедшах б. Ахмеджан аль-Казани. Сафар аль-Хиджаз. Стелетамак, Типография т-ва «Нур», 1911 г.
23. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вступительной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М., 2001 г.
24. Ислам на европейском востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004 г.
25. Исхакый Р. Хадж сафаре. Догалар. Казань, изд-во Иман. 1991 г.
26. Константинопольский трактат от 3 июня 1700 г., ст. XII // Договоры России с Востоком, политические и торговые / Собрал и издал Т. П. Юзефович. СПб., 1862 г.
27. Максуди Ахмад Хади. Введение в практику Ислама. Гыйбадате Исламия (Ибадат-и Исламийя): вероисповедание, омовение, намаз, пост, закят, хадж, молитвы. СПб., Дила, 2006 г.
28. Марков Е. Путешествие на Восток. – СПб., 1890 г.
29. Мекка – священный город мусульман. (Рассказ паломника). Средне-Азиатский вестник. Ноябрь и декабрь 1896 г. Ташкент, 1896 г., № 11, 12.
30. Миропиев М. Религиозное и политическое значение хаджа или священного путешествия мухаммедан в Мекку для совершения религиозного праздника // Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской Духовной Академии. Вып. XV. – Казань: Тип. Императорского ун-та. – 1881. – 251 с.
31. Мухаммедвали Багдани. Рисалэт миръат эл-хаж яхуд хаж көзгесе. Казань, 1913 г.
32. Мухаммед бине Салих эл-Гомэри. Сафарнаме. Казань, 1890 г.
33. Мухетдинов Д. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. Н. Новгород, 2006 г.
34. Наушкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008 г.
35. Никольский М. Э. Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. – 1911. – Т. 124, апрель. – С. 256–292; май. – С. 603–638.
36. О санитарном состоянии русских паломников в Мекке и Джедде // Известия Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. – 1900 г. – Т. 3, № 3. – С. 74–75.
37. Общий свод по империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905 г. Т. 1–2.
38. Отправившийся ежегодно в Мекку караван от аравитянский бунтовщиков ограблен. Примеч. К Ведом. – 1729 г. – Сентябрь. Ч. 71–73. – С. 283–294.
39. Отчет о командировке в Джижду врача Д. Заболотного. СПб., 1897 г.
40. Паратов Г. Некоторые подробности путешествия мусульман Закатальского округа в Мекку // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32, отд. 1. 1903 г.
41. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Изд-во АН СССР М. – Л., 1939 г.
42. Путешествие во Иерусалим Саровская Общеземельная Пустыня иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. – М., 1800.
43. Резван Е. Хадж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998 г.
44. Рихлят Марджани. Казань. 1898 г.
45. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Изд-во АН СССР М. – Л., 1939 г.
46. Сибгатулина А. Простодушных паломников обманывали везде... // Эхо веков. – № 2. – 2006.
47. Снук-Хюргронье А. Мекка / пер. с нем. К. Девина // Средняя Азия. – 1910 г. – Кн. 8.
48. Соколов Д. Ф. Поездка в город Джедду // Исторический вестник. – 1902 г. – Т. 88, май.
49. Соколов Д. Ф. О паломничестве мусульман в Мекку: Из «Отчета принцу Ольденбургскому по командировке в г. Джедду»: Сообщено в Антропологическом обществе при Военно-медицинской академии / [соч.] Д. Ф. Соколова. – [СПб.: тип. Стасюлевича, ценз. 1901]. – 34 с.
50. Снук-Хюргронье А. Мекка / пер. с нем. К. Девина // Средняя Азия. – 1910. – Кн. 8. – С. 30–44.
51. Султанов С.-Г. Священная область мусульман в Аравии (Из воспоминаний паломника) / Хаджи Салим-Гирей // Земледелие. – 1901. – Кн. 1–2. – С. 85–144.
52. Темиржанова-Емыкова Г. М. Мекканский дождь: (этюды о Хадже). – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. 2009.
53. Тухолка С. Русские паломники в Хиджазе. Сборник консульских донесений. Вып. 6. 1901 г.
54. Устав о паспортах со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решениям Правит. Сената и циркулярам Министерств. СПб., тип. Министерства Внутренних Дел, 1905 г.
55. Фахретдин Р. «АСАР». Том 1. Изд-во «Рухият», Казань 2006 г.
56. Фильштинский И. М. Арабы. История и культура. История арабов и халифата (750–1517 гг.). – М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999 г.
57. Халидов А. Б. Сообщение арабской хроники XII в. о посольстве из Булгар в Багдад // Ш.Марджани: Наследие и современность. Материалы международной научной конференции. – Казань: Мастер Лайн, 1998 г.
58. Хамидулла бин-Ф. Хадж-наме. Книга о хадже. Н. Новгород 2006 г.
59. Ханмагомедов Я. М. Хадж и его трансформация в исламе: Историко-философский анализ: диссертация кандидата философских наук: 09.00.06 – Махачкала, 1999. – 149 с.
60. Хожение в Кербелу и Неджф: путевые заметки магометанского богомольца из Тавриза. Труды вост. отд. Имп. Русского археолог. общ. Ч. 8. 1864 г.
61. Чокрый Гали. Дастан хажнаме. Казань, изд-во Иман. 2006 г.
62. Шейх Магази аль-Орый. Рихлят ибне аль-Магази аль-Хиджаз. Оренбург, 1913 г.
63. Шоший Абдукаххар. Хадж-наме. Ташкент, Наука, 1991 г.
64. Яровой-Равский В. И. Паломничество (хадж) в Мекку и Медину // Сборник материалов по мусульманству. – 1889. – Т. 1. – С. 129–156.
65. Аль-Фихк аль-Ханафи фи саубихи аль-джаид (Ханафитский фикх в новом обличье). Дамаск, 1998 г. Том 1.
66. Книга сунны. Бейрут, 1987 г., с. 601–603.